

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (36) 2020

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (36) 2020

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2020
© Tomsk State University, 2020

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (36) 2020

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2020
© Томский государственный университет, 2020

CONTENTS

No 1 (36) 2020

Maria K. Amelina. From small-scale multilingualism to “the big shift” to Tundra Nenets: linguistic ideologies and language shift dynamics in Tukhard Tundra and the Lower Yenisei area (20 th — the beginning of the 21 st century)	7
Nurlan A. Atygayev, Omirbek Hanayi. About the time of fixation of hydronym “Syrdarya” in historical sources	49
Maria P. Bezenova. The peculiarities of the translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: nominal morphology	53
Nadezda I. Danilova, Fedor N. Diachkovskiy. The Great explanatory dictionary of the Yakut Language: bases, premises, structure	71
Elena M. Napolnova. The analysis of semantics of the Turkish lexeme <i>yer</i>	82
Julia V. Normanskaja, Natalia A. Kosheliuk. The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas — an earlier unknown Mansi dialect?	92

REVIEWS

Vadim V. Dyachkov. Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of the Tatar language in a typological perspective]	101
Anita V. Solovyeva. Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of the Moksha language in a typological perspective]	116
Style sheet	133

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (36) 2020

М. К. Амелина. От многоязычия к «большому переходу» на тундровый ненецкий язык: лингвистические идеологии и динамика языкового сдвига в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея (XX — нач. XXI в.)	7
Н. А. Атыгаев, О. Канай. О времени фиксации гидронима «Сырдарья» в исторических источниках.....	49
М. П. Безенова. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология	53
Н. И. Данилова, Ф. Н. Дьячковский. Большой толковый словарь якутского языка: основы, предпосылки, структура	71
Е. М. Напольнова. Анализ семантики турецкой лексемы <i>yer</i>	82
Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект?	92

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Дьячков. Рецензия на книгу: Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект	101
А. В. Соловьева. Рецензия на книгу: Элементы мокшанского языка в типологическом освещении	116
Требования к оформлению статей.....	133

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

**От многоязычия к «большому переходу» на тундровый ненецкий язык:
лингвистические идеологии и динамика языкового сдвига
в Тухардской тундре и на сопредельных территориях
в низовьях Енисея (XX — нач. XXI в.)**

Амелина Мария Константиновна, Институт языкознания РАН (Москва),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); neamelina@gmail.com

В данной статье к рассмотрению привлекается материал, собранный автором в ходе экспедиции (в ноябре-декабре 2017 г.) в п. Тухард (сельского поселения Караул) Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края и на стойбищах оленеводов в Тухардской тундре (низовья Енисея). В первом разделе статьи очерчены границы Тухардской тундры, кратко обозначены основные вехи в истории п. Тухард, приведены данные по численности населения данного региона. Во втором разделе автор описывает, что представляет собой материал исследования: это подробные социолингвистические интервью с разбором родословных и языковых биографий носителей тухардского говора таймырского (енисейского) диалекта тундрового ненецкого языка. В третьем разделе статьи рассматриваются основные трудности и проблемы метода социолингвистической реконструкции по данным языковых биографий. В четвертом разделе приводятся фамилии представителей разных локальных этнических групп Тухардской тундры (тундровые ненцы, тундровые энцы, лесные энцы, долгане и т. д.). Пятый раздел статьи иллюстрирует возможности метода социолингвистической реконструкции по данным языковых биографий: в нем последовательно рассмотрены особенности функционирования многоязычия в условиях смешанных браков и ведения хозяйственной деятельности представителями разных локальных этнических групп Тухардской тундры; также в пятом разделе показано, как происходит утрата этого многоязычия («большой переход на ненецкий»). В шестом разделе рассмотрены основные лингвистические (языковые) идеологии, функционировавшие в XX в. (а также в нач. XXI в.) в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея. В статье также уделено внимание уникальности локальной группы тухардских ненцев, в которой «растворено» множество иноэтничных компонентов.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, тундровый энецкий идиом, лесной энецкий идиом, долганский язык, языковая биография, социолингвистика, лингвистические идеологии, языковые идеологии, многоязычие, локальная этническая группа

**FROM SMALL-SCALE MULTILINGUALISM TO “THE BIG SHIFT” TO TUNDRA NENETS:
LINGUISTIC IDEOLOGIES AND LANGUAGE SHIFT DYNAMICS IN TUKHARD TUNDRA
AND THE LOWER YENISEI AREA (20TH — THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)**

Maria K. Amelina, Institute of Linguistics, RAS (Moscow),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); neamelina@gmail.com

In the article the data collected by the author during the expedition (November and December 2017) to Tukhard (Karaul rural settlement, Taimyrsky Dolgano-Nenetsky District) and the nomadic settlements of reindeer herders in Tukhard tundra (the Lower Yenisei area) are considered. In the first section of the article the question about the boundaries of Tukhard tundra, the key “milestones” of Tukhard history and the data on the population of the region are considered. In the second section the author describes the material of the research: the detailed sociolinguistic interviews with the analysis of genealogical lines, “family trees” and language biographies of the native speakers of the Tukhard idiom of the Taimyr (Yenisei) dialect of Tundra Nenets. In the third section the author deals with the main difficulties and problems of the method of sociolinguistic reconstruction according to the data of language biographies. In the fourth section there are the lists of surnames of different local ethnic groups, living in Tukhard tundra (Tundra Nenets, Tundra Enets, Forest Enets, Dolgans, etc.). In the fifth section of the article the author illustrates the possibilities of the method of sociolinguistic reconstruction according to the data of language biographies: the peculiarities of small-scale multilingualism functioning in the conditions of mixed marriages and economic activities of representatives of different local ethnic groups; also the author shows how the loss of multilingualism (“the big shift to Tundra Nenets”) occurred. In the sixth section of the article the author describes the linguistic ideologies (language ideologies) in Tukhard tundra and the Lower Yenisei area in the 20th century (and at the beginning of the 21st century). The author also highlights the uniqueness of the local group of Tukhard Nenets, in which a lot of different ethnic components are “dissolved”.

Keywords: Tundra Nenets, Tundra Enets, Forest Enets, Dolgan, language biography, sociolinguistics, linguistic ideologies, language ideologies, small-scale multilingualism, local ethnic group

Сбор материала и работа над статьей осуществлялись в рамках проекта РФФИ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе» (руководитель проекта — О. В. Ханина).

1. Локальная география: Тухардская тундра и поселок Тухард¹

В настоящее время Тухардской тундрой (по названию поселка Тухард) в обиходе называется территория на орографически левом берегу Енисея в его нижнем течении, административно входящая в состав Караульского сельского поселения (бывшего Усть-Енисейского района)² Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края. Тухардская тундра представляет собой самую юго-западную часть этого района (рис. 1)³.

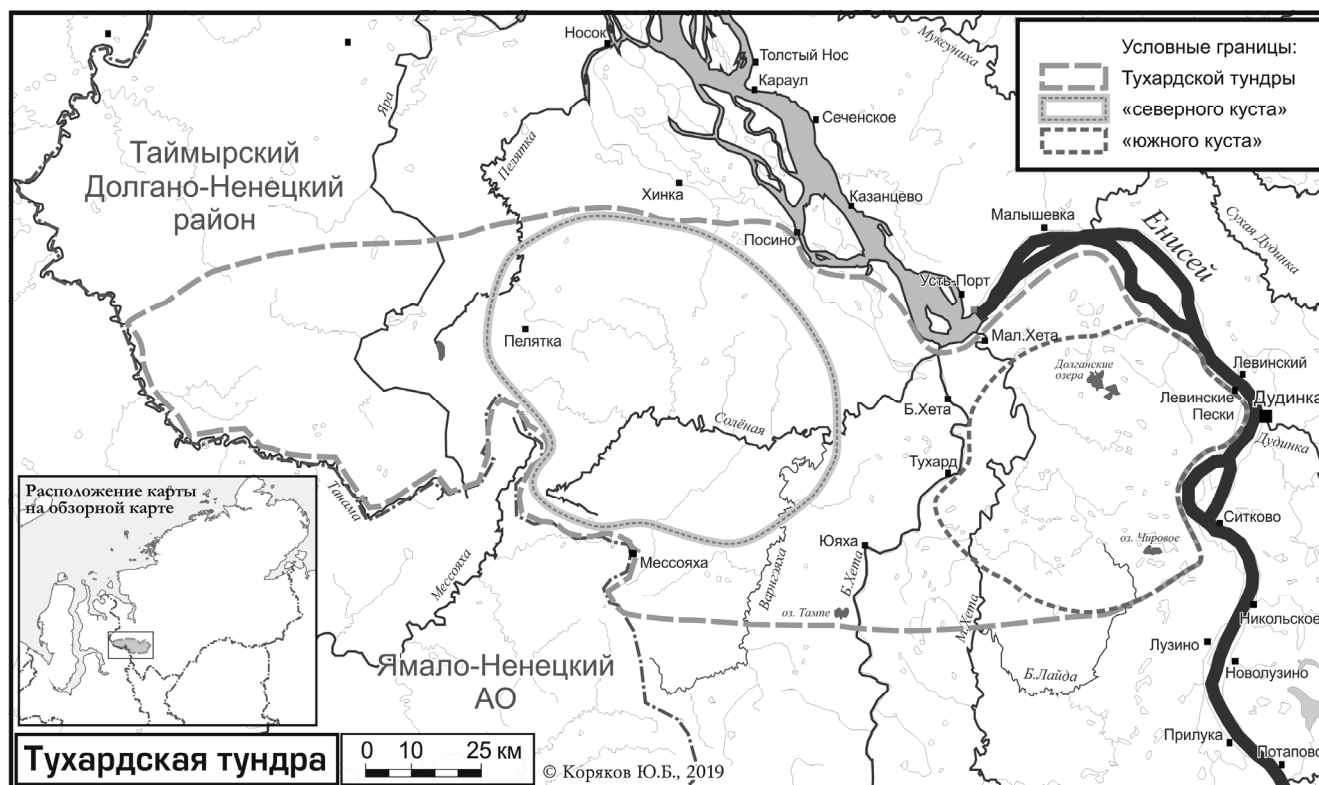

Рис. 1. Условные границы Тухардской тундры и ее частей. Автор карты — Ю. Б. Коряков.

Условная граница Тухардской тундры на западе совпадает с административной границей между Ямало-Ненецким автономным округом и Таймырским Долгано-Ненецким районом, на востоке же данная территория простирается до Енисея. Что касается северной и южной границ Тухардской тундры, то они более размыты и субъективны и не имеют таких жестких административных или природно-географических привязок, как западная и восточная. Так, на севере условной границей Тухардской тундры и более северной, Носковской (по названию поселка Носок), можно считать широту фактории Пóсино, расположенной на протоке Малый Енисей (чуть южнее поселка Казанцево, только на левом берегу Енисея)⁴.

¹ Автор выражает огромную благодарность А. Б. Шлуинскому, Д. В. Арзютову, О. В. Ханиной, Ю. Б. Корякову, В. Ю. Гусеву и В. В. Пелиху за высказанные ими ценные рекомендации и замечания по содержанию данной статьи.

² С 1930 по 2006 г. — Усть-Енисейский район.

³ Автор выражает сердечную благодарность Юрию Борисовичу Корякову за создание всех карт, представленных в настоящей статье. Карты были выполнены Ю. Б. Коряковым в рамках проекта РФФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе» (руководитель проекта — О. В. Ханина).

⁴ Приведем здесь высказывание одной нашей информантки, в настоящее время постоянно проживающей в поселке Тухард, а в детстве выросшей недалеко от фактории Посино, — Алькóвой (в девичестве Лампáй) Зои Владимировны (1971 г. р.): «Отделение как бы — там носковское, мы тухардские как бы. <...> Мы как раз на границе между Носком и... Вот получается, вот Посино, да, вот где мы были, это как раз граница между Тухардской тундрой... Вот как эта граница получалась: дальше туда Носковская тундра начиналась, а в эту сторону — Тухардская. И у меня больше, как бы, на эту же <Тухардскую> сторону, мне, как бы, носковские нешибко, как бы, к ним душа лежала» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 9]. Здесь и далее в квадратных скобках при цитировании информантов указываются инициалы информанта, номер аудиозаписи (из экспедиционных материалов автора) и номер страницы в расшифровке данной записи в форматах .doc, .docx.

На юг же Тухардская тундра простирается по левому берегу Енисея примерно до широты озера Тампé, находящегося практически посередине между Дудинкой и поселком Потапово⁵. Здесь следует также отметить, что жители Тухардской тундры называют территории, расположенные на правом берегу Енисея ниже по его течению, «низовьем» или ТН⁶ *һылһаһы* (чаще всего под этим термином подразумеваются правобережные населенные пункты Мунгу́й, Байкаловск, Воронцово и близлежащая к ним тундра).

Помимо Енисея и его проток, важными водными артериями Тухардской тундры являются реки Большая Хета и Малая Хета. До образования населенного пункта Тухард территория современной Тухардской тундры, которая сейчас мыслится как прилегающая к поселку, определялась в первую очередь бассейнами Большой и Малой Хеты: так, коренные жители Тухардской тундры называют себя не только «тухардскими» и «факельскими» (от второго названия Тухарда — Факел), но и «нахётскими» — по названию рек.

На правом берегу Малой Хеты в нескольких километрах от ее устья во второй половине XX в. располагался поселок Малая Хета, в настоящее время уже нежилой. А до начала разработок месторождений газа в Тухардской тундре в конце 1960-х гг. на берегу р. Большая Хета существовала «промысловая точка» Пальчиных — рыбацкое поселение Кислый Мыс, на тундровом ненецком языке — ТН *Тибей Сяля* (*Tibiej*⁷ *Salia*)⁸. Так, одна из наших информанток, Пальчина Наталья Афанасьевна (1956 г. р.), рассказывала о поселении Кислый Мыс как о родовом месте рыболовного промысла своего отца, Пальчина Афанасия Афанасьевича (1900/1905 г. р.), где прошло ее детство и отрочество.

После открытия Мессояхинского месторождения в 1968 г. на месте поселения Кислый Мыс (в 76 км к западу от Дудинки) как отправная точка в постройке газопровода «Мессояха — Дудинка — Норильск» был официально образован поселок Тухард (на старых картах обозначался также как «Тухарт»), ТН *Ту хард* = *Tu-ʔ хард*⁹ ('огонь-GEN.SG' + 'поселок / населенный пункт / село; дом' = букв. 'огня поселок'), название которого можно перевести с тундрового ненецкого языка как «место, где добывают огонь», т. е. газ (второе название Тухарда — Факел). По словам Н. А. Пальчиной, в мае 1968 г. на месте промысловой точки ее отца появились три первые палатки, в которых располагались рабочие; воздушным путем с помощью вертолетов и затем чуть позже, с открытием навигации, водным путем по Большой Хете начали завозить строительные материалы, и в июле этого же года ее отец со всей семьей был вынужден переселиться подальше от бывшего Кисло́го Мыса⁹.

В настоящий момент Тухард представляет собой населенный пункт, состоящий из двух частей, находящихся на некотором расстоянии друг от друга:

1) «нижнего поселка» (ближе к Большой Хете), где в основном проживает пришлое («вахтовое») население, находятся общежития газовиков, приезжающих работать на газопровод и месторождения вахтовым методом, а также различные учреждения основного «градообразующего» предприятия «НорильскГазПром», столовая для «вахтовиков», магазин, администрация поселка Тухард (ТАО), почтовое отделение, библиотека, больница, диспетчерская аэропорта, вертолетная площадка;

⁵ О «размытости» границы между Тухардской и Потаповской тундрами см. также высказывание З. В. Алькóвой (в девичестве Лампáй, 1971 г. р.): «Ну вот же мой дед где-то ж, я же говорю, в районе Тампеи (оз. Тампе), Потапово ходили. Это ихняя (их) тундра. Если он сам из предков откуда-то, я говорю, с Тюмени (из тундры Ямало-Ненецкого автономного округа, формально относящейся к Тюменской области) были их предки, значит, были же здесь, по таёжному... тундре ходили. Таёжники были. (...) Не так уж далеко. Потапово где у нас тут? Енисей-то... (...) Тундра-то ихняя (их, Потаповская тундра) приходит сюда, ближе. (...) Они были таёжные оленеводы, (...) в таёжной тундре» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 14].

⁶ Здесь и далее ТН — тундровый ненецкий, тундровый ненец.

⁷ Перечислим здесь основные принципы записи слов тундрового ненецкого языка, принятые в данной статье.

1) Символом ° здесь и далее обозначается «глубинная» гласная редуцированная фонема, значимая для морфонологии тундрового ненецкого языка. 2) Символом ʔ здесь и далее обозначен «звонкий» гортанный смычный согласный = ' в записи Н. М. Терещенко [Терещенко 1965], һ — в обозначении Т. Салминена [Salminen 1998]. 3) Символом ʔ здесь и далее обозначен «глухой» гортанный смычный согласный = '' в записи Н. М. Терещенко [Терещенко 1965], q — в обозначении Т. Салминена [Salminen 1998].

⁸ Ср.: *тибей* 'гнилой; кислый, испорченный; тухлый' [Терещенко 1965: 655]; *сяля* 'мыс, полуостров; возвышенность около водоема' [Терещенко 1965: 526].

⁹ См. об этом подробнее в расшифровке беседы с Натальей Афанасьевной Пальчиной (1956 г. р.): «Ну, мне было двенадцать лет тогда, это был май месяц. Эти первые палатки. Сначала три палатки было, потом, когда лёд... вертолёты прилетали, чего-то привозили... что-то, потом, когда уже навигация открылась. (...) Да, в июне месяце, вот, когда лёд прошел, стали завозить вот всё остальное. И вагоны первые вот эти вот, на моих глазах. Всё это было. Потом уже, в июле месяце мы отсюда уехали, там подальше, от этого места. Переехали. Это всё на моих глазах было» [Инф. ПНА: аудио № 1, с. 2].

2) «верхнего поселка» (дальше от Большой Хеты), где проживает бóльшая часть осевшего автохтонного населения, располагаются дома коренных жителей, Дом культуры (клуб), начальная школа для поселковых детей¹⁰, несколько магазинов, а также несколько общежитий и учреждений «НорильскГаз-Прома» (см. рис. 2).

Рис. 2. Вид на вертолетную площадку и «верхний поселок» со стороны «нижнего поселка» (пос. Тухард Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края, ноябрь 2017 г.) Фото автора.

Также, по данным средств массовой информации [ЗП, № 124], в настоящее время ведется строительство «Нового Тухарда», которое началось летом 2018 г.¹¹ Согласно современному законодательству, жилая зона не должна вплотную примыкать к промышленной, поэтому поселок планируют перенести в более отдаленное от объектов «НорильскГазПрома» место — к северу от нынешнего его расположения (на левом берегу Большой Хеты). Согласно проекту планировки и межевания территории, в «Новом Тухарде» предусмотрено размещение 72 жилых двухквартирных домов, а также школы с детским садом, Дома культуры, здания администрации и полиции, магазина, аптечного пункта и церкви. Также предусмотрено возведение котельной, дизельной электростанции, очистных сооружений, электрических сетей, сетей тепловодоснабжения и водоотведения (см. подробнее [ЗП, № 124]).

Коренное население Тухардской тундры, оленеводы и рыбаки, условно делят данную тундровую территорию на две части: «северный куст» («северная сторона») и «южный куст» («южная сторона»). «Северным кустом» принято называть безлесную часть Тухардской тундры к северо-западу от Тухарда — в сторону Пелятки (Пеляткинского месторождения) и поселка Мессояха. «Южным кустом» называется более лесистая часть Тухардской тундры — к востоку от Тухарда, между Тухардом и Дудинкой, т. е. территория между Енисеем и его левым притоком — Большой Хетой (рис. 1).

По данным на 2017 г., общая численность жителей п. Тухард и Тухардской тундры составляет 992 чел., 927 (т. е. 93,4%) из которых являются представителями коренных малочисленных народов Севера (см. таблицу 1). Здесь следует отдельно отметить, что, так как «газовики» работают там вахтовым методом, данные о них не включены в эти числовые показатели, однако в действительности в Тухарде постоянно находится намного больше «некоренных», чем 65 человек.

¹⁰ Поселковые дети обучаются в школе-интернате в г. Дудинке с пятого класса, а дети оленеводов, постоянно проживающих в Тухардской тундре, — с нулевого или первого класса.

¹¹ Автор благодарит Андрея Болеславовича Шлуинского за указание на данный факт и конкретный источник информации.

Таблица 1. Динамика численности населения п. Тухард и приписанной к нему Тухардской тундры

Население поселка Тухард и Тухардской тундры	2010 г. ¹²	2014 г. ¹³	2017 г. ¹⁴
Общая численность населения	814	940	992
Коренные малочисленные народы (преимущественно тундровые ненцы)	(нет данных)	876	927
Другие	(нет данных)	64	65

Тухардские пастбища отличаются высокой «оленеёмкостью» — на них произрастает достаточное количество ягеля, которое позволяет оленеводам не совершать длительные сезонные миграции, ограничивая маршруты кочевий в пределах территорий площадью примерно 40 км², поэтому в настоящее время места летних и зимних стойбищ находятся довольно близко друг к другу: «*частники вот тут крутят*», «они летом где-то так тоже *крутятся*» [Инф. ТОЯ: аудио № 1, с. 27]¹⁵. При этом в Тухардской тундре также существует практика, когда в летний период одна часть родственников кочует с оленями, а другая — оставляет им своих личных оленей и остается оседло заниматься рыболовством на «рыботочке» («рыб-точке», «рыбачкой точке»). В прежние (досоветские и советские) времена сезонные маршруты кочевков были намного более протяженными: от окрестностей п. Воронцово (летний период) до окрестностей п. Потапово (зимний период), с северо-востока (правого берега Енисея) на юго-запад (левый берег Енисея) и т. д.:

[Инф. АЗВ (о своей бабушке по материнской линии 1922 г. р.):]¹⁶ «*А вот постарше, бабушки там, вот те рассказывали, как они аргиши (караваны из одной ездовой и нескольких грузовых нарт с запряженными в них оленями), как они переходили, как с дикими (со стадами диких северных оленей) ходили, отсюда с дикими уходили, оттуда (со стороны Воронцовской тундры) осенью вместе с дикими сюда (в Тухардскую тундру) приходили... оленеводы... так и ходили. Это я знаю. (...) Моя бабушка с Воронцова была, из того района. И они сюда приходили, отсюда уходили*» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 5];

[Инф. ВПА (о своем дедушке по отцовской линии примерно 1905 г. р.):] «*Я помню, они резали (пересекали с одного берега на другой) это... большую реку. Тогда я маленькая была. Возле Факела оказались тут. Тогда, наверно, резали. Мне было восемь лет. (...) Енисей резали (пересекали с одного берега на другой), да*» [Инф. ВПА: аудио № 1, с. 9] (о том, как в 1975 г. перешли со стороны Байкаловска в Тухардскую тундру, оставшись затем кочевать в Тухардской тундре).

В настоящее время Тухардская тундра является своего рода «центром притяжения» для оленеводов других близлежащих, соседних территорий. Богатые ягелем пастбища Тухардской тундры притягивают к себе оленеводов как с севера — из Носковской тундры¹⁷ (ТН *Носку' мер'* [nòskuʔ t̪erʔ] / [nòskond̪érʔ]¹⁸ / [nòskoʔ t̪erʔ]¹⁹), так и с запада — с территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), в первую очередь из Тазовской тундры (ТН *Тасу' мер'* [tásuʔ t̪erʔ] / [tàsond̪érʔ] / [tásuʔ t̪erʔ]) и

¹² По данным «Всероссийской переписи населения 2010 года»: «Итоги по Красноярскому краю. 1.10. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений и населенных пунктов».

¹³ По данным интернет-ресурса «Культурное наследие села»: «Россия / Красноярский край / Таймырский район / Тухард» (<http://nasledie-sela.ru/places/КУА/1029/11301/>).

¹⁴ По данным, представленным на «Официальном сайте сельского поселения Караул»: <http://taimur-karaul.ru/tuhard/>.

¹⁵ Здесь и далее в квадратных скобках при цитировании информантов указываются инициалы информанта, номер аудиозаписи (из экспедиционных материалов автора) и номер страницы в расшифровке данной записи в форматах .doc, .docx.

¹⁶ Здесь и далее таким образом в квадратных скобках указывается говорящий: Инт. — интервьюер (автор данной статьи), Инф. ХХХ — информант (инициалы).

¹⁷ Например, семья Вэнго, переселившаяся в 2006 г. в Тухардскую тундру из окрестностей р. Яра-Танама в Носковской тундре.

¹⁸ В данном произносительном варианте отмечено чередование *ʔ/n* с озвончением последующего согласного на стыке слов.

¹⁹ Об аффрикатизации смычного — переходе переднеязычного смычного взрывного глухого палатализованного согласного [t̪] в аффрикату [t̪ɕ] — в тухардском говоре таймырского (енисейского) диалекта ТН (а также менее последовательно в гыданском диалекте) см. подробнее ниже, в п. 4.1.

Гыданской тундры (ТН *Һэдя(н) тер*” [ɲɛdʲandʲɛrʲ] / [ɲɛdʲanʲ tɛrʲ]). Отметим, что тухардские оленеводы часто говорят о том, что выходцы из тундр ЯНАО, которых они называют «тюменцами», «тюменскими» или даже «Тюменью» (т. к. ЯНАО формально относится к Тюменской области), «наступают» и теснят их. См., например, диалог об этом:

[Инф. ВИА:] «Туда тюменская земля была раньше, ну так, по карте. Щас-то (сейчас-то), видишь, на оборот, щас (сейчас) эти, они здесь, тюменские. (...) Ага, там же видела, где собрание было? И губернатору (тухардские оленеводы) говорят: “Вот, они переходят на нашу землю”. Там, говорят... Ну и закон вроде позволяет что ли здесь. Они здесь где-то тоже. Здесь летом, когда мы кочевали, там-то вместе были здесь. Тюменские здесь бывают. (...) Вот видишь, они щас (сейчас) тюменские уже туда давятся, возле Пелятки».

[Инф. ВВВ:] «И ядо” нули” нарка (ТН *ja-do*ʹ ‘земля’-NOM.SG.POSS3PL *ɲulʲi*ʹ ‘очень’ *ɲarka* ‘большой’, букв. ‘земля-их очень большая’), да?»

[Инф. ВИА:] «Ядо” (ТН *ja-do*ʹ ‘земля’-NOM.SG.POSS3PL), видишь? Сколько у них земли?!»

[Инф. ВВВ:] «Их очень много».

[Инф. ВИА:] «А у нас? Туда вон давим, на Енисей. А мы, видишь, всё — круг маленький. (...) У нас же Енисей давит нас. (...) Они нас вообще давят! У них оленей много вон, очень много у них. (...) Ну, видишь, там тюменские туда давят, вообще пастбищ мало» [Инф. ВИА, ВВВ: аудио № 1, с. 15—16].

При этом следует подчеркнуть тот факт, что самим тухардским оленеводам «смещаться» от этого западного и северного «наступления» некуда по двум причинам. Первой причиной является трудность осуществления оленеводческой деятельности на орографически правом берегу Енисея (восточнее Тухардской тундры): там обитают большие стада диких северных оленей («дикарей»), к которым легко могут прибиться домашние олени. В настоящее время оленеводство на правом берегу Енисея не осуществляется из-за высокого риска потерять стадо (домашние олени могут уйти вслед за дикими) и ограниченного количества ягеля, потребляемого и вытаптываемого большими стадами «дикаря», а также значительного количества волков и охотников. Ср. об этом высказывания наших информантов-жителей Тухардской тундры:

[Инф. ВПА:] «А там (на правом берегу Енисея) это — олени не выдерживают». [Инф. ВИА:] «Не выдерживают. Там дикари же». [Инф. ВПА:] «Дикари». [Инф. ВИА:] «Дикие олени. Тяжело». [Инф. ВПА:] «Потом это... ягель нету (нет)». [Инф. ВИА:] «Ягель вообще мало там. Ну, как порошок. Поэтому на этой стороне и живём. Там никто щас (сейчас) не живёт — там дикие. Все олени, олени уходят с ними» [Инф. ВИА: аудио № 1, с. 15];

[Инф. ТОЯ:] «Там (на правом берегу Енисея) оленей нет никого. (...) Кто будет там кочевать-то?! (...) На лето-то пастбища там хорошие, но только дикий мешал раньше. А щас-то (сейчас-то) чего? И дикого-то, наверное, мало осталось. Говорили, охотник их бьёт» [Инф. ТОЯ: аудио № 1, с. 4];

[Инф. АЗВ:] «Они пробовали на тот (правый) берег Енисея переходить один год, так оленей чуть не поубивали. (...) Они весной перешли вот здесь вот на ту сторону. (...) Во-первых, олени разбрелись в разные стороны. Потом пришли волки — их чуть не погрызли. А! Сперва не волки, двуногие волки (охотники) оленей постреляли. Около шестидесяти голов» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 25].

Вторым фактором, ограничивающим оленеводческую деятельность (но уже не с востока, а с юга), является древесная растительность, распространенная к югу от Тухардской тундры. Таким образом, оленеводы Тухардской тундры, теснимые с севера и запада, сами не могут сместиться ни на восток (на противоположный — правый — берег Енисея), ни на юг — в «таежную тундру».

Помимо постоянного притока оленеводческого населения с соседних территорий в «богатую ягелем» Тухардскую тундру, отметим также нагрузку, вызванную продолжающимся промышленным освоением этих мест, газодобычей и геологической разведкой²⁰.

²⁰ См. фрагмент разговора с информанткой З. В. Альковой (урожд. Лампай) о богатстве недр Тухардской тундры: «Вот они (геологи) и отмечали на карте, где там, там, там — чего у них там. Где песок, где каменное там это, как он говорит: “Как вы, люди, бедно живёте здесь, когда вы живёте на таком богатстве?!”. Ну, этот мужик говорит: “У вас и золото тут, у вас и камни дорожные тут — чего только у вас тут нету (нет). Даже у вас здесь, — говорит, — находятся метеоритные камни”» [Инф. АЗВ: аудио № 5, с. 10].

2. Цели, материал и методы исследования: социолингвистическая реконструкция по данным языковых биографий

Материал, который привлекается к рассмотрению в данной статье, был собран автором в ходе экспедиции, которая проходила в ноябре-декабре 2017 г. в рамках проекта РФФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе». Сбор материала осуществлялся как в п. Тухард (сельского поселения Караул) Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края, так и на стойбищах оленеводов в Тухардской тундре:

1) на стойбище Яптунэ Юрия (Тыялика) Алексеевича, Яптунэ Сергея (Вадалика) Алексеевича, Вэнго Андрея Няровича и его сына Вэнго Игоря (Лямби) Андреевича;

2) на стойбище Яптунэ Вадима (Наная) Николаевича, Ямкина Николая Кусевича и Тоги Юрия Анатольевича.

Основной целью данного экспедиционного исследования является реконструкция социолингвистической ситуации многоязычия и динамики процесса его утраты («большого перехода на ненецкий»), а также лингвистических (языковых) идеологий в низовьях Енисея на протяжении XX в.

В ходе экспедиции было проведено и записано на цифровые аудионосители 28 подробных социолингвистических интервью с разбором родословных и языковых биографий носителей енисейского (таймырского) диалекта тундрового ненецкого языка. Благодаря этим социолингвистическим интервью была получена информация более чем о 170 предках опрашиваемых информантов²¹.

Обязательными вопросами для интервью, целью которых являлось не только получение данных о современной социолингвистической ситуации в интересующем нас регионе, но и реконструкция социолингвистической ситуации в прошлом, были следующие — см. таблицу 2 (хотя, конечно, беседа с информантами не ограничивалась только ими); подробнее о методологии интервьюирования в рамках данного проекта см. [Ханина 2019: 12, 14]. Ответы на эти вопросы вносились для каждого человека, о котором респондент мог рассказать: о себе, о своих родителях, о своих сиблингах, о бабушках и дедушках, о сиблингах родителей и сиблингах бабушек и дедушек, о супруге, о родителях и родственниках супруга(и) и т. д.

Таблица 2. Информация, собираемая в ходе интервью с целью выяснения ретроспективной социолингвистической ситуации в низовьях Енисея

I.1.	Имя на родном языке; фамилия, имя, отчество.
I.2.	Год рождения [и год смерти умершего человека, о котором рассказывает респондент].
I.3.	Этническое (само)сознание: кем (относящимся к какой локальной этнической группе) и почему X сам считает (считал) себя, кем его считают (считали) окружающие, почему это возможно.
II.1.	Краткая биография — 1: дошкольное детство. Особое внимание при этом уделяется социальным связям (social networks): с кем жил, с кем дружил и т. д. Также обязательно отдельно рассматривается история передвижений (migrational history): подробно, с детализацией на топографических картах, выясняется, где именно находились все упоминаемые в ходе интервью места и географические объекты.
II.2.	Краткая биография — 2: школа. Особое внимание при этом уделяется социальным связям: с кем жил, с кем дружил и т. д. Также обязательно отдельно рассматриваются вопросы migrational history (см. аналогично в п. II.1).
II.3.	Краткая биография — 3: после школы до брака / до рождения детей. Особое внимание при этом уделяется социальным связям: с кем жил, с кем дружил, с кем работал, с кем и как общался и т. д. Также обязательно отдельно рассматриваются вопросы migrational history (см. аналогично в п. II.1).
II.4.	Краткая биография — 4: в браке / после рождения детей. Особое внимание при этом уделяется социальным связям: с кем жил, с кем дружил, с кем работал, с кем и как общался и т. д. Также обязательно отдельно рассматриваются вопросы migrational history (см. аналогично в п. II.1).
II.5.	Краткая биография — 5: со взрослыми детьми / внуками. Особое внимание при этом уделяется социальным связям: с кем жил, с кем дружил, с кем работал, с кем и как общался и т. д. Также обязательно отдельно рассматриваются вопросы migrational history (см. аналогично в п. II.1).

²¹ Так, в ходе экспедиции нашими респондентами стали (для замужних женщин в круглых скобах указывается девичья фамилия): С. Н. Яптунэ, З. В. Алькова (Лампай), Н. С. Ямкина (Яптунэ), В. Н. Яптунэ (Вэнго), Ф. И. Антошкина (Тоги), Е. И. Тишина (Тоги), Е. А. Кузнецова (Яроцкая), Р. А. Яптунэ (Яроцкая), И. Ю. Яптунэ (Лырмина), О. А. Тэседо, И. А. Вэнго, В. В. Вэнго (Тоги), В. В. Яр, П. А. Вэнго (Яптунэ), А. Н. Вэнго, Ю. А. Яптунэ, Р. М. Яптунэ (Ямкина), И. П. Яптунэ (Бояршина), Н. А. Яптунэ (Яр), Р. В. Каярина, Н. А. Пальчина, Г. Х. Силкина (Яптунэ), В. Н. Яптунэ, К. Н. Яроцкая (Яптунэ), М. С. Ямкина, А. И. Пальчина (Ямкина), М. Д. Береговая (Силкина), И. Л. Яптуне и др. Автор выражает своим информантам самую искреннюю благодарность и глубочайшую признательность.

-
- III.1. **Языки**, которыми владеет (владел) респондент или тот человек, о котором он рассказывает: качественная оценка владения каждым из языков, умение писать/читать, отношение к каждому языку (на каком языке любит/-л говорить, какой язык, с его точки зрения, «красивее» и т. д.), «лингвистические идеологии» (language ideologies, linguistic ideologies), связанные с каждым из языков.
- III.2. **История и контекст усвоения языков**: почему X знает язык А; почему не знает язык В; как выучил язык, от кого и при каких обстоятельствах его усвоил; с кем на каком языке говорил и говорит; с кем на каком языке нельзя (было) говорить.
- III.3. Знание **фольклора** на каждом из языков.
- III.4. **Язык и школа**. Где находилась школа, в которой учился респондент (или человек, о котором он рассказывает)? Была ли она школой-интернатом или нет? В каком году респондент пошел учиться в школу? На каких языках говорил до школы, а какие языки усвоил в школе? Откуда родом были другие школьники, на каких языках они говорили? Как относились к родным языкам учащихся педагоги и другие учащиеся в школе?
- III.5. К каким **локальным этническим группам** относили себя люди там, где жил респондент? На каких **языках** и в каких **ситуациях** они говорили? Данные вопросы рассматриваются для всех социальных уровней, в рамках которых осуществлялось языковое общение: поселок, рыбацкая точка, стойбище, семья.
- III.6.a. Какое к каждой локальной этнической группе / языку было **отношение респондента** в каждом месте? Что он считал нормальным: общение с кем на каком языке, браки / дружба с представителями каких локальных этнических групп?
- III.6.b. Какое к каждой локальной этнической группе / языку было **отношение окружающих** в каждом месте? Что считалось нормальным: общение с кем на каком языке, браки / дружба с представителями каких локальных этнических групп?
- III.7.a. Приезжали ли к родителям респондента гости в его детстве? К каким локальным этническим группам они принадлежали? На каких языках, с кем и в каких ситуациях они говорили?
- III.7.b. К кому в гости ездили родители респондента в его детстве, брали ли его / ее с собой? К каким локальным этническим группам принадлежали люди, к которым они ездили в гости? На каких языках, с кем и в каких ситуациях они говорили?
-

3. Основные трудности и проблемы метода социолингвистической реконструкции по данным языковых биографий

Среди основных трудностей и проблем метода социолингвистической реконструкции по данным такого рода интервью, с которыми мы столкнулись в ходе работы, можно перечислить следующие.

3.1. Проблема точной датировки

Очевидно, что информант, рассказывающий о событиях в жизни своих предков, далеко не всегда может с точностью сказать, в каком именно году произошло то или иное событие. Как правило, «вехами» датировки становятся важные события в жизни респондента, его семьи и предков (рождение детей, братьев и сестер, начало учебы самого информанта в школе, смерть кого-то из родственников, падеж оленей, необычные климатические явления и т. д.): например, смена мест выпаса оленьего стада и переход на новые маршруты кочевков могут датироваться как произошедшие в год, когда родился X, умер Y, было очень жаркое лето и т. д. (обратная датировка при этом оказывается также возможной).

Приведем здесь несколько примеров такого рода датировок из интервью с нашими респондентами:

[Инт.:] «Вы его не застали вообще, Силкина Бакула?» [Инф. СГХ:] «Не, не! Откуда?!» [Инт.:] «Он раньше умер?» [Инф. СГХ:] «Раньше. Тогда, наверное, меня духа не было!» («я еще не родилась») [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 7];

[Инф. СГХ:] «Когда я вышла за этого, за Юру (замуж), уже их не было («умерли»)» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 7];

[Инф. ТОЯ:] «Когда я учился, тогда этот колхоз уже был» [Инф. ТОЯ: аудио № 1, с. 6].

Также важным для датировки является знание исторической хронологии образования, смены, объединения, разделения, упразднения и т. д. предприятий для коллективного ведения сельского хозяйства (колхозов, совхозов и т. д.) в советские годы: в рассказе о прошлом информанты часто датируют собы-

тия периодами существования конкретных оленеводческих и рыболовецких хозяйств. Так, для низовьев Енисея, и в том числе Тухардской тундры, значимыми вехами можно считать следующие:

- 1) 1930-е гг. — образование колхозов «Новая жизнь» (с центром вначале в н. п. Байкаловск, а затем — в н. п. Мунгуй) и «Большевик» (с центром на р. Малая Хета);
- 2) 1960-е гг. — колхоз «Большевик» вошел в укрупненный колхоз «Заря Таймыра» (распространенный термин для обозначения оленеводов, входящих в колхоз «Заря Таймыра» — «зарёвские»);
- 3) 1969 г. — объединение колхозов «Заря Таймыра» и «Новая жизнь» в совхоз «Октябрьский»;
- 4) 1978 г. — разделение совхоза «Октябрьский» на отдельные оленеводческие и рыболовецкие хозяйства, образование совхоза «Тухард»;
- 5) по данным на 2017 г., в Тухардской тундре зарегистрировано шесть сельскохозяйственных предприятий («Яра-Танама», «Сузун», «Северный олень», МУП и др.).

Общее знание истории хозяйственных предприятий необходимо не только для датировки событий, но и для общего понимания экстралингвистической ситуации в низовьях Енисея в советские годы; см. об этом фрагмент из интервью с информанткой Яптуно́ (урожд. Лырминой) Ириной Юрьевной (1957 г. р.) о взаимоотношениях детей оленеводов, входящих в разные колхозы, в условиях школы-интерната в населенном пункте Усть-Порт: *«Когда было объединение, там детей много же. Вот... незнакомых. Мы для них незнакомы, они для нас. Интернат — в Усть-Порту учились. И вот как-то пацаны маленько друг друга дёргали: “Ах, ты «Большевик»?! Ах, ты «Новая жизнь»?!” <...> Драки начинались там. Вот. А потом, как-то вот смирение началось. Оказывается, тот родственник, тот родственник. <...> Родители начали объяснять: “Вот никогда её не обижай и его не обижай. Поглядывай за ним, чтобы никто его не обидел. Это твой родственник”. И вот, так вот, вот, оказывается, все связаны»* [Инф. ЯИЮ: аудио № 1, с. 17].

3.2. Проблема точной географической локализации

Часто названия локальных географических объектов (микротопонимы) на топографических картах не совпадают с теми, которые используются жителями этих мест в повседневной устной речи. Выяснение маршрутов кочевков оленеводческих бригад и семей, расположение рыбацких точек и сезонных пастбищ, священных мест (священных сопков, *хэбидя я* / *хэб'ид'я ја?*) и др. немисливо без наличия подробных карт исследуемой местности. Крайне необходимой и информативной при этом оказывается работа с картами, когда респонденты показывают и помогают наносить на них различные географические объекты этнокультурной и социальной значимости.

В ходе экспедиции нами была начата работа по привязыванию к топографическим картам сезонных маршрутов кочевков оленеводов Тухардской тундры и частично соседних с ней территорий (Носковской, Тазовской, Гыданской, Воронцовской и Мунгуйской тундр): как современных, так и советского и иногда даже доколхозного временных срезов, — а также некоторых рыбацких промысловых точек и других значимых географических объектов, например священных мест. Такого рода информация имеет первостепенное значение для восстановления языковых контактов жителей Тухардской тундры (тундровых ненцев, тундровых и лесных энцев, долган): если для этнических групп, ведущих оседлый образ жизни, характерны языковые контакты, реализующиеся благодаря совместному проживанию в одном населенном пункте или благодаря соседству двух населенных пунктов друг с другом, то языковые контакты оленеводов-кочевников, охотников и рыбаков, принадлежащих к разным локальным этническим группам, оказываются возможны благодаря пересечениям маршрутов сезонных кочевков и организации совместных временных стойбищ, а также совместному нахождению на промысловых и рыбацких точках.

В ходе экспедиции нами было сделано всего около 150 меток с комментариями на картах в программе “SAS Planet”²². Так, например, были локализованы основные значимые священные сопки Тухардской тундры и низовьев Енисея:

— *Ha'yo' máxa / Da'yo-² táxa* ‘утка-нырок-GEN.SG спина’;

— *Xэхэ' máxa / Xэхэ⁰⁻² táxa* ‘дух-«хэхэ»-GEN.SG спина’;

— *Сихиртя' седе"э (Шихирча' шеде"э) / Siх⁰rt'a-² s'edie⁰* [ʃiʏrtɕə² sedie⁰] ‘«сихиртя»²³-GEN.SG большая_сопка’ (букв. «Сихиртя сопка»);

²² За помощь в сборе и анализе картографического материала автор выражает глубочайшую признательность Виталию Викторовичу Пелиху.

²³ *Сихиртя* — «(миф.) <...> маленькие безобидные существа, живущие под землей и по временам выходящие на поверхность, например за водой; своеобразные северные гномы» [Терещенко 1965: 563—564].

второе название данной священной сопки — *Сэр яха' седе''э* (*Сэр яха' шедэ''э*) / *Ser jəχa-ʔ s'ed'eʔ* [ser jəχaʔ s'ed'eʔ] 'соленый река-GEN.SG большая_сопка' (букв. «Соленой реки сопка»), т. е. сопка недалеко от р. Соленая — притока р. Большая Хета);

третье название данной священной сопки — *Сэр я' седе''э* (*Сэр я' шедэ''э*) / *Ser ja-ʔ s'ed'eʔ* [ser jaʔ s'ed'eʔ] 'соленый земля-GEN.SG большая_сопка' (букв. «Соленой земли сопка»), т. е. сопка недалеко от р. Соленая — притока р. Большая Хета) и др.

Как показал опрос информантов-жителей Тухардской тундры, с некоторыми сопками связаны также предания о войнах тундровых ненцев и энцев. Так, по словам респондента Яптуне²⁴ Ивана Лапсёвича (1953 г. р.), существует предание, что на сопке *Левдэй/Лев°деј* [l'ɛw'dɛj] букв. 'проваленная' (также ее называют *Лысая гора*) ненцы и энцы «сложили луки» и заключили перемирие, договорившись, что первые займут левый берег Енисея, а вторые — правый (при этом предание говорит также о разделении энцев на «воронцовских» и «потоповских») [Инф. ЯИЛ: аудио № 1]. Другое связанное с топонимом предание, которое И. Л. Яптуне узнал в детстве от своей матери, повествует о сопке *Вэхэләва/Вехәләва* [wɛχəlɛwɔ] ²⁵ (ср. *wexana-* [Salminen 1998: 526], *вэхәна(сь)* 'выглядывать; смотреть непродолжительное время' [Терещенко 1965: 79]; *wexadə-* [Salminen 1998: 526], *вэхәдә(сь)* 'устремиться куда-либо; залезть куда-либо; высунуться откуда-либо' [Терещенко 1965: 79]), с которой «подзорные» из тундровых ненцев высматривали, не идут ли с противоположного (правого) берега Енисея на них войной тундровые энцы.

3.3. Проблема временной ограниченности

Большинство наших информантов составляют жители Тухарда и Тухардской тундры 1950—1970-х гг. р. Конечно, нами были опрошены и более пожилые респонденты, но их количество не так велико. Как правило, информанты довольно легко вспоминают и рассказывают о своих родителях и событиях в их жизни, однако подробно про дедушек и бабушек, а тем более про прадедушек и прабабушек могут рассказать далеко не все. Таким образом, временной срез, о котором мы можем получить информацию от них, как правило, охватывает период не ранее 1930—1950-х гг., реже 1910—1920-х гг.

Отметим, однако, что некоторые информанты (чаще мужчины) могут обладать информацией о своих более далеких предках: так, Яптуне Иван Лапсёвич (1953 г. р.) знает некоторые биографические сведения не только о своем отце по имени Лапсуй Хохёвич / Иванович (1914—1968 гг.), деде по отцовской линии Хохёе²⁶ / Иване (1870—1940-е гг.), прадеде *Авачо* (ср. *Абачо* [Ненянг 1996: 27]) и его младшем брате *Хачи* (ср. *Хачи* [Ненянг 1996: 66]), но и о прапрадеде *Поюндама* (ср. *Поё* '(приблиз.) средний' [Ненянг 1996: 53]) и шести его братьях, а также даже о прапрапрадеде *Хэльку* (ср. *Хэлько* [Ненянг 1996: 69]) из рода Яптунэ. Таким образом, социолингвистическое интервью с Иваном Лапсёвичем позволяет нам, хотя и очень фрагментарно, составить представление о языковой ситуации и локализации разных этнических групп в низовьях Енисея в середине XIX в.

3.4. Проблема интерпретации терминов родства

Самодийские системы родства значительно отличаются от русской. Так, в тундровом ненецком языке важным при выборе термина родства оказывается «учет старшинства»: старше или младше говорящего или его родителей обозначаемый им родственник; подробно о ненецкой родственной терминологии см. в работе [Куприянова 1954].

При этом для номинации одних типов родственных отношений в тундровом ненецком языке может использоваться один термин родства, тогда как в русском — несколько. Как отмечала Л. В. Хомич, многие ненецкие термины родства «охватывают целые группы лиц, принадлежащих часто к разным поколениям»: «Так, например, словом *при*²⁷ обозначаются “мой” дед (отец “моего” отца или матери), старший

²⁴ В документах этого информанта фамилия пишется именно как «Яптуне» (с буквой *e* в конце), а не «Яптунэ» (с буквой *э* в конце).

²⁵ Символом „(«кружочек») отмечена огубленность гласного, возникшая в результате соседства с билабиальным согласным.

²⁶ См. об имени *Хохой* в работе [Ненянг 1996: 68].

²⁷ Ср. в других источниках: *при* 'дед, дедушка (отец отца или матери); прадедушка; старший брат отца или матери; свекор; старший брат мужа; все мужчины из рода мужа, старше его; (перен.) медведь, волк' [Терещенко 1965: 147]; *yiryi* [Salminen 1998: 274, 542]; О, Sj., U, U-Ts. *jiri*, OP *ji'r'r'i* 'Grossvater (z. B. Vater od. älterer Bruder der Mutter, des Vaters, U auch: Vater der Frau, des Mannes)' 'дедушка (например, отец или старший брат матери, отца, в

брат “моего” отца и отец “моего” мужа (если “я” женщина); термином *нинека*²⁸ обозначается “мой” старший брат и младший брат “моего” отца, а также сын старшего брата “моего” отца (если он старше “меня”) ⟨...⟩» [Хомич 1966: 160].

Наоборот, для номинации других типов родственных отношений в русском языке может использоваться один термин родства, тогда как в тундровом ненецком — несколько. Например, для номинации родственных отношений, обозначаемых в русском языке понятием ‘дядя’, в тундровом ненецком языке служат не менее трех разных слов: 1) *ири* ‘старший брат отца или матери’ (не только ‘дед, дедушка (отец отца или матери)’) [Терещенко 1965: 147]; 2) *нека* (вост.) [там же: 293] ~ *няка* [там же: 341] ~ *нинека* ‘дядя, младший брат отца’ [там же: 313]; 3) *тидя* ‘младший брат матери’ [там же: 658]²⁹. Ср. аналогичную ситуацию с обозначением понятия ‘тетя, тетка’: 1) *хада* ‘тетя, старшая сестра отца или матери’ [Терещенко 1965: 714]³⁰; 2) *нябако* ‘тетка, младшая сестра отца’ [там же: 336]³¹; 3) *ней* ‘тетка, младшая сестра матери’ [там же: 306]³².

Из-за такого «семантического неравенства» терминов родства в разных этнокультурных пространствах в ходе проведения социолингвистических интервью с генеалогическим компонентом нередко целесообразным оказывается уточнение некоторых понятий родственной терминологии не только на русском, но и непосредственно на тундровом ненецком языке (например, когда необходимо выяснить, о дяде по материнской или отцовской линии идет речь).

3.5. Проблема установления имен предков

До недавних пор в традиционной культуре тухардских ненцев существовал запрет называть взрослых людей, особенно старше себя, по имени (этот запрет до сих пор сохраняется, например, в быту ненцев-оленьеводов севера Ямальской тундры). К родственникам старше себя в ненецкой культуре всегда было принято обращаться соответствующими терминами родства, а ко всем взрослым людям, если у них были дети, — с помощью конструкции «X-а мать» («X-GEN.SG мать»), «X-а отец» («X-GEN.SG отец»), где X — имя любого (обычно старшего, но необязательно) из детей того человека, к которому обращаются, например: *Тыялик’ небя* (*Tijalik’-? neb’ia* ‘Тыялик-GEN.SG мать’) букв. ‘Тыялика (мужское имя) мать’; *Лямби’ нися* (*Lamb’i-? nis’ia* ‘Лямби-GEN.SG отец’) букв. ‘Лямби (мужское имя) отец’; *Лани’ небя* (*Lani’-? neb’ia* ‘Лани-GEN.SG мать’) букв. ‘Лани (сокращение от женского имени Руслана) мать’.

Ситуация с установлением точных женских имен родственниц информанта осложняется еще и тем, что обозначение женщин также часто строится в рамках конструкции «X-а жена, супруга» («X-GEN.SG жена, супруга»), например: *Хачи’ не* ‘Хачи-GEN.SG женщина’, *Тыя’ пухуця* ‘Тыя-GEN.SG жена’ (запись дана в стандартной ненецкой орфографии, для таймырского диалекта ТН более фонетически точной была бы запись *Тыя’ пухуча*). Таким образом, респонденты часто не могут назвать определенных имен своих предков, особенно женского пола.

говоре U также: отец жены, мужа)» [Lehtisalo 1956: 129b]. Ср. также аналогичную семантическую ситуацию с термином родства для обозначения старшей родственницы (женского пола): *хада* ‘бабушка; прабабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их; бабушка (обращение к любой старой женщине)’ [Терещенко 1965: 714]; *xada* [Salminen 1998: 177]; O, Oks. *ḡāḏḡ, Sj. ḡāDḡ, K, U, U-Ts. ḡāḏā* ‘Grossmutter (z. B. Mutter der Mutter, Mutter des Vaters, ältere Schwester der Mutter u. a.)’ ⟨‘бабушка (например, мать матери, мать отца, старшая сестра матери и т. д.)’ [Lehtisalo 1956: 175b].

²⁸ Ср. в других источниках: *нинека* ‘старший брат; дядя, младший брат отца; двоюродный брат (сын брата отца, старше говорящего); все мужчины из рода отца, старше говорящего’ [Терещенко 1965: 313] ~ *няка* ‘старший брат; дядя, младший брат отца’ [Терещенко 1965: 341] ~ *нека* (вост.) ‘то же’ [Терещенко 1965: 293]; *nyinyeka* ~ *nya°ka* ~ *nye°ka* [Salminen 1998: 180, 181]; O, U-Ts. *n’ēkkḡ, Sj. n’ākkḡ, U, Oks. n’ākkḡ* ‘älterer Bruder; jüngerer Bruder des Vaters’ ⟨‘старший брат; младший брат отца’ [Lehtisalo 1956: 313b].

²⁹ Ср. фиксацию всех значений данного слова: *тидя* ‘младший брат матери; все мужчины из рода матери, моложе ее; сыновья младшего брата по отношению к сыновьям старшей сестры’ [Терещенко 1965: 658]; ср. *tyidyua* [Salminen 1998: 232, 521].

³⁰ Ср. фиксацию всех значений слова *хада* в подстрочной сноске 27.

³¹ Ср. фиксацию всех значений данного слова: *нябако* ‘старшая сестра; тетка, младшая сестра отца; двоюродная сестра (дочь брата отца, старше говорящего); все женщины из рода отца, старше говорящего’ [Терещенко 1965: 336]; ср. *nyabako* [Salminen 1998: 297].

³² Ср. фиксацию всех значений данного слова: *ней* ‘тетка, младшая сестра матери; все женщины из рода матери, моложе ее’ [Терещенко 1965: 306]; *nyeyu* (N *ya*→*yø*) [Salminen 1998: 236]. Краткость второго гласного в этом слове в форме номинатива единственного числа в словаре [Терещенко 1965: 306] отмечена ошибочно.

См. об этом также в работе Л. П. Ненянг об именах таймырских ненцев: «В прошлом ненец открыто носил свое взрослое имя вплоть до совершеннолетия, до свадьбы. После вступления в брак на настоящее имя человека накладывался запрет. Имя как бы пряталось, умалчивалось, почти никогда, особенно при самом человеке, не произносилось вслух. Родственники строго придерживались этого правила. Теперь назвать человека его собственным именем считалось кощунственным, оскорбительным» [Ненянг 1996: 12—13].

В настоящее время в Тухардской тундре запрет называть взрослого человека старше себя по имени практически стерся, однако он был жив еще в недавнем прошлом, и именно в силу его действия информанты часто не могут назвать имен своих дедушек и бабушек, т. к. родители в естественных условиях традиционных верований и культуры не могли передать им знание об этих именах (кроме того, еще более строгим был запрет называть по имени покойных). Об этом факте свидетельствует и специалист по культуре таймырских ненцев, ненецкая писательница, журналист и собиратель фольклора Л. П. Ненянг: «Если раньше взрослого человека вдруг спросили бы: “Как тебя зовут?” или “Как зовут твоего отца (твою мать)?”, ответом наверняка было бы молчание, в лучшем случае прозвучало бы: “Не знаю”. Ненец не назвал бы ни своего имени, ни тем более имени своих родителей. Чаще всего спрашивающий узнавал его имя от кого-нибудь другого, но уже как бы по секрету» [Ненянг 1996: 12].

Кроме того, для ненецкой культуры типична ситуация, когда один человек имеет ненецкое имя, «русское» имя, которое используется в официальной сфере (значится в документах), и прозвище. Все это зачастую может затруднять идентификацию конкретных лиц, о которых идет речь в разных социолингвистических интервью. Также эту идентификацию осложняет и тенденция в речи некоторых информантов старшего возраста использовать «фиктивные» отчества вместо имен: так, респондентка Г. Х. Силкина (урожд. Яптунэ, 1950 г. р.) регулярно называет своих предков по отцовской линии, носивших имена *Хáво”лэ* и *Тýя*, словами *Хаво́лаевич* и *Тýевич* (являющимися по форме «отчествами») и даже своего отца *Хóльчо* — словом-«отчеством» *Хольчóвич*, как будто бы речь идет не о нем самом, а о ком-то из его сыновей — ее братьев.

Интересной особенностью, характерной для имянаречения в ненецкой культуре низовьев Енисея, является «принадлежность» имен определенным родам: так, Л. П. Ненянг в своей работе [Ненянг 1996], в которой она собрала и, насколько было возможно, проэтимологизировала имена таймырских ненцев, указывает, какие имена «издавна принадлежат» какому-либо роду и наиболее распространены среди представителей какой-либо фамилии, а какие являются широкоупотребительными. Например: роду Тэседо принадлежат имена *Тэ́нга*, *Éвачи*, роду Яптунэ — имена *Хохóй*, *Хáчи*, *Мемг*, *Пóё*, *Сóйта*, *Тýя* и др., роду Вэ́нго — имена *Хóльма*, *Лýмбида*, *Пýятама* и т. д. Представление о «принадлежности» имени определенному роду до сих пор остается распространенным в Тухардской тундре. Кроме того, в настоящее время в Тухардской тундре общепринято называть мальчиков именами дедушек и девочек — именами бабушек (чаще по отцовской линии), таким образом осуществляя передачу как мужских, так и женских имен «далее по роду».

Также наши информанты неоднократно упоминали и об обычае имянаречения, когда имя ребенку выбирают и дают не сами родители, а их старшие родственники — дедушки и бабушки. По фонетическому облику таких имен, данных ребенку старшими родственниками, можно судить о родном языке этих родственников. Так, у одной женщины, происходящей из семьи, где мать является представительницей этнолокальной группы тундровых ненцев (ТН), а отец — наполовину тундровым энцем (ТЭ³³ — по мужской линии) и наполовину долганином (Д³⁴ — по женской линии), зафиксировано три имени:

- 1) «русское» (официальное) имя — *Лидия*;
- 2) тундрово-ненецкое имя ТН *Éрвне* [éɣɯɲe] (см. об этом имени [Ненянг 1996: 78]);
- 3) тундрово-энецкое имя, данное ей дедушкой по отцовской линии, родным языком которого был тундровый энецкий, — ТЭ *Каянэ* (? ср. *kaja* ‘солнце; солнечный’ и *ne* ‘жена; женщина’).

3.6. Проблема определения уровня владения языком/языками

Когда в ходе социолингвистического интервью информант перечисляет языки, которыми владели его родители и другие старшие родственники, нередко бывает сложно определить действительный уровень владения данными людьми названными языками, и даже наводящие вопросы о том, с кем, когда и при каких обстоятельствах шло общение на этих языках, не всегда могут прояснить ситуацию. Сами респонденты не всегда могут точно охарактеризовать, насколько хорошо их старшие родственники могли го-

³³ Здесь и далее ТЭ — тундровый энецкий, тундровый энец.

³⁴ Здесь и далее Д — долганский, долганин.

ворить и понимать устную речь на языках, имевших в прошлом распространение на территории Тухардской тундры. Часто эти характеристики оказываются слишком общи и лишены детализации и конкретики. Отметим при этом также, по нашему мнению, типичное для жителей Тухардской тундры преувеличение степени владения языками, когда они говорят не о себе, а о других людях: так, хорошим уровнем владения тундровым ненецким языком на этой территории может считаться такой, какой оленеводы, живущие, например, на севере Ямальской тундры, не в условиях многоязычия, хорошим бы не посчитали.

Чаще всего, говоря об общем уровне владения каким-либо языком, наши респонденты — жители Тухардской тундры — используют следующие выражения:

1) о высоком уровне владения языком — «*полностью*» [‘знать / выучить язык’, ‘разговаривать на языке’], «*знать весь язык*», ср.

[Инф. АЗВ:] «Некоторые были ветеринары, которые полностью ненецкий учили — разговаривали хорошо» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 5];

[Инф. АЗВ:] «Я вообще удивилась — дяденька русский, полностью на ненецком разговаривает» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 6];

[Инф. АЗВ:] «Мы жили в тундре — мы знаем свой ненецкий язык полностью. Это вот, эти вот уже не знают» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 5];

2) о более низком уровне владения языком — «*наполовину (знать язык)*»; ср.

[Инф. КЕА:] «Ненецкий наполовину только знаю» (= ‘не говорю на ненецком хорошо’) [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 3].

Для определения уровня так называемого “listening”, пассивного понимания устной речи на каком-либо языке, «тухардцами» обычно используется глагол «*слышать*» в значении ‘понимать’, например: [Инф. СГХ:] «Вот Юра <...>, в Левинске (в Левинских Песках) когда работали, среди этих, долган, он слышал, что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 20].

Для определения уровня “speaking”, активного производства устных текстов на каком-либо языке, наши информанты обычно употребляют следующие описательные конструкции:

1) о высоком уровне — «*чисто говорить*», «*разговаривать спокойно*» (см. примеры ниже);

2) о низком уровне — «*маленько говорить*», «*помаленьку говорить*», «*выговаривать слова*», в последнем случае речь, как правило, идет о знании очень ограниченного словарного запаса (обычно без знания грамматики), ср.:

[Инт.:] «А Нина Егоровна русский знала язык?» [Инф. ПАИ:] «Откудова (откуда)?! Так, маленько, “хлеб” да это, чего там взять» (названия некоторых предметов) [Инф. ПАИ: аудио № 1, с. 4];

[Инф. АЗВ:] «Ну так вот, по дому-то иногда выговаривает какие-нибудь слова (на тундровом ненецком)» (об одной из своих дочерей) [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 12];

[Инф. КРВ:] «Отец у нас, да, должен знать, потому что, когда... что же, передача какая-то была на энецком языке... он... ну, говорил эти слова, переводил (с тундрового энецкого на тундровый ненецкий)» [Инф. КРВ: аудио № 1, с. 9].

Приведем здесь как пример связный фрагмент интервью, когда наша информантка З. В. Алькóва (в девичестве Лампáй, 1971 г. р.) описывает, какими языками и насколько хорошо владела ее бабушка по материнской линии Лы́рмина Александра Никаноровна (1922 г. р.):

«Моя бабушка на энецком разговаривала. Да, бабушка, мамы моей мама, Александра Никаноровна, вот та разговаривала по-энецки. Ну, они же аргишили (кочевали, переезжали с места на место, запрягая оленей в аргиши — караваны из одной легковой и нескольких грузовых нарт) с энцами, с этими, с долганями. Какие-то слова долганов знала, потому что на ту сторону Енисея ходили они там и долгане бывали, разговаривали. Больше на нганасанский, я слышала, говоривала она, бабушка. <...> А у меня бабушка и на энецком могла разговаривать спокойно, вот на нганасанском ещё, да. Она вот разговаривала на других языках. На энецком разговаривала, с энцами разговаривала она спокойно. С Туглаковыми она разговаривала, а Туглаковы — воронцовские же, энцы. <...> Ну, когда раньше, когда аргишили, наверно, попадались им эти, энцы, нганасане. Вот по той стороне Енисея (на правом берегу Енисея) же нганасане близко же. <...>

Вот, я вот слышала, как она с ними, с этим самим, с Туглаковым Касо, с ним разговаривала на энецком языке. Я еще говорю: “Что за ты тарабарицину, — говорю, — несёшь?!”. Грит (говорит): “На энецком разговариваю”. Я говорю: “А то слова вроде и похожи чем-то на ненецкий, да, энецкий, а чем-то, — говорю, — немножко не похожи”. Она говорит: “Я могу и на нганасанском”. (Интервьюер: «Но, как она на нганасанском говорит, Вы не слышали?») Нет. Это она сказала: “Я ещё могу и на нганасанском разговаривать”. В районе-то Воронцова-то, там, тундра-то тоже небольшая, наверно, они далеко уходили, олень же не у берега же Воронцова, там, наверно, крутился, всё-таки вглубь уходили, и вот эти, усть-авамские (нганасаны) эти, может, подходили там, что она могла разговаривать. Но что, просто, может быть, она какие-то слова знала, необязательно же, что она весь язык знала. Так и мы иногда на английском, что учили, можем что-нибудь сказать, или прочитать, или... А перевести уже не сможешь» [Инф. АЗВ: аудио № 1].

3.7. Проблема фрагментарности и трудности верификации полученных данных

Далеко не все информанты, опрошенные в ходе социолингвистических интервью, имеют подробную биографическую информацию о своих предках. При этом далеко не все данные, полученные в результате таких опросов, могут быть верны и соответствовать действительности, однако, т. к. «сообщество» Тухардской тундры имеет относительно стабильный состав и большинство коренного населения этих мест приходится друг другу близкими и дальними родственниками, данные интервью, получаемые от разных респондентов, оказываются взаимно верифицирующими (особенно когда речь идет о знаковых и «легендарных» персоналиях).

3.8. Проблема классификации и унификации полученных данных

Биографические данные о предках, извлекаемые из интервью с респондентами, и сведения об их языковых практиках трудно классифицировать и унифицировать — история и языковое поведение каждого конкретного человека уникальны, а их исследования представляют собой своего рода “case studies”. При дальнейшем анализе полученного материала нам еще предстоит выработать принципы и методы классификации подобного рода данных.

4. Языковые идиомы и локальные этнические группы, представленные в Тухардской тундре в XX в.

В первую очередь следует оговорить, что в данном разделе мы не рассматриваем русский язык, которым в настоящее время владеют почти все жители Тухардской тундры, за исключением некоторых пожилых людей и детей дошкольного возраста. Вопрос о языковом сдвиге в сторону русского и о том, как русский язык усваивался коренным населением в низовьях Енисея, заслуживает отдельного и детального рассмотрения, и в данной статье мы не будем его затрагивать.

На карте (рис. 3), сделанной Ю. Б. Коряковым, показаны населенные пункты и географические объекты, о которых говорится в данной статье, и приведены численные данные о количестве представителей этнических групп и носителей, говорящих на языках этих групп.

4.1. Тундровый ненецкий язык (ТН) < северносамодийские < уральские

В настоящее время основным языком общения коренного населения Таймыра, проживающего сейчас в Тухардской тундре, является тундровый ненецкий. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 89% всего населения Тухарда и приписанной к нему Тухардской тундры составляли тундровые ненцы, при этом 67% всего населения говорило на тундровом ненецком языке. Идиом, функционирующий в Тухардской тундре, — это тухардский говор енисейского (таймырского) диалекта тундрового ненецкого языка.

Енисейский (таймырский) диалект является самым восточным идиомом в диалектном континууме данного языка (см. таблицу 3) и имеет ряд черт, отличающих его не только от западных и центральных говоров, но и от других восточных, что отмечают и сами носители:

[Инф. ВИА:] «А с Гыды́ вот — тюменские там (о гыданском диалекте, распространенном на территории Ямало-Ненецкого АО, формально входящего в состав Тюменской области). Ну, у них язык тоже друговатый, не такой, как у нас. Ну, язык другой — такой, ну, как акцент у них» [Инф. ВИА: аудио № 1, с. 16].

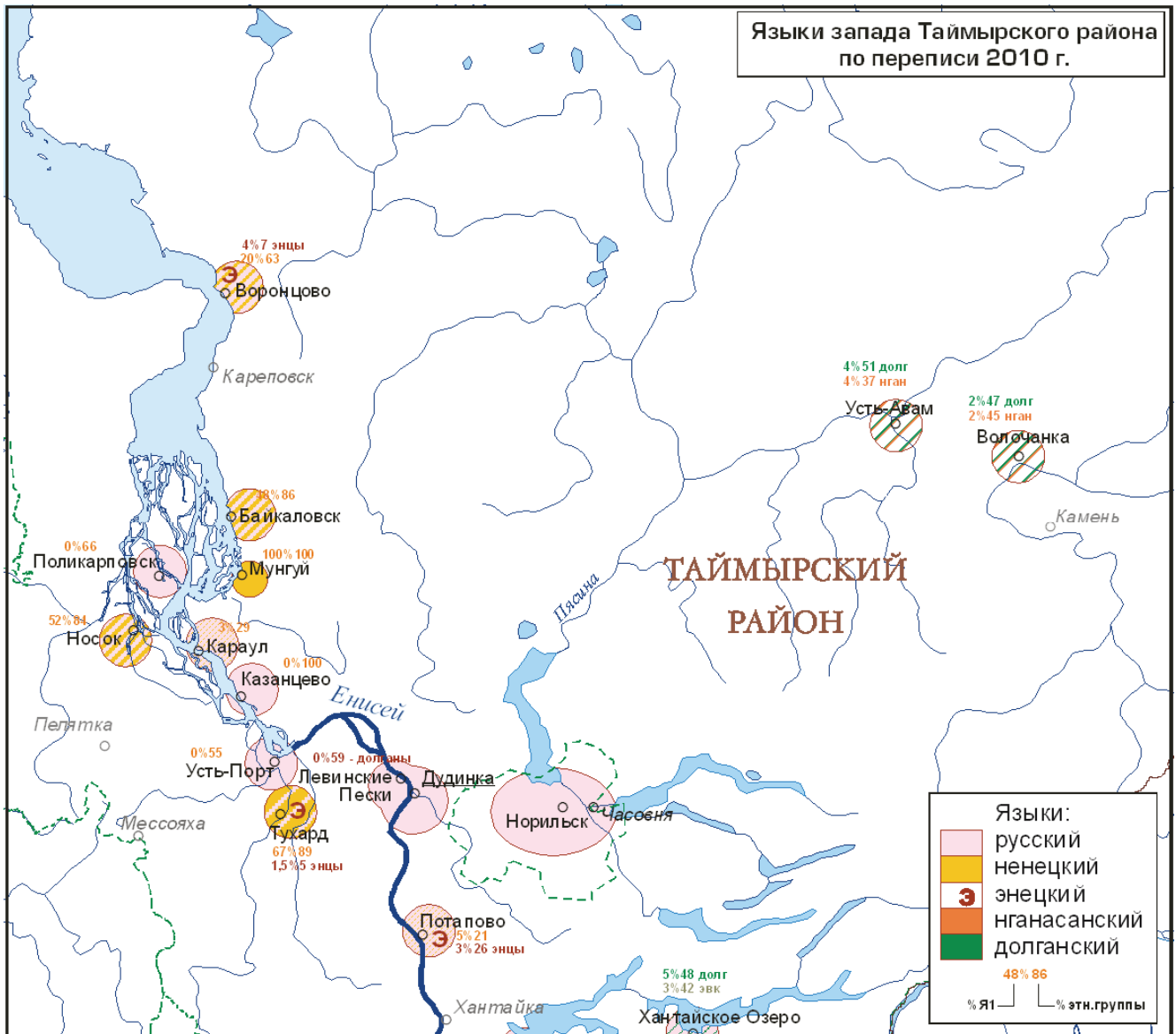

Рис. 3. Языки и численность их носителей на западе Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края, по данным Всероссийской переписи 2010 г. Автор карты — Ю. Б. Коряков.

Таблица 3. Диалектное членение тундрового ненецкого языка, по данным [Терещенко 1965: 8—11]

западные диалекты		центральный диалект	восточные диалекты	
крайнезападные	западный		восточные	крайневосточные
канинский	малоземельский	большеземельский	приуральский	надымский
тиманский			ямальский	тазовский
колгуевский				гыданский
<u>таймырский (= енисейский)</u>				

Приведем здесь несколько примеров фонетических особенностей енисейского (таймырского) диалекта, которые характерны в полной мере только для него (и в меньшей степени, менее последовательно для «соседнего» с ним гыданского) и не представлены в других диалектах, в том числе и в тех восточных, которые находятся западнее Обской губы.

1) **Фрикативизация** — переход переднеязычного смычного взрывного звонкого согласного [d] во фрикативные (щелевые срединные) звонкие согласные звуки — плоскощелевой [ð] или реже круглощелевой сибилант [z], например: [jádne]/[jázne] вместо лит. [jádñe] (ненецкая фамилия Яднэ/Ядне); [jáfəðe]/

[ɲáʃəzɐ] вместо лит. [ɲásʲədə] (ненецкая фамилия *Насяда*); [χáðɐ]/[χázɐ] вместо лит. [χáðɐ] ‘бабушка; прабабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их; бабушка (обращение к любой старой женщине)’ (*хада*); [jed]/[jez] вместо лит. [jed] ‘котел’ (*ед*); [nʲáðɐ]/[nʲázɐ] вместо лит. [nʲáðɐ] ‘ягель’ (*няда*) и др. Особенно широко данная фонетическая черта распространена в речи более молодого поколения (1960—1980-х гг. р. и далее) и менее регулярна для носителей старшего возраста. (Отметим, что эта фонетическая черта, помимо крайневосточного таймырского диалекта, по нашим экспедиционным данным, спорадически наблюдается только в речи отдельных носителей крайнезападных диалектов тундрового ненецкого языка — канинского и колгуевского, — но не характерна для центральных и восточных говоров.)

Следует обратить внимание на то, что эта особенность (фрикативизация) в еще большей степени (аллофоны [z], [z:] и [ð] фонемы /z/) характерна для тундрового энецкого идиома, с носителями которого тухардские (таймырские) ненцы находились в тесном языковом контакте в низовьях Енисея: ср. ТЭ *ize* [iz:e], [iz:ɛ], [iði] ‘котел’; *naza* [nazaʔ], [naza], [naða] ‘ягель’ и др. (примеры этих произношений можно прослушать в электронном тундрово-энецком аудиословаре О. В. Ханиной: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view>).

2) **Аффрикатизация (смычного)** — переход переднеязычного смычного взрывного глухого палатализованного согласного [tʲ] в аффрикату [tʃ], например: [nóskoʔ tʃerʔ] вместо лит. [nóskoʔ tierʔ] ([nòskondʲerʔ]) ‘Носок-GEN.SG наполнение-NOM.PL’ (название жителей поселка Носок и Носковской тундры); [ʃiʏértɕáʔ ʃedʲéʔ] вместо лит. *siʏʰrtʲa-ʰ ʃiedʲeʰ* ‘«сихиртя»-GEN.SG большая_сопка’ (букв. «Сихиртя сопка»). Эта фонетическая черта в полной мере представлена только в самом крайневосточном — таймырском — диалекте тундрового ненецкого языка, но в меньшей степени и не так последовательно (обычно не с полной аффрикатизацией, а с наличием фрикативного шума после смычного [tʲ]) характерна также и для другого крайневосточного диалекта — «соседнего» гыданского, — при этом она не наблюдается ни в западных, ни в центральных идиомах, ни в восточных говорах, которые находятся западнее Обской губы (она не представлена даже в ямальском диалекте). Эта фонетическая особенность также была обнаружена нами в опубликованных текстах на таймырском диалекте, например: *Чедав’* (вместо лит. *тедав’*) *сэр’ паны серыди’!* ‘Теперь-то одевайтесь в белые парки!’ [Лабанаускас 1995: 9, 10].

Аналогичный фонетический переход произошел в недавней истории лесного и тундрового энецких идиомов, с носителями которых таймырские (енисейские) ненцы находились в тесном контакте последние 200 лет.

В таймырском диалекте аффрикатизация смычного [tʲ] происходит и в позиции после носового сонорного согласного, в которой [tʲ] не озвончается в [dʲ], как в центральных и восточных говорах западнее Обской губы, а переходит в аффрикату [tʃ], например: [nʲúmʃer] (из [nʲúmtʃɛ]) вместо лит. [nʲúmʃɛ] ‘имя-NOM.SG.POSS3SG’ (‘имья-его’). Эта особенность также была обнаружена нами в текстах на таймырском диалекте: *Чикы манто нгыдамаду’ яду’ нюмча* (вместо лит. *нюмдя*) *Нгытуре, Нгытурем’ нюбенга* ‘Это место теперь называется Нытуре’ [Лабанаускас 1995: 95, 96].

3) **«Чоканье»** — переход аффрикаты [tʃʲ] (в орфографии лит. *ць*, в фонологической записи — *cʲ*) в [tʃ] (в орфографии можно записать как *чь*) — характерно для всех восточных диалектов тундрового ненецкого языка, например: [pʌrtʃetʲiʋɐʔ] вместо лит. (большеземельского) *pæʰr-cʲʰti-waʔ* (*пэ̀рцетыва*) ‘звать, называть’-HAB-IND.PRES/AOR.OBJ(SG).1PL; [jilʲéwʌtɛ] вместо лит. *jilʲeʰ-wacʲʰ* (*иле́ваць*) ‘жить’-IND.PAST.SUB.1PL.

Однако для таймырского диалекта (и менее последовательно для гыданского) «чоканье» проявляется также и в сочетании «носовой сонорный согласный + аффриката» — без перехода аффрикаты в звонкий [zʲ], характерного для центральных и восточных ненецких говоров западнее Обской губы, например: тайм. [nʲi:ntɕiʔ] (*нинчи*) вместо лит. [nʲi:nziʔ] (*нинзи*) при фонологической записи *nʲinciʲʰ/nʲinciʲʰ*?. Эта фонетическая особенность также была обнаружена нами в опубликованных текстах на таймырском диалекте, например: *Маяндорта ненгэ, сававна инчиле*” (вместо лит. *инзеле*”, фонологически — *jincielʲeʲ*) ‘Сестра трех энцев (бедствующая женщина), слушай внимательно’ [Лабанаускас 1995: 209, 212].

4) **Отсутствие оппозиции по глухости / звонкости** шумного согласного в сочетании «носовой сонорный + шумный»: [χánsotà] / [χánsotà] вместо лит. [χánzotà]. См. также об этом в 2) и 3).

Отметим здесь также еще две фонетических черты, в равной мере характерных для енисейского (таймырского) и другого, «соседнего» с ним, крайневосточного диалекта — гыданского, — но не наблюдающихся ни в западных, ни в центральных идиомах, ни в восточных говорах, которые находятся западнее Обской губы (даже в ямальском диалекте).

1) **«Шепелявое» произношение** — переход переднеязычного альвеолярного глухого палатализованного круглощелевого сибиланта (фрикативного) [sʲ] в переднеязычный постальвеолярный (палатоальвеолярный) глухой плоскощелевой сибилант [ʃ], например: [mʋpɛʃ] ‘сказал’; [ʃiʏértɕáʔ ʃedʲéʔ] вместо

лит. *siχ^ortia-² siedie^o* «сихиртя»-GEN.SG большая_сопка' (букв. «Сихиртя сопка»); [ŋáʃəðv̥] вместо лит. [ŋáʃəðv̥] (ненецкая фамилия *Насяда*); [ʃɪn^oʔtɛəkò]/[ʃɪn^oʔɛkò] вместо лит. *šinc^oko* (ненецкое имя *Сюнско*) и др.

2) **Деаффрикатизация (утрата смычки)** — переход твердой аффрикаты [ts] (в орфографии *ц*, в фонологической записи — *с*) в переднеязычный глухой круглощелевой сибилянт (фрикативный) [s], например: [lú:sɛ] вместо лит. [lú:tsɛ] (фонологически *lūca*, орфографически *луца*) 'русский'; [pórsɛ] вместо лит. [pórtsɛ] (фонологически *porca*, орфографически *порца*) 'вяленая рыба, сваренная в рыбьем жиру'; [lórsɛ] вместо лит. [lórtsɛ] (фонологически *lorca*, орфографически *лорца*) 'пригорок'; [n'ársu] вместо лит. [n'ártso]/[n'ártso] (фонологически *n'arco*, орфографически *нярцо*) 'исландский мох (мох-сфагнум)'; суффикс отглагольного существительного [-bsu] вместо лит. *-bco*; суффикс глагольной формы "necessitative mood" [-bsu] вместо лит. *-bci*. Эта фонетическая особенность также была обнаружена нами в опубликованных текстах на таймырском диалекте, например: *Юнггодахани' хибяри тарчари тубсу* (вместо лит. *тубсу*) 'Во время нашего отсутствия придет один человек' [Лабанаускас 1995: 12, 14].

Локальная группа тундровых ненцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями (полужирным шрифтом фамилии приводятся в записи, принятой в документации данного региона; в круглых скобках также дана запись фамилий на тундровом ненецком языке):

1) **Яптунэ**, реже фиксируется в документах как *Яптунэ*³⁵ (ТН *Ябтоуэ*; жен. ³⁶ *Ябтой*), 'гусиная лапа' < *ябто* + *уэ* (*jabto-² + ηæ*) 'гусь-GEN.SG' + 'нога' — самый многочисленный род, внутри которого выделяются отдельные родовые подразделения, например:

а. *Хабт нэрка Ябтоуэ* (*xabt^o ηarka jabto-² ηæ* 'кастрированный_олень-самец большой гусь-GEN.SG нога') 'имеющий больших кастрированных оленей-самцов Яптунэ';

б. *Сы́хыча* — название этой родовой группы происходит от мужского имени (см. *Сы́хыча* '(приблиз.) беда, затруднение' [Ненянг 1996: 58]);

в. *Хаченята* — прозвище происходит от мужского имени *Хáчи*, мужчины из рода Яптунэ (потомки Хачи Сойтовича Яптунэ);

г. *Тáб Ябтоуэ* (*táb^o jabto-² ηæ* 'песчаный Яптунэ') — «камень-Яптунэ», выходцы из Носковской тундры [Инф. ВПА];

д. *Сы́нак* [Инф. СГХ];

2) **Яднэ**, **Ядне** (ТН *Ядне*; жен. *Ядны*) 'идуший пешком' (см. выше о произнесении этой фамилии в тухардском говоре ТН);

3) **Яр** — данный род также имеет более мелкое дробление, выделяются, например:

а. *Мар'' нэ́ва Яр* (*mar^o ηæwa jar* 'дикий_олень-самец голова Яр');

б. *Вы' Яр* 'тундровый Яр' — выходцы «с моря», из Носковской и Воронцовской тундр;

в. *Лэ''мор'' Яр* 'маленькая_птица Яр' — выходцы «с моря», из Носковской и Воронцовской тундр;

г. *Тапкины-Яр*;

4) **Тэ́седо** (ТН *Тэ́сяда*; жен. *Тэ́сяды*) 'без оленей; не имеющий оленей' (представлена одна семья-ветвь);

5) **Вэ́нго** (ТН *Вэ́нга*; жен. *Вэ́ны*) 'собачье ухо' < *вэн* + *ха* (*wen-² + χa*) 'собака-GEN.SG' + 'ухо' — выходцы из более северной, Носковской, тундры (одна семья-ветвь);

6) **Тóги** (ТН *Тóхэй''(с)*; жен. *Тохэй'*, *Тохэсы'*) < от *тохо''(с)* (*toxo^o?*) 'материя, ткань';

7) **Лампáй** (ТН *Лáмпай'/Лáмбай*; жен. *Лáмпай'* / *Лáмбай'*) 'ветвистый (о рогах оленя)';

8) **Пя́ся** (ТН *Пя́ся''*; жен. *Пя́сяды'*) 'без леса, без деревьев' (?);

9) **На́дэр** (ТН *На́дер''*; жен. *На́деры'*, *На́дерой'*);

10) **Найвóседо** (ТН *На́вася́да*; жен. *На́вася́ды'*) 'безголовый, без головы' (одна семья-ветвь);

11) **Марик** < *мар''* + *ик* = 'дикий олень-самец' + 'шея' (одна семья-ветвь);

12) **Береговы́е** (ТН *Вырмúй* < *вэрм* 'открытое незаросшее место (например, среди кустарника)' [Терещенко 1965: 76], *wert^o*).

Практика заключения смешанных браков (тундровых ненцев с тундровыми и лесными энцами, а также с долганами³⁷) и уникальная ситуация многоязычия в Тухардской тундре привели к тому, что локальная группа тухардских («нахётских») ненцев значительно отличается от остальных тундрово-ненецких групп. Иноэтничные компоненты, адаптированные и «растворившиеся» в локальной группе

³⁵ Во второй половине XX в. предпринималась попытка по-разному писать в документах эту фамилию — в зависимости от места проживания ее носителей: так, по данным И. Л. Яптуне, выходцев Тухардской тундры стремились записывать как *Яптунэ* (с буквой э в конце), а выходцев Мунгуйской тундры — как *Яптуне* (с буквой е в конце). Однако это никогда не проводилось последовательно. В Ямало-Ненецком автономном округе эта фамилия обычно фиксируется как *Яптунáй*.

³⁶ В тундровом ненецком языке различаются мужские и женские варианты фамилий.

³⁷ См. подробнее о локальной группе долган в Тухардской тундре и их потомках в п. 4.5. настоящей статьи.

тухардских ненцев, привели к очевидным изменениям в традиционной ненецкой материальной культуре: так, ненцы низовьев Енисея, в отличие от более западных тундровых ненцев, проживают в чумах только в летний период, а зимой — в балках с покрытиями из сшитых оленьих шкур (изнутри) и брезента (иногда снаружи), технологию изготовления которых они переняли у долган (рис. 4а—с). Однако влияние «растворившихся» иноэтничных компонентов затронуло не только сферу материальной культуры, но и привело к формированию уникальной самоидентификации тухардских («нахётских») ненцев, воспринимающих себя, по собственным словам информантов, «смешанными», а не «чистыми» ненцами (в противоположность «чистым» ненцам, проживающим в Ямало-Ненецком АО). Данная концепция своей идентичности нашла отражение и в самоназвании тухардских ненцев.

Рис. 4а. Вид на стойбище Яптунэ Юрия (Тьялика) и Сергея (Вадалика) Алексеевичей, Вэнго Андрея Няровича и его сына Игоря (Лямби) Андреевича: жилые и хозяйственные балки. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Рис. 4б. Дети у жилого балка на стойбище Яптунэ и Вэнго. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Рис. 4с. Вид сбоку на жилой балок после пурги. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Как неоднократно отмечалось исследователями, для большинства тундровых ненцев самоназванием является словосочетание ТН *ненэй ненэць* '(н)'³⁸ [Терещенко 1965: 299, 300] (*nyeneu° nyenesu°h* [Salminen 1998: 493]) NOM.SG букв. 'настоящий человек', во множественном числе — ТН *ненэй ненэця*''³⁹ [Терещенко 1965: 300] NOM.PL букв. 'настоящие люди': «В восточных районах расселения ненцев — на п-овах Ямал и Гыданском, в низовьях Енисея, в качестве самоназвания выступает сочетание слов *ненэй ненэць* '("настоящий человек") (<...>» [Хомич 1966: 24]. Однако тухардские ненцы не называют себя так и, что особенно интересно и показательно, обозначают этим понятием более западных — «тюменских» — ненцев (т. е. ненцев Гыданской, Тазовской, Ямальской и других тундровых территорий, расположенных в Ямало-Ненецком автономном округе, формально относящемся к Тюменской области), противопоставляя себя им. Ситуация, при которой локальная этническая группа называет представителей другой локальной группы того же этноса, а не себя словосочетанием со значением 'настоящие люди', кажется не тривиальной, если не сказать уникальной.

Приведем здесь показательный диалог с двумя тухардскими женщинами, которые происходят из смешанных долганско-тундрово-ненецких (Д-ТН) семей, владеют тундровым ненецким языком как родным и не знают долганского: Кузнецовой (в девичестве Ярócкой) Екатериной Андреевной (1983 г. р., далее КЕА) и Яптунэ (в девичестве Ярócкой) Раисой Алексеевной (1964 г. р., далее ЯРА).

[Инт.:] «*А ненэй ненэця*'' — вы себя так не называете?»

[Инф. КЕА:] «*Ненэй ненэць*'' — это же не ненец! Не ненец (т. е. не тухардский ненец)».

[Инф. ЯРА:] «*Мы себя так не называем*».

[Инт.:] «*Не называете?*»

[Инф. КЕА:] «*Нет*». (Смеется.)

[Инф. ЯРА:] «*Не!*»

[Инт.:] «*Это так "тюменские" себя называют?*»

[Инф. ЯРА:] «*Ну... Нет, мы их так называем! "Кто они там приехали", — грит (говорит)? Ненэй ненэця*'''. Вот так вот грят (говорят), потихонечку грят (говорят). (Тихо.) *Это-то не наши* (не тухардские ненцы), *значит*».

Общим самоназванием тухардских ненцев, с помощью которого они противопоставляют себя «тюменским настоящим людям» ТН *ненэй ненэця*'' (*ненэй ненэця*'''), является существительное *юрак*''/*jurak*''? [jörákʰʔ]⁴⁰ NOM.PL (*юрак* / *jurak*° [jörákʰ] NOM.SG)⁴¹, этим словом тухардские ненцы называют любых представителей своей локальной группы. Напомним, что именно это слово легло в основу прежнего, распространенного ранее общего наименования ненцев (особенно восточных) — «юраки»⁴².

³⁸ Для произношения этого слова в восточных диалектах тундрового ненецкого языка более соответствующим было бы написание *ненэць* '(н) — с аффрикатой *ч* вместо *ц*. В скобках указано, с какой согласной фонемой чередуется гортанная смычная фонема.

³⁹ Для произношения этой словоформы в восточных диалектах тундрового ненецкого языка более соответствующим было бы написание *ненэця*'' — с аффрикатой *ч* вместо *ц*.

⁴⁰ Символом *ö* обозначен ненапряженный и продвинутый вперед аллофон огубленной гласной фонемы заднего ряда верхнего подъема.

⁴¹ В словарях тундрового ненецкого языка существительное *юрак* не зафиксировано. В них представлено слово ТН *юрё* 'приятель; товарищ в каком-либо деле (о человеке не ненецкой народности)' (также *юрёс*'' *ненэця*'' 'они приятели') [Терещенко 1965: 816], ср. *ууруо* (N *yo*→*yu*) [Salminen 1998: 313], O, OP *juir'u*'', Sj., U *juir'ü* 'Freund' (<'друг, приятель'), N *juir'öβ* 'mein Freund' (<'мой друг, приятель') (о том, что это существительное обозначает друга не ненецкой этнической принадлежности, свидетельствует следующий пример (в данном случае речь идет о русском): Oз *i'ikkī tād'ib'āñäē ηōB'' lū,ṭṣəw juir'üδp tañéβ'ī* 'dieser Zauberer hatte einen Russen zum Freund' (<'у этого шамана был один русский друг') [Lehtisalo 1956: 142a]. Ср. также когнат этого слова в лесном ненецком: *дилю* 'приятель, товарищ в каком-либо деле (о человеке не ненецкой народности)' [Бармич, Вэлло 2002: 30, 248], *һи'лу* 'партнер, напарник' [Попова 1978: 24], Nj. *jir'r'ü*, P *d'ial'ü* 'Freund' (<'друг, приятель') [Lehtisalo 1956: 142a]. Подробнее об этимологии этого ненецкого слова и возможных самодийско-тунгусо-маньчжурских лексических связях см. [Аникин, Хелимский 2007: 89—90].

⁴² В литературе высказывалось предположение об обско-угорском происхождении слова *юрак*: от хант. V, VK *järyan-*, Vj. *järkan-*, Vart. *järkan*, Likr. *järyan*, Mj., Trj., J *järyan-*, Irt. (<...>) *järən*, Ni., Š, Kaz. *jörñ*, Sy. *jörñ*, Cast. (I) *jaran*, (S) *jargan*, Patk. (I, Ko.) *jaran*, *jarən*, (D) *jargən*, Ahl. *jorriñ* "'Samojede"', Jurake, Nenze/ненец' (Irt., Ni., Š, Kaz., Sy., Ahl.), 'die Tschuden' (Fil.) [Steinitz 1966: 405—407]. П. Хайду отмечал «адаптацию с помощью суффикса этнонимов *-ак* (ср. *словак*, *пруссак*, *вотьяк*, *поляк*, *сибиряк* и т. д.)» и указывал на заимствование данного хантыйского слова в фонетическом облике *jaran* со значением 'самоед' ('ненец') в коми-зырянский язык [Хайду 1985: 125]. Также в ра-

В других северносамодийских языках (нганасанском языке и энецких идиомах) данное существительное в несколько ином фонетическом облике зафиксировано со значением ‘ненец’: нган. *дюракэ ~ дюрйакэ* [-’’, *дюрйаки*’; -ту] ‘ненец’, (устар.) ‘юрáк’ [Костеркина и др. 2001: 50, 51]; ЛЭ *дюрáк кáса* ‘мужчина-ненец’ [Сорокина, Болина 2001: 36], *дюрáк нэ* ‘ненка’ [Сорокина, Болина 2001: 36]. Ср. об этом мнение Л. В. Хомич: «Словом *дюрака* энцы и нганасаны называют всех вообще ненцев. Благодаря тому, что контакт между энцами и нганасанами, с одной стороны, и ненцами — с другой, имел место главным образом в районе Енисея, практически это название касалось лишь восточной группы ненцев, что дало повод некоторым исследователям считать, будто бы восточная группа ненцев представляет собой какое-то особое племя или даже народ (следует оговорить при этом, что термином “юрáк”, “юрáки” пользовался Кастрен, но он называл так всех вообще тундровых ненцев)» [Хомич 1966: 28].

Точка зрения на «юраков» как отдельную этническую группу, говорившую на «юрацком» идиоме (также фигурирует как «старовосточный диалект ненецкого языка»), имевшем распространение в «северной части междуречья Таза и Енисея (и, может быть, в некоторых прилегающих районах)» [Хелимский 2000а: 50], подробно представлена в работах Е. А. Хелимского и в настоящее время является общепризнанной. Данный идиом фигурирует в рукописи Герарда Фридриха Миллера (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 513, д. 7, лл. 15—20) под названием “Jurackisch”: «*Юраки* (...) в материалах Миллера — в первую очередь, представители ныне исчезнувшей группы, носители юрацкого (старовосточного) диалекта ненецкого языка (...). Нередко, однако, они не дифференцированы от более западных групп ненцев (обдорских самоедов), на которые распространялся этноним *юраки* (...). Сообщение о том, что слово *Jurak* представляет собой самоназвание, подтверждается на лл. 337об, 351об.» [Хелимский 2002: 595, сн. 9]⁴³.

Е. А. Хелимский подробно описал языковые особенности юрацкого идиома, отличающие его от других северносамодийских: «Совокупность особенностей зафиксированного Г. Ф. Миллером лексического материала позволяет утверждать, что он принадлежит не одному из тундрово-ненецких говоров, а особому диалекту ненецкого языка. (...) В предполагаемой области его распространения ныне распространены говоры тундровых ненцев — тазовский и енисейский (таймырский). Вероятно, старовосточный диалект исчез не позднее середины XIX в. вследствие поглощения его носителей волнами новых миграций ямальских ненцев на восток (см. [Васильев 1975]). (...) Многие фонетические и лексические изоглоссы, отграничивающие старовосточный диалект от тундрового, являются в то же время и межъязыковыми изоглоссами, разделяющими тундровый ненецкий и энецкий языки. (...) Эти характеристики старовосточного диалекта позволяют считать его в определенной степени переходным, занимающим промежуточное положение между ненецкими и энецкими диалектами. Промежуточным было и географическое положение его носителей — “юраков”, соседствовавших на западе с тундровыми ненцами, на юго-западе — с лесными ненцами, на юге — с энцами *нэ-бай* и на востоке — с энцами *сомату*» [Хелимский 2000а: 52].

Можно говорить о некоторой исторической параллели: движение более западных групп тундровых ненцев («ямальских», «тюменских») на восток (в низовья Енисея) осуществляется и в настоящее время, в начале XXI в. (см. выше в п. 1), наблюдалось оно и в XVIII—XIX вв. Ср.: «В результате военных побед над энцами в XVIII — первой половине XIX в. область расселения тундровых ненцев значительно расширилась, они сумели закрепиться на правом берегу Енисея. По-видимому, связанное с этим переселение значительных групп ямальских ненцев на восток привело к поглощению ими небольшой группы ненцев-юраков, которые в начале XVIII в. жили на левобережье Енисея» [Хелимский 2000b: 37].

Некоторая параллель может быть прослежена между «переходным» положением юрацкой этнолокальной группы и процессом ассимиляции части энцев тундровыми ненцами в XVIII — начале XIX в. и процессом «растворения» иноэтничных (энецкого, долганского) компонентов в локальной группе тухардских ненцев-«юраков» на протяжении XX в. Ср.: «Можно предположить ряд путей формирования переходного характера старовосточного диалекта ненецкого языка. Возможно, этот диалект образовался на энецком субстрате в результате ассимиляции одной из этнических групп энцев ненцами. Более правдоподобное, с точки зрения имеющихся данных, объяснение состоит, однако, в том, что распад прасеверносамодийской языковой общности происходил не скачкообразно, а постепенно, в результате до-

боте П. Хайду делается следующее предположение: «В конечном счете источником этнонимов *jaran ~ jorin* может являться название одного из ненецких родов *jar*?, хотя подобное объяснение также оставляет ряд неясностей» [там же]. В. В. Напольских [Напольских 2005: 253] предположительно связывает это слово с ППерм. **jögra* (> рус. *Югра*).

⁴³ См. также: “*Juraki*, nennen sich selbst *Jurak* u. werden auch von anderen also genennet (...). Die *Jurakken*, welche von ihnen *Tributair* sind, bezahlen eines theils den *Jasak* nach *Tassowskoe Simowie*, andern Theils auch einige nach *Koschelowo Simowie* am Fl. *Peljädka* gegen über *Tolstoi nos*. (Вероятно, в районе современного пос. Носок.) Es ist kein gesetztes oder *Oclad* was sie bezahlen: man muß zufrieden seyn mit dem was sie von selber bringen” [Хелимский 2002: 595].

вольно медленных перемещений отдельных групп самодийского населения на новые территории. При этом промежуточное географическое положение старовосточного диалекта обусловило длительное — и, вероятно, никогда не прерывавшееся — его контактирование как с другими ненецкими диалектами, так и с энецким языком. В такой ситуации на этот диалект могли распространяться некоторые инновации, характерные для энецких диалектов — что, однако, не препятствовало сохранению тесных языковых связей с основной массой ненцев. Переходный характер старовосточного диалекта мог в течение долгого времени обеспечивать его носителям высокий уровень взаимопонимания как с западными, так и с южными и восточными соседями» [Хелимский 2000а: 52—53].

Отметим, что в настоящее время для жителей Тухардской тундры, с которыми говорящий находится в родственных отношениях и в отношениях свойства (зятя, мужа дочерей, сестер, родственниц и т. д.), употребляется также более частное название — *хър’на’ ненэчійна* — букв. ‘мы-сами (наши собственные) люди-наши’, т. е. подгруппа «самых близких» из общетухардской группы *юрак*”, и при этом эти «самые близкие» совершенно необязательно должны быть тундровыми ненцами: в эту частную подгруппу могут входить и тундровые энцы Силкины, и долгане Яроцкие, и представители любых других фамилий, если они являются свойственниками.

4.2. Тундровый энецкий идиом (ТЭ) < северносамодийские < уральские

В недавних работах [Khanina, Koryakov, Shluinsky 2018] и [Коряков 2018: 159—160, 162, 164] подробно рассмотрена аргументация в пользу того, что тундровый энецкий и лесной энецкий являются диалектами одного языка, а не отдельными языками; в настоящей статье мы придерживаемся точки зрения данных авторов: “Enets is a highly endangered Northern Samoyedic language spoken in the Tajmyr peninsula, Russia. There are two dialects of Enets — Forest Enets (also called Baj, Pe-Baj) and Tundra Enets (also called Somatu, Maddu); they are mutually intelligible, but have a number of clear distinctions in lexicon, phonology, and morphology. Members of the two language communities do not consider themselves as belonging to one ethnic group” [Khanina, Koryakov, Shluinsky 2018: 110]. В статье Ю. Б. Корякова данный вопрос рассмотрен также с точки зрения лексикостатистики: «Ситуация с энецким более сложная: мнения лингвистов о степени различия и взаимопонятности расходятся, хотя скорее склоняются в сторону того, что это единый язык с двумя диалектами, носители которых не воспринимают себя в качестве единой этноязыковой общности. Лексикостатистические данные подтверждают наличие одного энецкого языка» [Коряков 2018: 164].

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 5% всего постоянного населения п. Тухард и приписанной к нему Тухардской тундры приходится на долю энцев, при этом для 1,5% отмечается владение энецким идиомом. Данные, полученные нами в ходе экспедиции 2017 г., позволяют сделать вывод о том, что, по крайней мере в основном, здесь речь шла именно о тундровых энцах и владении тундровым (не лесным) энецким.

Ненцы Тухардской тундры на своем (ТН) языке называют тундровых энцев существительным *мандо*” (*manto-?* NOM.PL): возможны варианты произнесения данного слова как [mándo?]/[mándu?]/[mánto?]/[mántu?] (в форме номинатива множественного числа). Говоря о своих «соседях» — тундровых энцах — на русском языке, тухардские ненцы используют следующие слова: *воронцовские*, *мандбйки* и *мандбшки*. Первое наименование само по себе говорит о территории, на которой до переселения в Тухардскую тундру жили тундровые энцы, — поселке Воронцово и Воронцовской тундре (северо-восточнее Тухарда, на правом берегу Енисея). Второе название происходит от ТН *мандой*’ (*mantoj*?) ‘женщина из рода тундровых энцев’, третье — от ТН *мандо* (*manto* [Salminen 1998: 306]) с помощью русского уменьшительного суффикса. Второе и третье названия тундровых энцев используются в русской устной речи тухардских ненцев, которые имеют с ними родственные отношения или состоят с ними в отношениях свойства, такие наименования не являются оскорбительными и свидетельствуют о расположении говорящего к «близким» ему тундровым энцам (обычно употребляются с притяжательными местоимениями: «*мои мандбйки*», «*мои мандбшки*»).

Основной приток тундрово-энецкого населения «с воронцовской стороны» в Тухардскую тундру произошел в 1970-е гг. (см. подробнее ниже). Локальная группа тундровых энцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями:

- 1) *Силкины* (ТЭ *Бай*; ТН *Вай*) — выходцы из Воронцовской тундры в 1970-х гг. (покойные Силкин Пуяку Бакулович и Силкин Дёголь / Деголь / Дёголя / Деголя Бакулович) и их потомки;
- 2) *Туглаковы* — выходцы из Воронцовской тундры в 1970-х гг. (Туглаков Касо Танулович) и их потомки;
- 3) *Мирных* — только как девичья фамилия;
- 4) *Пилькó* — только как девичья фамилия.

4.3. Лесной энецкий идиом (ЛЭ) < северносамодийские < уральские

Ненцы Тухардской тундры на своем (ТН) языке называют лесных энцев словосочетанием *ня вай*” (*p'ia waj-ʔ* NOM.PL) букв. ‘лесные Вай’, ‘деревянные Вай’ или просто существительным *вай*” (*waj-ʔ* NOM.PL). Говоря о лесных энцах на русском языке, тухардские ненцы часто используют наименование *потаповские*, т. к. в Тухардскую тундру лесные энцы пришли с «потаповской стороны», из Потаповской тундры (юго-восточнее Тухарда, на правом берегу Енисея).

Отметим, что основной приток лесных энцев из Потаповской тундры в Тухардскую проходил намного раньше (видимо, в первые десятилетия XX в.), чем приток тундрово-энецкого населения «с воронцовской стороны» в 1970-е гг. Об этом косвенно свидетельствует как тот факт, что потомки от смешанных браков тундровых ненцев и лесных энцев, как правило, меньше знают о своих «потаповских» предках, чем потомки «воронцовских» тундровых энцев, так и отсутствие уменьшительных наименований родственников с «лесной энецкой стороны», аналогичных названиям, которые тухардские ненцы дают своим «близким» тундровым энцам (*мандóйки* и *мандóшки*). При этом, по нашим полевым данным 2017 г., людей, считающих себя лесными энцами, на территории Тухардской тундры в настоящее время нет.

Локальная группа современных потомков лесных энцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями:

- 1) *Ка́йрины* (ТН *Ядне* ‘идущий пешком’);
- 2) *Аи́льпкины* (ЛЭ *Дючи*; ТН *Ючи*) — как девичья фамилия;
- 3) *Си́лкины* (ЛЭ *Бай*; ТН *Вай*).

Отдельно необходимо отметить также фамилии лесных энцев Тухардской тундры, которые подвергались «оненечиванию» и в более ранний период — не в XX в., а уже начиная с XVIII в.:

- 1) *Па́льчины* (ЛЭ *Чор*; ТН *Чор*, *Тёр* букв. ‘крик’);
- 2) *Лы́рмины* (ЛЭ *Моло*; ТН *Мáло* букв. ‘волчья ягода’, жен. *Мáлой*’);
- 3) *Я́мкины* (ТН *Нася́да*; жен. *Нася́ды*’, *Нася́дэй*’); наиболее отражающей реальное произношение енисейских ненцев — [пáʃэдэ] — можно считать запись *Нашáза*.

По данным, полученным нами от информантки Пальчиной (в девичестве Ямкиной) Августы Ивановны (1959 г. р.), Ямкины также делятся на два родовых подразделения:

- а. *Неро Норта* (*n'ero noarta* [n'éro n'órtə]) ‘тальник едящий’, букв. «тот, который ест тальник» (к этой группе относится и сама А. И. Пальчина) [Инф. ПАИ: аудио № 1, с. 1];
- б. *Пэ́дара' Нашáза* [pédəra' n'áʃədə] букв. ‘лесной Нашáза’; второе название — *Пя вано' Нашáза* [p'ia wáno' n'áʃədə] букв. ‘Нашáза корня дерева (Нашáза древесного корня)’ [Инф. ПАИ: аудио № 1, с. 1].

4.4. Нганасанский язык (Нг) < северносамодийские < уральские

По нашим полевым данным, в настоящее время в Тухарде проживает всего одна женщина, которую жители Тухардской тундры считают «нганасанкой», однако пообщаться с ней лично и узнать, владеет ли она нганасанским языком и на каком уровне, нам не удалось. По данным социолингвистических интервью, в середине XX в. некоторые енисейские ненцы, маршруты которых доходили до Воронцовской тундры, могли знать отдельные слова и владеть нганасанским на бытовом уровне. См., например, сведения З. В. Альковой (урожд. Лампай) о своей бабушке по материнской линии — Лы́рминой Александре Никаноровне (1922 г. р.):

[Инф. АЗВ:] «Ну, когда раньше, когда аргишили, наверно, попадались им эти, энцы, нганасане. Вот по той стороне Енисея (на правом берегу Енисея) же нганасане близко же. (...) Это она сказала: “Я ещё могу и на нганасанском разговаривать”. В районе-то Воронцова-то, там, тундра-то тоже немаленькая, наверно, они далеко уходили, олень же не у берега же Воронцова, там, наверно, крутился, всё-таки вглубь уходили, и вот эти, усть-авамские (нганасаны) эти, может, подходили там, что она могла разговаривать. Но что, просто, может быть, она какие-то слова знала, необязательно же, что она весь язык знала» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 6];

[Инф. АЗВ:] «А у меня бабушка и на энецком могла разговаривать спокойно, вот на нганасанском ещё, да. (...) Ну, когда раньше, когда аргишили, наверно, попадались энцы, эти нганасане... По той стороне Енисея же нганасане же близко вот это вот» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 10];

[Инф. АЗВ:] «Она говорит: “Я могу и на нганасанском”». [Инт.:] «Но, как она на нганасанском говорит, Вы не слышали?» [Инф. АЗВ:] «Нет. Это он сказала: “Я ещё могу на нганасанском разговаривать”» [Инф. АЗВ: аудио № 3, с. 1].

Отметим, что совсем немногие тухардские ненцы помнят и используют тундрово-ненецкое название для обозначения нганасан — *тавыс*” NOM.PL [Терещенко 1965: 614]: нами были зафиксированы варианты произнесения [təwús?] и [təwís?].

4.5. Долганский язык (Д) < тюркские < алтайские

Потомками долган (ТН *туугос*” NOM.PL, [tɒŋós?]/[tɒŋús?]), осевшими в Тухардской тундре, являются представители фамилии **Яроцкие** мужского пола, а также замужние женщины, носившие эту фамилию в девичестве. По данным социолингвистических интервью, все они являются потомками долганина Яроцкого Николая Савельевича (род. в конце XIX в.), род которого происходит «из Якутии».

По сведениям, полученным от наших информантов, его сын — Яроцкий Алексей Николаевич — прибыл в Воронцовскую тундру примерно в 1955 г. со стороны Усть-Авама или Волочанки с целью покупки домашних оленей и женился на представительнице тундрово-ненецкой этнической группы Њэдэр Сјонско⁴⁴ / Шуньш(е)ку (*Sjunc°ko* [ʃúnʲʲəkò]/[ʃúnʲʲɛəkò]) Пимоновне (1938—2012), семья которой кочевала на левом берегу Енисея напротив Воронцова. Вместе с А. Н. Яроцким в эти места приехали также две его родных сестры и вскоре вышли замуж за тундровых энцев: Яроцкая Аграфена Николаевна — за Силкина Пуяку Бакуловича, Яроцкая Татьяна Николаевна — за Силкина Дёголя Бакуловича.

Эти три семьи: одна долганско-тундрово-ненецкая (Д-ТН) и две тундрово-энецко-долганские (ТЭ-Д) — были ближайшими соседями и проживали на одном стойбище, совместно выпасая оленьи стада и имея общие маршруты кочевок на левом берегу Енисея напротив Воронцова примерно с 1956 по 1972 г. (рис. 5). По сведениям, полученным от дочери А. Н. Яроцкого, от невестки П. Б. Силкина и от ряда других информантов, в 1972 г., после того как значительное количество их оленей отбилась от стада и ушло с дикими северными оленями («дикарями»), эти семьи (вместе с семьей тундрового энца Туглакова Касо Тануловича) были переселены («их перевели») в окрестности Лёвинских песков, где даже до сих пор сохраняется топоним *Силкин' Лайда* [Инф. СГХ]; в окрестностях Лёвинских песков также проживали и занимались оленеводством другие долгане. В настоящее время потомки А. Н. Яроцкого и его родных сестер также в основном проживают в Тухардской тундре, но не владеют долганским языком.

Рис. 5. Пути переселения и места кочевок Яроцких и Силкиных в 1950—1970-е гг. Автор карты — Ю. Б. Коряков.

⁴⁴ См. об этом имени (правда, как о мужском) в работе Л. П. Ненянг: *Сјонско* ‘самый младший’ [Ненянг 1996: 58].

4.6. «Местные немцы»

Помимо представителей локальных этнических групп, являющихся «коренными» на территории Севера и Сибири, в XX в. в Тухардской тундре появилась еще одна — некоренная: она была представлена детьми и подростками из семей немцев Поволжья; их родители были репрессированы в довоенные годы, а сами дети, оставшись без родителей, были сосланы на Север. Жители Тухардской тундры обычно называют этих сосланных немецких детей, выросших в низовьях Енисея, и их потомков «местными немцами». Приведем здесь фрагмент из интервью с З. В. Альковой (урожд. Лампай), в котором подробно говорится о «местных немцах»:

«Усть-портковские, местные немцы. (...) Это до войны, когда советская власть началась, была же... как этих вот, выгоняли. (...) Детей отбирали. (...) Родителей садили... Куда там, в лагерь или куда? Детей собирали в кучу, вот на Север привозили. Здесь были и финны, и немцы. Вот. Сюда вот, на Север. Вот они репрессированные и были — дети немцев. Они здесь выросли. Потом... Ближе, наверное, вот эти немцы к немцам сходились, что они все в куче были» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 5].

Сам немецкий язык не вошел полноценно в состав «языковой мозаики» Тухардской тундры: эти дети и подростки, родным языком которых был немецкий, освоили русский на высоком уровне, а некоторые из них (хотя и единицы) — даже тундровый ненецкий. Так, «местный немец» Пётр Фильберт владел родным немецким языком и вторым русским, а также в какой-то степени освоил и тундровый ненецкий (так как в молодости он работал бригадиром рыболовецкой бригады, в которой в основном было задействовано коренное население) и, кроме того, уже будучи во взрослом возрасте, побуждал и мотивировал ненецких детей говорить на их родном языке:

[Инф. АЗВ:] *«Он (Пётр Фильберт) чисто на русском разговаривал. Вот, ну, как, наверное, как мы щас (сейчас) разговариваем на русском и на своём ненецком примерно. Он так же разговаривал чисто на русском. И чисто на своём, на немецком, мог разговаривать сколько угодно».*

[Инт.]: *«А ненецкий он не знал?»*

[Инф. АЗВ:] *«Знал, знал. (...) Он даже разговаривал. Он такой был дедок, который любил разговаривать. Когда уже старый стал, он с интернатовскими детьми всегда по-ненецки разговаривал: “Разговаривайте на своём языке, на своём языке!” (Смеется.) Тоже сторонник был, чтобы не забывали свой язык: “Учите свой язык, разговаривайте на своём языке!”. Чтоб не забыли. Тоже вот такой сторонник был. (...) Это он просто с ненцами работал — он сам. (...) Просто у него бригада, получается же, местные были. И с ним как бы, наверное, сидят же, чего вечером будет сидеть слушать, может, его рассуждают, вот и учил. Маты все знал. Это сто процентов» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 5] (отметим здесь мотивацию в изучении языка — «знать то плохое, что о тебе говорят»).*

Отметим, однако, что, по словам наших информантов, некоторые коренные жители Тухардской тундры старшего поколения также могли выучить и запомнить некоторые отдельные слова на немецком, но не более того. Так, Каярина Раиса Васильевна (1981 г. р.) свидетельствует о таком знании некоторых немецких слов своим отцом — Каяриным Василием Прокопьевичем (1939 г. р.): *«Ну, где-то некоторые слова немецкие. (...) Так как раньше... отправляли вот этих немцев, которые в посёлке. В Усть-Порту много немцев было, когда он маленький был, он рассказывал. Они по-не... по... на своём (на немецком) говорили. Он говорит: “Я запоминал”. Вот, шо-то (что-то) знает, немецкий язык знает немножко. Какие-то слова. (...) Отдельные слова, да. (...) Какие-то слова он, да, начинает говорить» [Инф. КРВ: аудио № 1, с. 8].*

4.7. Что касается **эвенков**, то в ходе проведенных ретроспективных социолингвистических интервью нами не было обнаружено данных об их присутствии на территории Тухардской тундры в XX в., при этом для обозначения эвенков на тундровом ненецком языке нашими информантами используются словосочетания *сяд” падвы”* и *ся” падвы туугос”* (NOM.PL) букв. ‘лица пестрые’ и ‘пестролицые тунгусы’, что связано с бывшим ранее в ходу эвенкийским обычаем наносить татуировки на лица. Данные словосочетания помнит и употребляет очень небольшое количество опрошенных нами информантов (не более десяти).

5. «Большой переход на ненецкий»: динамика утраты многоязычия в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в нижнем течении Енисея (II пол. XX в. — нач. XXI в.)

Как пример того материала, который нам удалось собрать методом социолингвистических интервью с расширенным ретроспективным компонентом, мы приведем здесь те данные, которые были получены

нами о функционировании тундрово-ненецкого–тундрово-энецкого–долганского (ТН–ТЭ–Д) многоязычия в следующих смешанных семьях, проживавших совместно на одном стойбище, а также о постепенной утрате многоязычия (“small-scale multilingualism”⁴⁵) и «большом переходе» на тундровый ненецкий язык в семьях потомков этих смешанных браков⁴⁶:

1) долганско–тундрово-ненецкая (Д–ТН) семья Яроцкого Алексея Николаевича (Д)⁴⁷ и его жены Н́адэр (в девичестве) С́юнско / Ш́у́ньш(е)ку (*S̄unc̄o* [ʃún̄ʲʃək̄ò] / [ʃún̄ʲt̄eək̄ò]) Пимоновны (ТН);

2) тундрово-энецкая–долганская (ТЭ–Д) семья Силкина Пуяку Бакуловича (ТЭ)⁴⁸ и его жены Яроцкой (в девичестве) Аграфены Николаевны (Д);

3) тундрово-энецкая–долганская (ТЭ–Д) семья Силкина Дёголя Бакуловича (ТЭ*) и его жены Яроцкой (в девичестве) Татьяны Николаевны (Д);

4) тундрово-энецкая–тундрово-ненецкая (ТЭ–ТН) семья Туглакова Кáсо Тануловича (ТЭ) и его жены Яндо (в девичестве) Сэрне Уртомовны (ТН).

Несмотря на одинаковое отчество Пуяку и Дёголя (Бакуловичи), они не являются родными братьями: Дёголь — племянник Пуяку Бакуловича, сын его сестры и тундрового ненца из рода Яптунэ. Отчество «Бакулович» Дёголь носил по имени своего деда по материнской линии (Силкина Бакула), на стойбище которого он жил и воспитывался. По этой причине здесь и далее мы обозначаем «этническую принадлежность» Дёголя Силкина как ТЭ* (со «звездочкой»).

В данной статье мы подробно останавливаемся на социолингвистических сведениях о многоязычии в трех первых смешанных семьях из указанных выше, т. к. основными информантами, от которых мы получили эти данные, стали в первую очередь следующие жительницы Тухардской тундры:

1) Силкина (урожд. Яптунэ) Галина Хольчовна (1950 г. р., далее СГХ) — жена покойного Силкина Юрия Пуяковича 1950 г. р., сына тундрового энца Силкина Пуяку Бакуловича (ТЭ) и долганки Яроцкой (в девичестве) Аграфены Николаевны (Д);

Галина Хольчовна (см. рис. 6) — родом из тундрово-ненецкой семьи: дочь ТН Яптунэ Хольчо Тьевича (1905 г. р. (?), был «батраком» у Силкина Бакула) и ТН Яднэ (Ядне) Эко (ум. в 1964 г.); детство Галины Хольчовны прошло в Мунгуйской тундре (на р. Агапа);

2) Яптунэ (урожд. Яроцкая) Раиса Алексеевна (1964 г. р., далее ЯРА) — дочь долганина Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и представительницы локальной группы тундровых ненцев Н́адэр (в девичестве) С́юнско/Ш́у́ньш(е)ку [ʃún̄ʲʃək̄ò]/[ʃún̄ʲt̄eək̄ò] Пимоновны (ТН);

3) Кузнецова (урожд. Яроцкая) Екатерина Андреевна (1983 г. р., далее КЕА) — внучка долганина Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Н́адэр (в девичестве) С́юнско [ʃún̄ʲʃək̄ò] / [ʃún̄ʲt̄eək̄ò] Пимоновны (ТН), дочь Яроцкого Андрея Алексеевича (1957—2000 гг.), племянница Раисы Алексеевны (ЯРА).

Рис. 6. Информант Силкина (урожд. Яптунэ) Галина Хольчовна (1950 г. р.). Тухард, начало декабря 2017 г. Фото автора.

⁴⁵ “Small-scale multilingualism” — это термин, который с недавних пор используется для обозначения ситуации многоязычия территорий, где рядом живут небольшие этнические группы (численность которых обычно составляет нескольких тысяч человек), каждая из которых говорит на своем языке. Подробнее об особенностях именно такого типа многоязычия и его разновидностях см. в работе [Lüpke 2016].

⁴⁶ В этой статье мы не рассматриваем дальнейший языковой сдвиг (“language shift”) — от тундрового ненецкого языка к русскому.

⁴⁷ Здесь и далее таким образом в круглых скобках указывается так называемая «этническая принадлежность» человека.

⁴⁸ Отец Пуяку Силкина — ТЭ Силкин Бакула; мать Пуяку Силкина — ТЭ с девичьей фамилией Мирных.

5.1. Первый этап: II пол. 1950-х гг. — II пол. 1970-х гг. Общение супругов, у которых родные языки разные, между собой, с родственниками друг друга в условиях проживания на одном стойбище и со своими детьми

Напомним, что данные три семьи: одна долганско–тундрово-ненецкая (Д–ТН) и две тундрово-энецко–долганские (ТЭ–Д) — были ближайшими соседями и проживали на одном стойбище, совместно выпасая оленей стада и имея общие маршруты кочевок на левом берегу Енисея напротив Воронцова примерно с 1956 по 1972 г. В 1972 г., после того как значительное количество их оленей отбилась от стада и ушло с дикими северными оленями («дикарями»), эти семьи (вместе с семьей тундрового энца Туглакова Касо Тануловича) были вынуждены переселиться в окрестности Лёвинских песков (см. рис. 5); в окрестностях Лёвинских песков также проживали и занимались оленеводством другие долгане.

5.1.1. Языки общения между супругами в смешанных браках

По данным социолингвистических интервью, в рассматриваемых здесь тундрово-энецко–долганских семьях (ТЭ–Д): 1) Пуяку Бакуловича (ТЭ) и Аграфены Николаевны (Д) и 2) Дёголя Бакуловича (ТЭ*) и Татьяны Николаевны (Д) — бытовое общение между супругами чаще всего шло на тундровом ненецком языке (ТН), но могло осуществляться также и на тундровом энецком (ТЭ), особенно при родственниках со стороны Силкиных (ТЭ)⁴⁹. При этом мужья-энцы, возможно, могли «слышать», т. е. немного понимать речь своих жен, разговаривающих между собой на долганском языке, но сами не говорили по-долгански.

1) О языках общения в семье Силкина Пуяку Бакуловича (ТЭ) и Аграфены Николаевны (Д):

[Инф. СГХ:] «*Бабка* (свекровь СГХ, Аграфена Николаевна) *молчаливая была*».

[Интервьюер:] «*Но Вы с ней только по-ненецки говорили?*»

[Инф. СГХ:] «*Ага*».

[Интервьюер:] «*А по-ненецки она вообще хорошо говорила?*»

[Инф. СГХ:] «*Хорошо*».

[Интервьюер:] «*А как же она так быстро язык выучила?*»

[Инф. СГХ:] «*Не знаю. Раньше же они в Воронцове вместе вон, люди общались, понимали*».

[Интервьюер:] «*А Аграфена Николаевна по-энецки тоже говорила?*»

[Инф. СГХ:] «*Говорила*».

[Интервьюер:] «*С Пуяку, да?*»

[Инф. СГХ:] «*Ага. Со своими (с мужем и родственниками мужа)*».

[Интервьюер:] «*А Пуяку по-долгански тоже говорил?*»

[Инф. СГХ:] «*Неа. Не*». {...}

[Интервьюер:] «*А между собой они как общались, Аграфена Николаевна и Пуяку Бакулович?*»

[Инф. СГХ:] «*По-ненецки. По-ненецки*».

2) О языках общения в семье Силкина Дёголя Бакуловича (ТЭ*) и Татьяны Николаевны (Д):

[Интервьюер:] «*А Дёголя Бакулович с Татьяной Николаевной как между собой говорили, на каком языке?*»

[Инф. СГХ:] «*Тожее. Мандо вадар* (ТН *tanto wada-r°* ‘тундровый_энец язык-NOM.SG.POSS2SG’, букв. ‘тундровый энецкий язык-твой’). *По-энецки. И по-ненецки. Дёголь-старик говорил*».

[Интервьюер:] «*Дёголь Бакулович и мандо вадавна* (ТН *tanto wada-w°na* ‘тундровый_энец язык-PROL.SG’, букв. ‘на тундровом энецком языке’) *мог говорить, и ненэй вадавна* (ТН *n°enej° wada-w°na* ‘настоящий (тундровый ненецкий) язык-PROL.SG’, букв. ‘на настоящем (тундровом ненецком) языке’)»?

[Инф. СГХ:] «*Ага*».

[Интервьюер:] «*А по-долгански он мог говорить?*»

[Инф. СГХ:] «*Наверно, слышал*».

3) Что касается долганско–тундрово-ненецкой (Д–ТН) семьи Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюнска [ʃɯnʲʲɛkõ] / [ʃɯnʲʲɛkõ] Пимоновны (ТН), то бытовое общение между супругами в основном шло на тундровом ненецком языке, но могло осуществляться и на долганском, что подкреплялось совместным проживанием этой семьи на одном стойбище с двумя долганскими женщинами — сестрами Алексея Николаевича:

⁴⁹ По экспедиционным данным А. Б. Шлуинского, Яндо (в девичестве) Сэрне Уртомовна (ТН), жена тундрового энца Туглакова Касо Тануловича (ТЭ), также владела не только родным тундровым ненецким языком, но и тундровым энецким, родным языком своего мужа, и даже была компетентной информанткой по тундровому энецкому. Благодарим А. Б. Шлуинского за предоставление данной информации.

[Инф. КЕА:] «Она (Сюнско Пимоновна, бабушка по отцовской линии) знает долганский. Ну она наполовину, так: половину — долганский, половину — ненецкий» [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 3];

[Инф. КЕА:] «Он (Яроцкий Алексей Николаевич, дедушка по отцовской линии) наполовину по-долгански разговаривал, наполовину по-ненецки» [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 4].

5.1.2. Языки общения супругов с родственниками друг друга в условиях проживания на одном стойбище

Интересным фактом, который отметили наши респондентки, стала взаимная мотивированность женщин, состоящих в отношениях свойства (так, Аграфена Николаевна и Татьяна Николаевна приходятся золовками Сюнско Пимоновне) и проживающих на одном стойбище, в овладении родными языками друг друга: в условиях ведения совместного хозяйства при частом отсутствии мужей, работающих «в стаде», понимать речь друг друга в «женском коллективе» было необходимо. Отметим, что дочь Сюнско Пимоновны (ЯРА) однозначно воспринимает эту мотивацию как доминирующую и даже считает ее значимее мотивации в овладении языком мужа:

[Интервьюер:] «То есть Ваша мама (Сюнско Пимоновна), у нее родной язык — ненецкий, да?»

[Инф. ЯРА:] «Угу».

[Интервьюер:] «Кроме этого она могла говорить по-долгански, да?»

[Инф. ЯРА:] «По-долгански».

[Интервьюер:] «Потому что муж, ну, отец Ваш (А. Н. Яроцкий), был долганин, да?»

[Инф. ЯРА:] «Угу».

[Интервьюер:] «Но она с ним часто говорила по-долгански, как?»

[Инф. ЯРА:] «Ну, если у него сестры тоже долгане, она как-то всё равно выучила этот долганский язык».

[Интервьюер:] «Выучила долганский язык?»

[Инф. ЯРА:] «Когда его... куда-то он уезжает, наверно, она с ними общалась, с его сестрами. Они же все жили вместе».

Эту же мотивацию информант ЯРА усматривает и в обратной ситуации, в том, что Аграфена Николаевна (Д) и Татьяна Николаевна (Д), будучи замужем за тундровыми энцами Силкиными, овладели также и тундровым ненецким языком — родным языком жены своего брата:

[Инф. ЯРА:] «Ну вот, мама же (Сюнско Пимоновна) ненка. Надо же было с мамой (моей) как-то разговаривать. Вот они поэтому на ненецкий и перешили».

Аналогичная мотивация в овладении родным языком других людей, с которыми осуществляется совместная хозяйственная деятельность, наблюдается не только внутри «женских коллективов» на одном стойбище, но и внутри «мужских коллективов» — оленеводов, занятых совместной работой «в стаде», когда нужно быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию и однозначно понимать, о каком именно олене идет речь (во время поимки определенных оленей арканом). Так, наша информантка СГХ отмечает, что ее муж Силкин Юрий Пуякович, сын тундрового энца Пуяку Бакуловича и долганки Аграфены Николаевны, понимал («слышал») речь долган, вместе с которыми ему приходилось работать «в стаде»:

[Инф. СГХ:] «Вот Юра (...), в Левинске (в Левинских Песках) когда работали, среди этих, долган, он слышал, что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят».

5.1.3. Языки общения родителей с детьми в смешанных семьях

Общей чертой, характерной для функционирования многоязычия в трех рассматриваемых нами семьях, можно считать сознательное языковое дистанцирование родителей от детей — намеренное использование долганского (в большей степени) и тундрового энецкого (в меньшей степени ввиду того, что ТН и ТЭ — близкородственные, относительно взаимопонятные языки) как «языков для взрослых», своего рода «тайных языков». Основное общение родителей с детьми как в двух рассматриваемых тундрово-энецко-долганских (ТЭ–Д) семьях, так и в одной долганско-тундрово-ненецкой (Д–ТН) семье шло на тундровом ненецком языке (ввиду доминирующего ненецкого населения на указанной территории), который стал основным языком для детей в этих смешанных браках.

В долганско-тундрово-ненецкой (Д–ТН) семье Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюнско Пимоновны (ТН) только старшие сыновья (в первую очередь Яроцкий Прокопий Алексеевич) могли пони-

мать и говорить по-долгански, младшие же дети (в частности, наша респондентка Раиса Алексеевна, ЯРА) совсем не понимают долганскую речь. Так, ярким примером, подтверждающим факт использования долганского языка как «тайного языка» для общения взрослых в этой семье, может служить следующее высказывание Раисы Алексеевны, дочери Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюнско Пимоновны (ТН), родным языком которой является тундровый ненецкий (ТН):

[Инф. ЯРА:] *«Она (моя мать (ТН)) выучила энецкий язык, она с ними по-энецки разговаривала. Когда что-то тайное от детей надо сказать, она могла и по-долгански говорить. (Смеется.) У ней же муж (мой отец (Д)) был долганин, Яроцкий. И мы поэтому ничего не знали, они всё тайное говорили на другом языке. На энецком и на долганском. У этих мамы — долгане, у Силкиных, они — по-долгански. Старшие, вот эти братья наши, могли по-долгански говорить, а мы, младшие, никогда ничё (ничего) не понимали. Поэтому они всё тайно, тайное всё говорили на другом языке. И мы никогда не знали, что плохое происходит, кто там кого чего... И для нас вот эти вот братья, они были всегда хорошими, потому что они никогда плохое нам не говорили. То, что плохое, они могли на другом языке только со взрослыми, так вот пообщаться».*

Именно это сознательное «языковое дистанцирование» родителей от своих детей в смешанных семьях: намеренное использование «недоминантных» языков как «тайных языков» для взрослых, а «доминантного» тундрового ненецкого языка для общения с детьми — стало важным фактором в процессе утраты многоязычия (“small-scale multilingualism”) и «большом переходе на ненецкий» (о двуязычии, переклещении кодов, практиках сокрытия и «тайных языках» среди носителей другого уральского языка — вепсского — см. в работах Л. Сирагузы [Siragusa 2017; Сирагуза 2018]).

5.2. Второй этап: первое поколение от смешанного тундрово-энецко-долганского (ТЭ–Д) брака

Двоюродные братья (сыновья в двух тундрово-энецко-долганских семьях) Силкин Юрий Пуякович и Силкин Роман Деголевич могли до самой смерти Юрия Пуяковича общаться между собой не только на тундровом ненецком (как с большинством жителей Тухардской тундры), но и на тундровом энецком, но не на долганском. См. об этом свидетельство жены Силкина Юрия Пуяковича — Галины Хольчовны: [Инф. СГХ:] *«Вот Роман (Силкин Роман Деголевич), когда у меня муж живой был, они всё время говорили. (...) Они всё время по-своему (на тундровом энецком) говорили, пока брат (двоюродный брат) вот этот был. (...) Они-то между собой всё время по-своему говорили, по-энецки».*

Однако, по свидетельству Галины Хольчовны, ее муж Силкин Юрий Пуякович также «слышал» долганскую речь, т. е. понимал по-долгански, и даже, возможно, мог немного говорить на этом языке: [Инф. СГХ:] *«Вот Юра (...), в Левинске (в Левинских Песках) когда работали (в оленеводческой бригаде), среди этих, долган, он слышал, что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят. (...) Он, кажется, ещё, по-моему, говорил, с этими долганами. Когда здесь в Левинске были, (...) одни долганы были»⁵⁰.*

Со своей женой — Галиной Хольчовной (в девичестве Яптунэ), родным языком которой является тундровый ненецкий (она происходит из семьи, где оба родителя — тундровые ненцы), — Силкин Юрий Пуякович общался на ненецком (ТН), однако, по утверждению Галины Хольчовны, она «слышала», т. е. понимала, когда муж разговаривал с Силкиным Романом Деголевичем на родственном тундровом энецком (ТЭ), но сама не говорила на нем.

Попутно отметим здесь также, что, по словам Галины Хольчовны (СГХ), она могла понимать не только разговор на тундровом энецком, которым в некоторой степени владел ее муж, но и на лесном энецком (однако не ясно, с кем именно она общалась на нем). Интерес представляет то, как Галина Хольчовна воспринимает разницу в произношении слов на трех родственных идиомах — родном тундровом ненецком (ТН), тундровом энецком (ТЭ) и лесном энецком (ЛЭ):

1) отличия между ТН и ТЭ она воспринимает как разницу в «ударении» (однако не совсем ясно, что именно вкладывается ею в это понятие) — [Инф. СГХ:] *«Понимаю (ТЭ), но ударение не туда падает. Не свой же язык. Слышать — слышу. Ага, мánдо ва́да (ТЭ)»;*

2) произношение слов в ЛЭ она склонна воспринимать как более протяжное, чем в ТН⁵¹, — [Инф. СГХ:] *«А этот ня вай (ЛЭ) вытягивается как будто. Вытягивается слова⁵². (...) Вытягивается как будто».*

⁵⁰ См. выше (п. 5.1.2.) о мотивированности в изучении языка для ведения совместной хозяйственной деятельности.

⁵¹ Однако, по замечанию А. Б. Шлуинского, обычно более «протяжным», т. е. в большей степени сохраняющим большее количество гласных, считается не лесной энецкий, а тундровый энецкий.

⁵² Здесь зафиксировано рассогласование по числу, характерное для речи Силкиной Галины Хольчовны на русском языке.

5.3. Третий этап: второе поколение от смешанного тундрово-энецко–долганского (ТЭ–Д) брака, первое поколение от смешанного тундрово-энецко–тундрово-ненецкого (ТЭ–ТН) брака

В этой части мы остановимся на том, как проходило общение в семье Силкина Юрия Пуяковича, потомка от смешанного тундрово-энецко–долганского (ТЭ–Д) брака, и Галины Хольховны (ТН).

5.3.1. Родной язык и идентичность: «свой язык» детей в смешанных семьях

Как уже упоминалось выше, Юрий Пуякович общался с женой на тундровом ненецком, но также мог говорить и на тундровом энецком — в первую очередь со своим родственником (двоюродным братом) Романом Деголевичем и со своим отцом Пуяку Бакуловичем. При этом со своими детьми Юрий Пуякович говорил на тундровом ненецком, но они также могли слышать, как отец говорил по-энецки (ТЭ) с другими людьми, и понимать отдельные слова, особенно это касается старших детей, в первую очередь старшего сына — Силкина Николая (Баку́ла) Юрьевича (1972 г. р.). О том, что дети Юрия Пуяковича слышали, как отец говорил не только на ненецком (ТН), но и на тундровом энецком (ТЭ), свидетельствует также тот факт, что они в шутку называли отца словами «интернационал» и «иностранец». Ср. об этом отрывок из интервью с информанткой Силкиной Галиной Хольховной:

[Интервьюер:] «А Вы с Юрием Пуяковичем между собой как обычно говорили?»

[Инф. СГХ:] «По-нене́цки».

[Интервьюер:] «А с детьми?»

[Инф. СГХ:] «С детьми тоже — по-нене́цки. Поэтому они свой язык не знают».

[Интервьюер:] «А Юрий Пуякович какие-то отдельные слова им говорил, нет? По-энецки?»

[Инф. СГХ:] «Конечно, говорил. Я говорю, старший слышит, так-то, тоже».

[Интервьюер:] «Но они что-то могут понимать, дети Ваши, если по-энецки говорят?»

[Инф. СГХ:] «Конечно, будут. Маленькие-то, не знаю, сколько понимают. Коля понимает вот» [Инф.

СГХ: аудио № 3, с. 2].

В этой цитате из интервью с Галиной Хольховной можно отметить одну интересную деталь: фраза «свой язык не знают» свидетельствует о том, что «своим языком» детей Галина Хольховна называет не тундровый ненецкий, который является для них и для нее самой родным и на котором велось все общение с детьми (и между родителями) в семье, а тундровый энецкий — родной язык деда своих детей по отцовской линии (Пуяку Бакуловича). Здесь можно усмотреть традиционную установку считать, что язык, как и этничность, «наследуется», «передается» по мужской линии (от отца, а не от матери к детям), поэтому и сам Юрий Пуякович считается тундровым энцем (хотя его мать — долганка), и его дети (от смешанного брака с Галиной Хольховной, представительницей локальной группы тундровых ненцев) также считаются тундровыми энцами (*мандо*). При этом их «своим языком» должен считаться не родной для них тундровый ненецкий (ТН), а тундровый энецкий (*мандо вада*), которым они при этом не владеют.

Однако факт незнания детьми «своего языка» и представление о том, что тундровый энец (*мандо*) должен говорить на тундровом энецком (*мандо вада*), накладывает свой отпечаток на восприятие Галиной Хольховной этнической идентичности своих детей: [Инф. СГХ:] «Тогда же как попало писали. И то у меня вот дети — энцы. Пишется один Юра, Юрий Юрьевич, энец. Остальные ненцами пишутся. Один Юрий Юрьевич сейчас есть в тундре, вверху. Какой энец?! “Апы” [ápi]⁵³ (ТЭ *aba* ‘мама’) не знает по-энецки» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 16].

5.3.2. Термины родства и тундрово-энецкие «ярлыки»

Наглядной иллюстрацией того, как происходило живое языковое общение в смешанной (ТЭ–ТН) семье Юрия Пуяковича и Галины Хольховны, когда не все их дети еще вышли из подросткового возраста, стал анализ функционирования терминов родства, употреблявшихся членами этой семьи в повседневной коммуникации. Простой опрос типа «как будет по-ненецки ‘отец’, как будет ‘мать’ и т. д.» сразу же показал, что Галина Хольховна называет не только тундрово-ненецкие термины родства, но наряду с ними и даже зачастую в первую очередь — тундрово-энецкие, при этом сразу приводя контексты-клише, в которых энецкие термины родства функционировали в их с мужем семье.

⁵³ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе “LingvoDoc” (<http://lingvodoc.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view>): *abaa*, *aba* ‘мать; старшая сестра; тетя (женщина в функции матери)’.

5.3.2.1. ‘Отец’, ‘папа’

При ответе на вопрос, каким словом выражается понятие ‘отец’ (‘папа’), Галина Хольчовна приводит в первую очередь тундрово-энецкое слово *aja* ‘папа’⁵⁴ и лишь затем поясняет, как это понятие выражается на тундровом ненецком языке (ТН [áteɪ] ‘папа’; ТН [nĩsʲár] *nĩsʲa-r*° ‘отец-NOM.SG.POSS2SG’, ‘отец-твой’), при этом противопоставляя, как будет «у нас по-энецки», ставя себя таким образом на «энецкую сторону». Отец детей Галины Хольчовны — тундровый энец, поэтому и слово для обозначения отца в их семье использовалось именно тундрово-энецкое, а не ненецкое (причем как самими детьми, так и их матерью, родной язык которой — ТН).

[Интервьюер:] «Как будет ‘отец’?»

[Инф. СГХ:] «*Aja* <ТЭ>. По-энецки — *aja*. Ненэй вадавна⁵⁵ — [áteɪ] <ТН> или [nĩsʲár] <ТН *nĩsʲa-r*° ‘отец-NOM.SG.POSS2SG’, ‘отец-твой’>. (...) А у нас по-энецки — это *aja*».

[Интервьюер:] «И Ваши дети так говорили?»

[Инф. СГХ:] «Так говорили — *aja*».

[Интервьюер:] «А Вы про своего мужа обычно как говорили?»

[Инф. СГХ:] [ajárɨje ræ̃teetíweʔ]

*aja-r*ʲi-je° ræ̃°r-cʲi-waʔ

‘папа_ТЭ’-LIM-ESS ‘звать, называть’-HAB-IND.PRES/AOR.OBJ(SG).1PL

‘Только *aja* <ТЭ> мы называли’.

[ajár tɔ]

aja-r° tɔ°

‘папа_ТЭ’-NOM.SG.POSS2SG ‘прийти/приехать’ .IND.PRES/AOR.SUB.3SG

‘Твой *aja* <ТЭ> пришел/приехал’.

Особо отметим, что эти два предложения произносятся на тундровом ненецком языке, за исключением слова *aja* ‘папа’, которое звучит на тундровом энецком. Последнее предложение может быть также проинтерпретировано как целиком звучащее на тундровом энецком (с идентичными глоссами), правда, немного фонетически искаженном.

5.3.2.2. ‘Дед, дедушка’

Аналогично при ответе на вопрос, каким словом выражается понятие ‘дед, дедушка’, Галина Хольчовна также вначале приводит не ненецкое (ТН *jiɹi*), а энецкое (ТЭ) существительное. Это объясняется тем, что дедушкой, с которым жили вместе на одном стойбище дети Юрия Пуяковича и Галины Хольчовны и к которому часто обращались, был тундровый энец (*мандо*) Силкин Пуяку Бакулович, и обращение к нему на его родном языке было поэтому закономерным.

При этом, возможно, Галина Хольчовна не всегда различает между собой тундрово-энецкие слова *ese* ‘отец’ и *ise* ‘дед, дедушка’⁵⁶, потому что в их семье оба эти слова могли употребляться по отношению к одному человеку — Пуяку Бакуловичу: так, Юрий Пуякович мог называть его и *ese* ‘отец’ (т. к. Пуяку Бакулович — его отец), и *ise* ‘дед, дедушка’ (т. к. Пуяку Бакулович — дедушка его детей). В любом случае здесь также прослеживается тенденция к превращению этих тундрово-энецких терминов родства в «ярлыки» для обозначения одного конкретного человека.

[Инф. СГХ:] «Вот, например, Пуяку-старикку говорим — [esér] <ТЭ *ese-r*° ‘отец’-NOM.SG.POSS2SG’>, *manto wadaw*°na⁵⁷, [esi] <ТЭ>. Значит, [nĩsʲár] <ТН *nĩsʲa-r*° ‘отец-NOM.SG.POSS2SG’, ‘отец-твой’>, [nĩsʲɛ] <ТН *nĩsʲa* ‘отец’>. Старик — [esi] <ТЭ>».

[Интервьюер:] «Это кто так к кому обращался?»

[Инф. СГХ:] «Уже, когда чай пить, говорим: “Позови [esér] <ТЭ *ese-r*° ‘отец’-NOM.SG.POSS2SG’>, *деда*”».

[Интервьюер:] «Это Вы про Пуяку Бакуловича говорили?»

[Инф. СГХ:] «Ага, Пуяку Бакуловича».

⁵⁴ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе “LingvoDoc”: *aja* ‘папа’.

⁵⁵ *Ненэй вадавна* (*nʲenej*° *wada-w*°na) ‘настоящий (тундровый ненецкий) язык-PROL.SG’, букв. ‘на настоящем (тундровом ненецком) языке’.

⁵⁶ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе “LingvoDoc” (ссылка на него была приведена выше): *ese* ‘отец’, *ise* ‘дед’.

⁵⁷ *Manto wada-w*°na ‘тундровый_энец язык-PROL.SG’, букв. ‘на тундровом энецком языке’.

[Интервьюер:] «*Это Вы детям так говорили?*»

[Инф. СГХ:] «*Ага.*»

[Интервьюер:] «*А как Вы говорили?*»

[Инф. СГХ:] [esér хос // tíi]
 ese-r° хо-ʔ tíi
 ‘отец_ТЭ’-NOM.SG.POSS2SG ‘найти’-IMP.SUB.2SG ‘вот’
 ‘Твоего ese ⟨ТЭ⟩ найди! Вот’.

[Инф. СГХ:] «*У меня дети будут так пугались. На разные языки.*»

[Интервьюер:] «*А Вы не могли им сказать jirʔir° хо? (ТН ‘деда-твоего найди’)?»*»

[Инф. СГХ:] «*Тожже можно. И пошли бы они (звать дедушку).*»

[Интервьюер:] «*А если бы Ваш муж говорил эту фразу, он бы как сказал?*»

[Инф. СГХ:] «*Тожже так же: [jirʔir хос] ⟨ТН jirʔi-r° хо-ʔ ‘деда-твоего найди’⟩. Или [esér] ⟨ТЭ ese-r° ‘отец’-NOM.SG.POSS2SG’⟩».*

Таким образом, мы видим, что всеми членами семьи (как родителями, так и детьми) могло употребляться как тундрово-энецкое, так и тундрово-ненецкое существительное для обозначения дедушкинца (ТЭ).

5.3.2.3. ‘Мать’, ‘мама’

При ответе на вопрос, каким словом выражается понятие ‘мать’ (‘мама’), Галина Хольчовна также вначале приводит не ненецкие ТН *ama* ‘мама’ и ТН *n'eb'ia* ‘мать’, а энецкое (ТЭ) существительное *aba*⁵⁸. При этом она отмечает, что дети называли ее только «по-своему» — только энецким (ТЭ) словом.

Кроме того, маленькая внучка Галины Хольчовны (дочь ее дочери) также, услышав, как называет бабушку ее мать (*aba* ‘мама’), стала называть бабушку этим словом. Таким образом, тундрово-энецкое существительное *aba* в сознании внучки Галины Хольчовны и Юрия Пуяковича уже не имеет значения ‘мама’, а является своего рода «ярлыком» для обозначения именно Галины Хольчовны.

[Интервьюер:] «*А как мы скажем ‘мать’?*»

[Инф. СГХ:] «*Ну, aba (ТЭ). Это по-эне́чки. А так скажут — [n'eb'iar] ⟨ТН n'eb'ia-r° ‘мать’-NOM.SG.POSS2SG’, ‘мать-твоя’⟩ или [ámə] ⟨ТН ama ‘мама’⟩».*

[Интервьюер:] «*А Вас дети как называли?*»

[Инф. СГХ:] «*Аba. По-своему (на тундровом энецком). Они никогда не скажут “ama” ⟨ТН⟩, “мама” ⟨рус.⟩ или чё-нибудь ⟨что-нибудь⟩. Они всё время — aba. Вот внучка Юлина ⟨внучка СГХ, дочь Юлии⟩ по-этому говорит. Она слышит это... мать, Юлю, вот и поэтому aba говорит. (...) Сейчас вот этот Юлин внучка⁵⁹ говорит “бабка” — aba. (...) Если aba говорит — значит, меня говорит ⟨звет⟩».*

5.3.2.4. ‘Свекровь’, ‘теща’

Еще одним тундрово-энецким термином родства, который при опросе назвала нам Галина Хольчовна, стало существительное [menʔ] (ТЭ), служащее, по ее мнению, для обозначения понятий ‘свекровь’ и ‘теща’. В тундрово-энецком аудиословаре О. В. Ханиной это слово зафиксировано в значении ‘старуха’ в разных произносительных вариантах: [menʔəʔ], [menʔʔəʔ], [menʔə] и [menʔ]. Возможно, что память об этом энецком (ТЭ) термине родства сохранилась у Галины Хольчовны из-за того, что это слово употреблялось в семье ее мужа по отношению к старшим женщинам, старшим родственницам «с энецкой стороны».

Таким образом, в ходе опроса была выявлена тенденция к превращению тундрово-энецких терминов родства в смешанных (ТЭ–ТН) семьях в своего рода «ярлыки» для обозначения одного конкретного человека и к прекращению использования этих существительных для обозначения понятий, для номинации определенной группы лиц. По нашим данным, начало действия этой тенденции приходится на конец 1970-х гг. Об употреблении рассмотренных выше тундрово-энецких терминов родства, являющихся своего рода «ярлыками» для обозначения конкретных людей, см. также в [Амелина 2019: 39—41].

⁵⁸ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе “LingvoDoc” (ссылка на него была приведена выше): *abaa*, *aba* ‘мать; старшая сестра; тетя (женщина в функции матери)’.

⁵⁹ Рассогласование по категории рода часто наблюдается в речи Силкиной Галины Хольчовны (СГХ) на русском языке.

Таким образом, данные подробных языковых биографий и социолингвистических интервью с ретроспективным компонентом дают нам возможность проследить, как шла постепенная утрата многоязычия в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея на протяжении второй половины XX в., проанализировать динамику этого процесса и выявить механизмы, которые привели к «большому переходу на ненецкий».

6. Реконструкция «лингвистических идеологий» в условиях языковых контактов: Тухардская тундра и сопредельные территории в нижнем течении Енисея (XX в. — нач. XXI в.)

В последние годы в области лингвистической антропологии понятие «языковые идеологии» / «лингвистические идеологии» (“language ideologies”, “ideologies of language”, “linguistic ideologies”) приобретает все большую популярность, однако мнения исследователей по поводу того, какой именно термин использовать и какое теоретическое понятие за ним стоит, различаются: подробнее дискуссии об употреблении терминов “language ideologies”, “ideologies of language” и “linguistic ideologies” см. в работах [Woolard 1998] и [Kroskrity 2004]. Основными общепринятыми определениями понятия «языковые/лингвистические идеологии» (“language ideologies”, “ideologies of language”, “linguistic ideologies”) можно считать следующие:

- “shared beliefs of commonsense notions about the nature of language in the world” [Rumsey 1990: 346];
- “sets of beliefs about language articulated by users as a rationalization or justification of perceived language structure and use” [Silverstein 1979: 193];
- “the cultural system of ideas about social and linguistic relationships, together with their loading of moral and political interests” [Irvine 1989: 255].

Таким образом, понятие «языковые идеологии» не является «чисто» лингвистическим: находясь в области лингвистической антропологии, оно имеет также социальные и антропологические аспекты, связано с вопросами этнической и «личностной» идентификации и самоидентификации. Ср.: “Linguistic ideologies reflect not only language issues, but also issues of social, ethnic and personal identity. (...) linguistic ideologies are never just about language, but rather also concern such fundamental social notions as community, nation, and humanity itself” [Woolard 2004: 58].

Лингвистические идеологии могут проявляться в самих языковых практиках, например, в том, какой именно язык выбирается для общения в той или иной ситуации в условиях многоязычия, однако они также могут быть высказаны напрямую, эксплицитно — в металингвистическом дискурсе (этот феномен также может быть назван «имплицитной метапрагматикой» — “implicit metapragmatics” [Woolard 1998: 9]). Ср.: “Language ideologies are not only manifested in linguistic practice itself, but they are also expressed in explicit talk about language, in metalinguistic or metapragmatic discourse” [Lanza 2007: 51].

В условиях языковых контактов и многоязычия, особенно многоязычия типа “small-scale multilingualism” (подробнее об этом явлении см. [Lüpke 2016]), лингвистические идеологии могут как поддерживать многоязычие (например, в Warruwí community, см. [Singer, Harris 2016]), так и «подавлять» его, способствуя его утрате и «сдвигу» в сторону доминирующего языка.

В данном разделе мы предлагаем анализ некоторых значимых лингвистических идеологий, которые, по данным языковых биографий и социолингвистических интервью с расширенным ретроспективным компонентом, нам удалось выделить для сообщества Тухардской тундры и сопредельных территорий низовьев Енисея на период XX — нач. XXI в.

6.1. Языковые (лингвистические) идеологии, поддерживающие многоязычие: языки общения для коммуникации в условиях общей хозяйственной деятельности, языки для «женского коллектива» / «мужского коллектива»

В п. 5.1.2. мы уже коснулись факта взаимной мотивированности женщин, состоящих в отношениях свойства и проживающих на одном стойбище, в овладении родными языками друг друга (в рассмотренном примере — долганского и тундрового ненецкого): в условиях ведения совместного хозяйства при частом отсутствии мужей, работающих «в стаде», понимать речь друг друга в «женском коллективе» было необходимо. Напомним, что данная мотивация, которую можно условно сформулировать как «женщина должна знать (по крайней мере понимать) язык других женщин, с которыми она ведет совместную хозяйственную деятельность» («язык для женского коллектива»), может даже доминировать над мотивацией знать язык своего супруга (подробнее см. в п. 5.1.2.):

[Интервьюер:] «Но она (женщина, родной язык которой — ТН) с ним (со своим мужем-долганином) часто говорила по-долгански, как?»

[Инф. ЯРА:] «Ну, если у него сёстры тоже долгане, она как-то всё равно выучила этот долганский язык».

[Интервьюер:] «Выучила долганский язык?»

[Инф. ЯРА:] «Когда его... куда-то он уезжает, наверно, она с ними общалась, с его сёстрами. Они же все жили вместе».

Аналогичная мотивация в овладении родным языком других людей, с которыми осуществляется совместная хозяйственная деятельность, наблюдается не только внутри «женских коллективов» на одном стойбище, но и внутри «мужских коллективов» — в первую очередь оленеводов, занятых совместной работой «в стаде», и рыбаков, работающих в одной рыболовецкой бригаде. Данную лингвистическую идеологию можно условно сформулировать следующим образом: «мужчина должен знать (по крайней мере понимать) язык других мужчин, с которыми он ведет совместную хозяйственную деятельность» («язык для мужского коллектива»).

Ср.: [Инф. СГХ:] «Вот Юра (...), в Левинске (в Левинских Песках) когда работали, среди этих, долган, он слышал («понимал»), что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят».

Однако данные языковые идеологии могут быть расширены следующим образом: «Х должен/должна знать (по крайней мере понимать) язык других людей, с которыми он/она ведет совместную хозяйственную деятельность». Приведем ниже несколько примеров, в которых выражается данная лингвистическая идеология.

1) Языки в условиях (совместной) оленеводческой деятельности

[Инф. АЗВ:] «Моя бабушка (Льёрмина Александра Никаноровна (1922 г. р.), родной язык которой — ТН) на энцеком разговаривала. (...) Вот она разговаривала по-энцекому. Ну они же аргишили⁶⁰ с энцами, с этими — с долганями, какие-то слова долганов знала. Потому что на ту сторону Енисея-то (на правый берег Енисея) ходили они, там и долгане бывали. Разговаривали. Больше на нганасанский я слышала она разговаривала, бабушка» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 5];

[Инф. АЗВ:] «А у меня бабушка (Льёрмина Александра Никаноровна (1922 г. р.), родной язык которой — ТН) и на энцеком могла разговаривать спокойно, вот на нганасанском ещё, да. (...) На энцеком разговаривала. (...) С энцами разговаривала она спокойно. (...) Ну, когда раньше, когда аргишили, наверно, попадались энцы, эти нганасане... По той стороне Енисея же нганасане же близко вот это вот» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 10].

2) Языки в условиях совместной рыболовецкой деятельности (в рыболовецкой бригаде)

[Инф. АЗВ:] «Это он (бригадир Пётр Фильберт из «местных немцев») просто с ненцами работал — он сам. (...) Просто у него бригада, получается же, местные были. И с ним как бы, наверно, сидят же, чего вечером будет сидеть слушать?! Может, его рассуждают. Вот и учил (тундровый ненецкий). Маты все знал. Это сто процентов» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 5] (отметим здесь распространенную дополнительную мотивацию в изучении языка — «знать то плохое, что о тебе говорят»).

3) Отметим, что даже люди «современных» профессий, деятельность которых связана с регулярным нахождением в тундре, среди тех, кто занят традиционной хозяйственной деятельностью, неоднократно попадали под действие этой языковой идеологии, осваивая тундровый ненецкий язык для общения с «тундровиками». По данным наших информантов, некоторые ветеринары и вездеходчики (русские и иногда долгане), а также усть-портовские, казанцевские, караульские и байкаловские (по названиям населенных пунктов) «местные» русские, не «пришлые», а «коренные» в нижнем течении Енисея, занимающиеся охотой и рыболовным промыслом наряду с «тундровиками», могли владеть тундровым ненецким языком:

[Инф. АЗВ:] «Некоторые были ветеринары, которые полностью ненецкий учили — разговаривали хорошо» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 5];

[Инф. АЗВ:] «Из русских? Был один ветеринар... А как его фамилия? Имя было — забыла. Мишук. Разговаривал на ненецком, но большинство маты хорошо знал. Потом кто еще хорошо на ненецком разгова-

⁶⁰ *Аргиши́ть* — «кочевать, переезжать с места на места, запрягая оленей в аргиши (караваны из одной легкой и нескольких грузовых нарты)».

ривал? // Был еще один какой-то тёмный такой — тоже он ветеринар, вездеходчик был. Также он разговаривал на ненёцком. Ну, многие слова знал на ненёцком. (...) Был такой тоже, в совхозе работал. Были люди, которые разговаривали». [Инт.:] «В основном, это усть-портовские, да? Казанцевские, байкаловские? Тамошние, да?» [Инф. АЗВ:] «Ну да, тамошние. Те разговаривали. (...) Здесь-то ветеринары — они же пришлые все. Они же приезжие, так вот. С Дудинки, с края (из Красноярска), с Игарки... Здесь и долганин был (ветеринар), который на ненёцком, постоянно здесь работал. (...) Чуприн. Тот разговаривал. (...) Также разговаривал на ненёцком, ну так как он уже долго работал» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 6];

[Инф. АЗВ:] «И один у нас даже в детстве, помню, один дяденька русский идёт с берега, и это... я говорю... папа меня спрашивает: “Кто там?”. Грю (говорю): “А, какой-то русский”. А он снизу кричит: “Ань (Нани) торовов! Нйсьян мякянанда мэ?” (ТН букв. ‘Здравствуй! Отец-твой в чуме-его есть?’ = ‘Здравствуй! Твой отец в чуме (дома)?’). Вроде русский — по-ненецки болтает. Потом он моему папе говорит: “Чё (что) ребёнка не учишь на ненёцком разговаривать? Чё (что) она у тебя на русском разговаривает?”. (...) Это не ветеринар, это просто дяденька был. Также эти... местные вот эти вот, то ли усть-портовские, то ли казанцевские, то ли караульские ли они... Вёчер (фамилия). Были Вечер. Вот этого дяденьку Александр вроде бы звали. Отчество не помню. (...) Вечер у них фамилия. (...) Всю жизнь среди ненцев, наверное, были. И вот этот — Александр — вообще разговаривает полностью на ненёцком. Я вообще удивилась: дяденька русский — полностью на ненёцком разговаривает» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 5—6].

В эту же группу людей, овладевающих тундровым ненецким языком, попадают и «русские мужья»: в п. Тухард не редкость смешанные браки между ненецкими женщинами и «русскими» мужчинами (ТН тайм. *лўса* [lʉsɛ] ~ ТН лит. *лўца* ‘русский’), под «русским» может пониматься не только действительно русский, но и украинец, белорус и т. д. По нашим сведениям, полученным в ходе экспедиций, процент такого рода смешанных браков в п. Тухард выше соответствующего показателя в населенных пунктах Ямало-Ненецкого АО, но здесь мы не опираемся на статистические данные и не можем назвать точную цифру. Многие из таких «русских мужей» занимаются рыбалкой и ездят на оленеводческие стойбища к родственникам жен, а некоторые также пытаются хотя бы немного — на лексическом уровне — освоить тундровый ненецкий язык, родной язык своих жен: [Инф. КЕА:] «Ну, он только знает ‘здравствуйте’ там. Ну, в основном лёгкие слова как бы: ‘здравствуй’, ‘до свидания’, ‘хлеб’, ‘соль’, ‘вода’. Ну, это лёгкие слова» [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 26].

6.2. Языковые (лингвистические) идеологии, не поддерживающие многоязычие и способствующие его утрате: «тайные языки» взрослых

В п. 5.1.3. мы подробно рассмотрели стратегию сознательного языкового дистанцирования родителей от детей в смешанных семьях, проявляющуюся в намеренном использовании «недоминирующих» идиомов (долганского и тундрового энецкого) как «языков для взрослых», своего рода «тайных языков», а «доминирующего» тундрового ненецкого — для общения с детьми. Именно это сознательное «языковое дистанцирование» родителей от своих детей в смешанных семьях стало важным фактором в процессе утраты многоязычия (“small-scale multilingualism”) и «большом переходе на ненецкий». О важной роли языковых идеологий родителей в смешанных семьях, особенно лингвистических идеологий, связанных с «передачей» языка своим детям, для билингвизма и многоязычия на уровне семьи см. [De Houwer 1999; Lanza 2007] (“the important role of parental beliefs and attitudes about language and language learning in early bilingual development and family multilingualism” [Lanza 2007: 51—53]).

6.3. Языковые (лингвистические) идеологии, «нейтральные» по отношению к сохранению многоязычия

6.3.1. Усвоение чужого языка как аспект культурной адаптации

Также необходимо отметить, что тухардские ненцы (носители тундрового ненецкого языка как родного) часто соотносят факт усвоения ТН языка «пришлыми» долганями с овладением реалиями ненецкой традиционной материальной культуры. Так, в социоллингвистических интервью информанты неоднократно отмечали, что долганки Аграфена Николаевна и Татьяна Николаевна не только стали говорить на тундровом ненецком языке, но и 1) стали шить и/или носить одежду не долганского, а ненецкого покроя, 2) стали ездить, запрягая оленей в упряжку ненецкого типа (рис. 7а, 7б), а не навьючивая груз на оленей сверху на долганский манер. Приведем здесь примеры из интервью с Силкиной Галиной Хольчовой (СГХ), невесткой долганки Аграфены Николаевны.

1) [Интервьюер:] «А Татьяна Николаевна хорошо по-ненецки говорила?»

[Инф. СГХ:] «Хорошо. И сокуй⁶¹ шила. Одежду нашу. Как научилась?! (...) Когда они вместе работали, перешли на мальцы⁶² ... носить».

[Интервьюер:] «А раньше они что носили?»

[Инф. СГХ:] «Долганский... одежду. И долганские шапки носили. (...) И бабка моя (свекровь, Аграфена Николаевна) знала по-ненецки. Сокуй шила ненецкие. А вторая-то, Татьяна Николаевна, она нашу (ненецкую) одежду носила, парку⁶³, бокари⁶⁴. А моя бабка (свекровь, Аграфена Николаевна) — долганское, своё. Не хотела менять одежду. У ней (...) [jɪkʰdɔd] (ТН jɪkʰdʰ? 'воротник') до лица бывает, по-долгански, долганский. Шитая парка⁶⁵. Как расклеишённое пальто» [Инф. СГХ: аудио № 3, с. 4—5].

Здесь наглядно видно, как информантка Галина Хольчовна (СГХ) воспринимает тот факт, что долганская женщина «хорошо» говорит на тундровом ненецком языке: не просто хорошо говорит по-ненецки — но и хорошо шьет «по-ненецки» (ненецкую одежду).

2) [Инф. СГХ:] «А аргишили⁶⁶ как кони, как, ну, сверху оленей. Аргишили, кочевали. Говорят, у них мешки были, долганские. Например, мука, половина, половина с той стороны мешком, в мешках. И специально завязывали, чтоб на одну сторону тяжёлый не был. Потом вот... начали сани» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 21].

То есть вначале долгане кочевали, навьючивая груз на оленей сверху в специальных сумках, а затем перешли на ненецкий тип запряжки оленей — в нарты, «сани» (рис. 7а, 7б).

Таким образом, усвоение долганями тундрового ненецкого языка в условиях проживания в контакте с численно доминирующим ненецким населением мыслится как один из аспектов перехода от долганской культуры к ненецкой, как один из компонентов культурного сдвига (cultural shift).

Здесь следует попутно отметить тот факт, что говор долган Яроцких, пришедших в 1950-х гг. с «усть-авамской стороны» в Воронцовскую тундру и в 1972 г. переехавших в окрестности Левинских Песков, отличался от говора других долган, с которыми они встречались в Левинских Песках. Об этом упоминает Галина Хольчовна (СГХ), свекровь которой — Аграфена Николаевна — не могла говорить по-долгански с долганями, приехавшими в Левинские Пески из других мест: «Долганы же тоже такие же, наши. Говорят, у них тоже язык различается. А я думала, что этот, одинаковый. Оказывается, язык другой. (...) Один раз откуда долганы стадо привезли к нам, в Левинск (Левинские Пески), я говорю: “Бабушка (свекровь, Аграфена Николаевна), почему с ними не разговариваешь?” Она говорит: “Язык! У них вообще язык другой”. Я думала, одинаковый» [Инф. СГХ: аудио № 3, с. 3].

⁶¹ Разновидность ненецкой верхней одежды (рис. 8). Русское слово *сокуй* для обозначения верхней меховой одежды, которая шьется мехом наружу и надевается в сильные морозы или в дальнюю дорогу поверх малицы (одежды другого типа, шьющейся мехом вовнутрь), распространено в низовьях Енисея, на Таймыре, самой восточной территории расселения ненцев. На территории западнее Уральских гор, в Ненецком автономном округе, в том же значении употребляется существительное *совик*, а на полуострове Ямал (и в Ямало-Ненецком АО) — *гусь*. Ср. диалектные варианты этого слова в тундровом ненецком языке: б.-з., зап. *сáвк* [Терещенко 1965: 518] ~ тайм. *сок* [там же: 566] ~ ямал. *сõк* [там же: 566]; б.-з., зап. *səwək*^o [Salminen 1998: 60] ~ ямал. *sook*^o [там же: 60]. Ср.: «Сокуй (сок) — зимняя глухая одежда с капюшоном, шьется из оленьих шкур мехом наружу; надевается мужчинами поверх малицы» [Лабанаускас 1995: 219]. Подробнее о ненецкой одежде этого типа см. в статье [Амелина 2013].

⁶² Разновидность ненецкой верхней одежды (рис. 9): ТН *мальца* ‘малица (верхняя мужская меховая одежда, шьется мехом внутрь)’ [Терещенко 1965: 225]; рус. *малица* — «глухая, без разреза, одежда, сшитая из телячьих шкур (осенних или летних) мехом внутрь» [Хомич 1966: 116]. Под «телячьими» шкурами здесь понимаются шкуры трех-четырёхмесячных оленят.

⁶³ В данном случае речь идет о ненецкой женской верхней распашной одежде: «Парка — верхняя меховая одежда женщины-ненки» [Лабанаускас 1995: 219]. Словом *парка* в низовьях Енисея, на Таймыре принято называть ТН *пány*, в тундрах Ямало-Ненецкого АО в этом значении используется русское существительное *ягушка*, а в Ненецком АО — *панйца*. Подробнее об этом типе ненецкой женской одежды см. в статье [Амелина 2014], а о самом слове *парка* — в работе [Амелина 2013].

⁶⁴ Разновидность ненецкой обуви мехом наружу (рис. 9). ТН *пи́ва* в разных районах расселения ненцев переводится на русский язык по-разному: западнее Уральских гор (в Ненецком АО) — как *тимы*, восточнее Уральских гор (в Ямало-Ненецком АО) — как *кисы́*, в низовьях Енисея и на полуострове Таймыр — как *бокари́/бакари́*.

⁶⁵ Здесь в значении просто ‘женская одежда’, не ‘ненецкая женская одежда’.

⁶⁶ *Аргиши́ть* — см. толкование данного слова в подстрочной сноске 60.

Рис. 7а. Ездовая мужская нарта. Вэнго Игорь (Лямби) Андреевич собирается запрягать в ездовую нарту упряжных оленей. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Рис. 7б. Япгунэ Сергей (Вадалик) Алексеевич запрягает упряжных оленей в ездовую мужскую нарту. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Рис. 8. Мальчик в ненецкой верхней одежде «совик» («гусь», «сокуй»). Село Сё-Яха Ямальского района ЯНАО, апрель 2010 г. Фото автора.

Рис. 9. Дети в малицах (под разноцветными «сорочками» с узорами) и «бокарях» у жилого балка на стойбище Япгунэ и Вэнго. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

6.3.2. Знание родного языка и традиционная хозяйственная деятельность

Также существует следующая языковая идеология: знание родного языка связано с умениями в области традиционной хозяйственной деятельности (оленоводства, охоты, рыбалки), со знаниями «азов» традиционной культуры. Иными словами, существует представление о том, что если человек знает родной язык (например, тундровый ненецкий, тундровый энецкий), то он обладает и традиционными хозяйственными умениями; если человек не знает родной язык (например, тундровый ненецкий, тундровый энецкий), то он не обладает и традиционными хозяйственными умениями (1); если человек живет в тундре, занимаясь оленеводством и другой традиционной хозяйственной деятельностью, то, с большой вероятностью, он знает и родной язык (2).

1) [Интервьюер:] «А он по-ненецки как? Понимает?» [Инф. АЗВ:] «Он это... Не понимай! Он как-то так это... Неа. Вообще, мне кажется, ноль на ненёчком. (...) Он вообще ни рыбалку, ни охоту... Возьмёшь его на рыбалку — он будет, как старый дед, с одной лунки в другую лунку ползти» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 11].

2) [Инф. КРВ:] «Он энец <ЛЭ>». [Интервьюер:] «А он по-энецки говорит?» [Инф. КРВ:] «Я даже не знаю, скорее всего, конечно, говорит, если жил в тундре, жил вот. Мне кажется, язык сохраняется тогда, если человек живет в тундре» [Инф. КРВ: аудио № 1, с. 13].

6.3.3. «Наследование» этнической принадлежности по мужской линии и родной язык

В п. 5.3.1. мы подробно остановились на том, как проходило общение в семье Силкина Юрия Пуяковича, потомка от смешанного тундрово-энецко–долганского (ТЭ–Д) брака, и Галины Хольчовны (ТН). Как уже упоминалось выше, Юрий Пуякович общался с женой на тундровом ненецком, но также мог говорить и на тундровом энецком со своим родственником (двоюродным братом) Романом Деголевичем и со своим отцом Пуяку Бакуловичем. При этом со своими детьми Юрий Пуякович говорил на тундровом ненецком, но они также могли слышать, как отец говорил по-энецки (ТЭ) с другими людьми, и понимать отдельные слова. Ср. об этом отрывок из интервью с информанткой Силкиной Галиной Хольчовной:

[Интервьюер:] «А Вы с Юрием Пуяковичем между собой как обычно говорили?»

[Инф. СГХ:] «По-нене́цки».

[Интервьюер:] «А с детьми?»

[Инф. СГХ:] «С детьми тоже — по-нене́цки. Поэтому они свой язык не знают» [Инф. СГХ: аудио № 3, с. 2].

Как мы уже подробно писали выше (см. п. 5.3.1.), фраза «свой язык не знают» свидетельствует о том, что «своим языком» детей Галина Хольчовна называет не тундровый ненецкий, который является для них и для нее самой родным и на котором велось все общение с детьми (и между родителями) в семье, а тундровый энецкий — родной язык деда своих детей по отцовской линии (Силкина Пуяку Бакуловича). Однако факт незнания детьми «своего языка» и представление о том, что тундровый энец (мандо) должен говорить на тундровом энецком (мандо вада), накладывает свой отпечаток на восприятие Галиной Хольчовной этнической идентичности своих детей: [Инф. СГХ:] «Один Юрий Юрьевич сейчас есть в тундре, вверху. Какой энец?! “Апы” [ápi]⁶⁷ <ТЭ aba ‘мама’> не знает по-энецки» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 16].

Сложнее обстоит дело с потомками Силкина Дёголя Бакуловича, которых далеко не все коренные жители Тухардской тундры считают тундровыми энцами. Как уже было сказано выше, несмотря на одинаковое отчество Пуяку и Дёголя (Бакуловичи), они не являются родными братьями: Дёголь — племянник Пуяку Бакуловича (ТЭ), сын его сестры (ТЭ) и тундрового ненца из рода Яптунэ; отчество «Бакулович» было дано Дёголю по имени его деда по материнской линии, на стойбище которого он воспитывался. Так как отцом Дёголя был тундровый энец из рода Яптунэ, многие тухардцы склонны считать Дёголя и его потомков не тундровыми энцами, а ненцами, несмотря на то, что Дёголь воспитывался дедом Бакулом (тундровым энцем) и жил в энецком (ТЭ) окружении, а его родным языком был тундровый энецкий, а не ненецкий. См. об этом в интервью с одной информанткой (1971 г. р.):

«Здесь вот у нас энцы пишутся в Тухарде, энцами, Силкин Семён Деголевич, Роман Деголевич, Дмитрий Деголевич, вот эти вот. Они не Силкины, и они не энцы, они ненцы, но <тундровый энецкий> язык знают, так как ихнего отца воспитали энцы. Они Яптунэ. Ихнего отца воспитал Силкин. На самом деле Яптунэ <они и их отец Дёголь>. Здесь тухардские энцы, которые пишутся энцами, Силкины, они не энцы, они ненцы. (...) Так Яптунэ стали Силкиными. Но Роман Деголевич, даже сегодня пойдешь, он скажет: “Я энец”. Вот Роман Деголевич и Дмитрий Деголевич, те не хотят быть ненцами, те хотят быть энцами. А вот самый старший брат у них, Семён Деголевич, а он скажет: “Мне без разницы. Все равно, — говорит, — мы женаты на ненках. Какая разница?! Были энцами, останемся ненцами”».

Таким образом, ситуация с определением «этничности» потомков Дёголя Бакуловича («Деголевичей») обнаруживает конфликт нескольких «этнолингвистических идеологий», как «внутренних» (как они сами определяют себя), так и «внешних» (как их отца и их самих определяют другие люди, не из их семьи):

1а) «внутреннее» этническое самоопределение строится в первую очередь на этнической принадлежности прадеда Бакула (тундровый энец — ТЭ), на стойбище которого воспитывался их отец Дёголь (ТН по отцовской линии, ТЭ по материнской линии), при этом этническая принадлежность самого Дёголя таким образом формально передается по женской (материнской) линии и соотносится с его родным языком — тундровым энецким;

1б) также следует указать на «прогностическое» определение этнической принадлежности своих потомков одним из «Деголевичей» — по женской линии, т. е. по линии своей супруги (ТН), в условиях доминирующего ненецкого окружения и доминирующего тундрового ненецкого языка («Были энцами, останемся ненцами»);

⁶⁷ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе “LingvoDoc” (ссылка на него была приведена выше): *abaa, aba* ‘мать; старшая сестра; тетя (женщина в функции матери)’.

1в) при этом возможна некоторая вариативность в «степени сознательности» этнического самоопределения — так несколько потомков Дёголя Бакуловича «хотят быть энцами», тогда как еще один (правда, не по его собственным словам, а по данным, полученным от других информантов) не видит принципиальной разницы в самоопределении себя тундровым энцем или тундровым ненцем;

2) «внешнее» этническое определение потомков Дёголя Бакуловича («Деголевичей») другими людьми базируется на аргументе «наследования» этнической принадлежности по мужской линии, т. е. строится в первую очередь на этнической принадлежности деда Деголевичей (ТН): люди из других семей (особенно из семей тундровых ненцев, с «ненецкого ракурса») склонны воспринимать «Деголевичей» как тундровых ненцев, говорящих при этом также на тундровом энцеком (а не только на ненецком).

Отметим, что, по нашему мнению, в настоящее время (в начале XXI в.) идея соответствия этнической идентификации и родного языка в Тухардской тундре становится более значимой, чем была в XX в., и начинает «догонять» идею «наследования» этнической принадлежности по мужской линии (без знания родного языка отца). Ср. отрывок из интервью с Кузнецовой (урожд. Яроцкой) Екатериной Андреевной (1983 г. р.) о ее отце (долганине по отцовской линии и тундровом ненце по материнской):

[Инф. КЕА:] *«Мы считаемся сейчас долганами. (...) Ну, нас так записали. Отца. А так мы себя считаем ненцами. То есть, если мы разговариваем по-ненецки, то мы считаем себя ненцами. Мы живем среди ненцев».*

[Интервьюер:] *«А Ваш отец, он кем себя считал?»*

[Инф. КЕА:] *«Ну, он считал себя ненцем».*

[Интервьюер:] *«(...) То есть по матери, да, получается? А отец по-долгански Ваш мог говорить?»*

[Инф. КЕА:] *«Ну, он так говорил чуть-чуть». (...)»*

[Интервьюер:] *«А с кем он говорил по-долгански?»*

[Инф. КЕА:] *«Ну, когда мы маленькие были, он с нами только говорил. Ну, пытался нас научить»*

[Инф. КЕА: аудио № 1, с. 6].

Отдельно отметим языковую идеологию, характерную для потомков долганина Яроцкого Алексея Николаевича и представительницы локальной группы тундровых ненцев Ѓадэр (в девичестве) Сјонско Пимоновны (см. подробнее выше): для потомков этой семьи характерно восприятие себя как «смешанных ненцев» («чистыми ненцами» они обычно называют жителей Носковской, Гыданской, Тазовской и Ямальской тундр, непременно противопоставляя себя им). Несмотря на то, что тундровый ненецкий язык для них является родным, они часто склонны преуменьшать уровень своего владения родным языком: «я не знаю, это Вам надо настоящих ненцев спросить» [Инф. ЯРА].

Таким образом, конкретные языковые биографии представителей коренного населения Тухардской тундры и их предков могут стать «кирпичиками» в реконструкции социолингвистической ситуации в этом регионе, дополнить наши представления о функционировании многоязычия и процессе его утраты в низовьях Енисея на протяжении XX в., а также о том, какими лингвистическими идеологиями подкреплялся «большой переход на ненецкий».

Сокращения

Языки и диалекты

Д — долганский

[ЛН — лесной ненецкий]

Nj. — нялинский говор [Lehtisalo 1956]

P — пуровский говор (идиолект *βαῤῥῥῶνδ ἡῤῥῖββαῤῥῥῥ*) [Lehtisalo 1956]

Нг, нган. — нганасанский

ППерм. — прапермский

рус. — русский

ТН — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский (центральный) диалект тундрового ненецкого языка

К — колвинский говор (идиолект носителя, жившего в окрестностях р. Колва) [Lehtisalo 1956]

Sj. — говор по реке *s'ḡìḡp* (ближе к Полярному Уралу) [Lehtisalo 1956]

U — устьинский (пустозерский) говор [Lehtisalo 1956]

вост. — восточные диалекты тундрового ненецкого языка

тайм. — таймырский (енисейский) диалект тундрового ненецкого языка

ямал. — ямальский диалект тундрового ненецкого языка

О — обдорский говор (идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptew) [Lehtisalo 1956]

О₃ — обдорский говор (идиолект шамана Лапсуя, *šāmp̄p̄^o lap̄š̄ūi*) [Lehtisalo 1956]

ОР — говор в низовьях Оби (идиолект Матвея Ядне, Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956]

зап. — западные диалекты тундрового ненецкого языка

N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956]

Oks. — оксинский говор [Lehtisalo 1956]

U-Ts. — говор малоземельского диалекта (идиолект Ofimja *šōB^ral'ūβ*) [Lehtisalo 1956]

хант. — хантыйский

Ahl. — берёзовский диалект, по данным А. Ahlqvist [Steinitz 1966]

Cast. (I) — иртышский диалект, по данным М. А. Castrén (1845 г.) [Steinitz 1966]

Cast. (S) — сургутский диалект, по данным М. А. Castrén (1845 г.) [Steinitz 1966]

Irt. — иртышский диалект [Steinitz 1966]

Fil. — говор юрт Филинских (“Filinskije”) иртышского диалекта [Steinitz 1966]

J — юганский диалект [Steinitz 1966]

Kaz. — казымский диалект [Steinitz 1966]

Likr. — говор н. п. “Likrisovskoje” на р. Оби [Steinitz 1966]

Mj. — диалект на р. Малый Юган [Steinitz 1966]

Ni. — низямский диалект [Steinitz 1966]

Patk. (D) — диалект по р. Демьянка, по данным С. Патканова (1886 г.) [Steinitz 1966]

Patk. (I) — иртышский диалект, по данным С. Патканова (1886 г.) [Steinitz 1966]

Patk. (Ko.) — кондинский диалект, по данным С. Патканова (1886 г.) [Steinitz 1966]

Sy. — сынский диалект [Steinitz 1966]

Š — шеркальский диалект [Steinitz 1966]

Tj. — диалект на р. “Tremjugan” [Steinitz 1966]

V — ваховский диалект [Steinitz 1966]

Vart. — вартовский говор, говор н. п. “Vartovskoje” на р. Оби [Steinitz 1966]

Vj. — васюганский диалект [Steinitz 1966]

VK — говор н. п. “Verchne-Kalymsk” на р. Оби, между устьями рр. Вах и Васюган [Steinitz 1966]

[энец. — энецкие]

ЛЭ — лесной энецкий

ТЭ — тундровый энецкий

Г л о с с ы

1 — первое лицо

2 — второе лицо

3 — третье лицо

PRES/AOR — настоящее время [Nikolaeva 2014] / аорист [Salminen 1998] / неопределенное время [Терещенко 1965]

ESS — эссив

GEN — генитив

HAB — хабишуалис

IMP — императив

IND — индикатив

LIM — лимитатив

N — имя существительное

NOM — номинатив

OBJ(SG) — объектное спряжение (с объектом в единственном числе)

PAST — прошедшее время [Nikolaeva 2014]

PL — множественное число

POSS — посессивное склонение

PROL — пролатив

SG — единственное число

SUB — субъектное спряжение

О б щ и е

букв. — буквально

жен. — женский (вариант фамилии)

Инт. — интервьюер
 Инф. — информант
 лит. — литературное
 миф. — мифологическое
 перен. — переносное значение
 приблиз. — приблизительно
 урожд. — урожденная (в девичестве)
 устар. — устаревшее

Информанты

АЗВ — Алькова (урожд. Лампай) Зоя Владимировна: 1971 г. р., род. в Усть-Порту; детство прошло в районе Посино и оз. Тампе; 7 классов образования
 ВВВ — Вэнго (урожд. Тóги) Валентина Владимировна (*Хэвне*): 1991 г. р.; детство прошло возле Мессояхи
 ВИА — Вэнго Игорь (*Ля́мби*) Андреевич: 1987 г. р., род. в Носковской тундре (переехал кочевать в Тухардскую тундру в 2006 г.)
 ВПА — Вэнго (урожд. Яптунэ́, *Тя́б Я́рто 'уз'*) Полина Алексеевна (*Ейконе, Ля́мби' небя*): 1967 г. р.; 8 классов образования (школа в Усть-Порту)
 КЕА — Кузнецова (урожд. Яро́цкая) Екатерина Андреевна: 1983 г. р., род. в Тухардской тундре; 11 классов образования, училась в КГБПОУ «Таймырский колледж» в Дудинке (специальность — бухгалтерский учет и аудит)
 КРВ — Кайрина Раиса Васильевна: 1981 г. р.; учительница начальной школы в пос. Тухард
 ПАИ — Пальчина (урожд. Ямкина) Августа Ивановна (*Не ерв*): 1959 г. р.
 ПНА — Пальчина Наталья Афанасьевна: 1956 г. р., род. на промысловой точке отца — Кислый Мыс (ныне Тухард); 8 классов образования
 СГХ — Силкина (урожд. Яптунэ́) Галина Хольчовна: 1950 г. р., род. в Мунгуе; детство прошло на р. Агапа; 5 классов образования (1–4 кл. — в Мунгуе, 5 кл. — в Карауле)
 ТОЯ — Тэ́седо Олег Ямбанович: 1950 г. р., род. в окрестностях Мунгуя; 7 классов образования (1–4 кл. — в Мунгуе, 5–7 кл. — в Карауле)
 ЯИЛ — Яптуне Иван Лапсуевич: 1953 г. р., род. в пос. Мунгуй; 6 классов образования (0–2 кл. — в Мунгуе, 3–4 кл. — в Байкаловске, 5–6 кл. — в Карауле)
 ЯИЮ — Яптунэ́ (Лы́рмина) Ирина Юрьевна: 1957 г. р., род. в пос. Малая Хета; 7 классов образования (0–1 кл. — в школе-интернате в Малой Хете, 2–7 кл. — в школе-интернате в Усть-Порту)
 ЯРА — Яптунэ́ (урожд. Яро́цкая) Раиса Алексеевна: 1964 г. р., род. в Воронцовской тундре; 9 классов образования (0 кл. — в Воронцово, 1 кл. — в Красноярске, 2 кл. — в Курейке, 3–9 кл. — в школе-интернате в Дудинке)

Литература

Амелина 2013 — Амелина М. К. Ненецкая верхняя одежда: *парка и совик* // Урало-алтайские исследования. 2013, 3 (10). С. 7—23. {*Amelina M. K. Nenets outerwear: parka and sovik* // Ural-Altai Studies. 2013, 3 (10). P. 7—23.}
 Амелина 2014 — Амелина М. К. Ненецкая женская одежда *паны*: западная паница и восточная ягушка // Урало-алтайские исследования. 2014, 4 (15). С. 7—31. {*Amelina M. K. The Nenets women's clothing pany: Western panitsa and Eastern yagushka* // Ural-Altai Studies. 2014, 4 (15). P. 7—31.}
 Амелина 2019 — Амелина М. К. «Большой переход на ненецкий»: Реконструкция социолингвистической ситуации в Тухардской тундре (Таймырский Долгано-Ненецкий район) по данным языковых биографий // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 1 (23). С. 29—43. {*Amelina M. K. "The big shift to Tundra Nenets": Reconstruction of the sociolinguistic situation in Tukhard tundra (Taimyrsky Dolgano-Nenetsky district) according to language biographies* // Tomsk journal of linguistics and anthropology. 2019, 1 (23). P. 29—43.}
 Аникин, Хелимский 2007 — Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {*Anikin A. E., Khelimsky E. A. The Samoyedic-Tungusic lexical links*. M., 2007.}
 Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {*Barmich M. Ya., Vello I. A. The Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary (Forest Nenets): Approximately 6500 words. For primary schools*. 2nd ed. SPb., 2002.}
 Васильев 1975 — Васильев В. И. Проблема формирования енисейских ненцев // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 111—147. {*Vasil'ev V. I. The problem of formation of the Yenisei Nenets* // Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North. M., 1975. P. 111—147.}

- ЗП, № 124 — Гунина С. Новый Тухард // Заполярная правда. 2018, № 124 (от 10.08.2018 г.) // <http://gazetazp.ru/2018/124/2/>. {Gulina S. New Tukhard // Polar truth. 2018, 124 (date: 10.08.2018) // <http://gazetazp.ru/2018/124/2/>.}
- Коряков 2018 — Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018, 4 (31). С. 156—217. {Koryakov Yu. B. The problem “language or dialect” and the Samoyedic languages // Ural-Altaiic Studies. 2018, 4 (31). P. 156—217.}
- Костеркина и др. 2001 — Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский: Около 7000 слов. СПб., 2001. {Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu. The Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary: Approximately 7000 words. SPb., 2001.}
- Куприянова 1954 — Куприянова З. Н. Терминология родства в устном народном творчестве ненцев. (Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 101.) Л., 1954. {Kupriyanova Z. N. Kinship terminology in the Nenets folklore. (Scientific notes of Herzen Leningrad State Pedagogical Institute. Vol. 101.) L., 1954.}
- Лабанаускас 1995 — Лабанаускас К. И. Ненецкий фольклор: Мифы. Сказки. Исторические предания. (Серия «Фольклор народов Таймыра». Вып. 5.) / Ред. Л. П. Ненянг, Р. П. Яптуунэ. Красноярск, 1995. {Labanauskas K. I. The Nenets folklore: Myths. Tales. Historical legends. (Series “Folklore of Taimyr peoples”. Is. 5.) / Ed. L. P. Nenyang, R. P. Yaptune. Krasnoyarsk, 1995.}
- Напольских 2005 — Напольских В. В. Йёгра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. 2005, 3. С. 240—268. {Napolskikh V. V. Jögra (The early Ob-Ugric-Permic contacts and ethnonymy // Forum for Anthropology and Culture. 2005, 3. P. 240—268.}
- Ненянг 1996 — Ненянг Л. П. Наши имена: К вопросу об имяназвании и бытовании собственных имён у ненцев Таймыра. Антропонимический очерк. СПб., 1996. {Nenyang L. P. Our names: On the question of naming and functioning of proper names among Taimyr Nenets. Anthroponymic essay. SPb., 1996.}
- Попова 1978 — Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.) {Popova Ya. N. The Nenets-Russian dictionary: Forest Nenets. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.)}
- Сирагуза 2018 — Сирагуза Л. Вепские секреты: двуязычие, переключение кодов и практики сокрытия (Пер. Арзютова Д. В.) // Этнография. 2018, 1. С. 185—194. {Siragusa L. Secrets of Vepsians: Bilingualism, code-switching and practices of concealment (Translated by Arzyutov D. V.) // Etnografia. 2018, 1. P. 185—194.}
- Сорокина, Болина 2001 — Сорокина И. П., Болина Д. С. Словарь энецко-русский и русско-энецкий: Около 6000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. СПб., 2001. {Sorokina I. P., Bolina D. S. The Enets-Russian and Russian-Enets dictionary: Approximately 6000 words. For primary schools. SPb., 2001.}
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. М., 1965. {Tereshchenko N. M. The Nenets-Russian dictionary: Approximately 22000 words. With the Appendix of a brief grammatical outline of the Nenets language. M., 1965.}
- Хайду 1985 — Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. {Hajdú P. Uralic languages and peoples. M., 1985.}
- Ханина 2019 — Ханина О. В. Практики многоязычия в низовьях Енисея: Опыт социолингвистического описания ситуации в прошлом // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 1 (23). С. 9—28. {Khanina O. V. Multilingual practices in the Lower Yenisei area: A sociolinguistic study of the past // Tomsk journal of linguistics and anthropology. 2019, 1 (23). P. 9—28.}
- Хелимский 2000a — Хелимский Е. А. Об одном переходном северносамодийском диалекте (к исторической диалектологии ненецкого языка) // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 50—55. {Khelimsky E. A. On one transitive Northern Samoyedic dialect (to the historical dialectology of the Nenets language) // Comparativistics, Uralistics: Lectures and articles. M., 2000. P. 50—55.}
- Хелимский 2000b — Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 26—40. {Khelimsky E. A. Essay on the history of the Samoyedic peoples // Comparativistics, Uralistics: Lectures and articles. M., 2000. P. 26—40.}
- Хелимский 2002 — Хелимский Е. А. Таймыр, нижний Енисей и бассейн Таза в начале XVIII века: заметки Г. Ф. Миллера по этнологии, этнонимии и топонимии Мангазейского уезда // Языки мира. Типология. Уралистика: Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М., 2002. С. 592—616. {Khelimsky E. A. Taimyr, the Lower Yenisei and the Taz basin at the beginning of the XVIII century: G. F. Miller’s notes on ethnology, ethnonymy and toponymy of Mangazeya uyezd // Languages of the World. Typology. Uralistics: In memory of T. Zhdanova. Articles and memoirs. M., 2002. P. 592—616.}
- Хомич 1966 — Хомич Л. В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966. {Khomich L. V. Nenets: Historical and ethnographic essays. M.—L., 1966.}
- De Houwer 1999 — De Houwer A. Environmental factors in early bilingual development: The role of parental beliefs and attitudes // Bilingualism and Migration / Eds. G. Extra, L. Verhoeven. Berlin, 1999. P. 75—95.
- Irvine 1989 — Irvine J. When talk isn’t cheap: Language and political economy // American Ethnologist. 1989, 16. P. 248—267.

- Khanina, Koryakov, Shluinsky 2018 — *Khanina O., Koryakov Yu., Shluinsky A.* Enets in space and time: a case study in linguistic geography // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2018, Bd. 42. P. 109—135.
- Kroskirty 2004 — *Kroskirty P. V.* Language ideologies // *A Companion to Linguistic Anthropology* / Ed. *Duranti A.* Oxford, 2004. P. 496—517.
- Lanza 2007 — *Lanza E.* Multilingualism and the family // *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication* / Eds. *Auer P., Li Wei.* Berlin — New York, 2007. P. 45—67.
- Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XIII. Helsinki, 1956.)
- Lüpke 2016 — *Lüpke F.* Uncovering small-scale multilingualism // *Critical Multilingualism Studies*. 2016, 4.2. P. 35—74.
- Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I.* A Grammar of Tundra Nenets. Berlin — Boston, 2014.
- Rumsey 1990 — *Rumsey A.* Wording, meaning and linguistic ideology // *American Anthropologist*. 1990, 92. P. 346—361.
- Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XXVI. Helsinki, 1998.)
- Silverstein 1979 — *Silverstein M.* Language structure and linguistic ideology // *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels* / Eds. *P. R. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer.* Chicago, 1979. P. 193—247.
- Singer, Harris 2016 — *Singer R., Harris S.* What practices and ideologies support small-scale multilingualism? A case study of Waruwi Community, northern Australia // *IJSL*. 2016, 241. Small languages and small language communities, 81 / Ed. *B. O'Rourke.* P. 163—208.
- Siragusa 2017 — *Siragusa L.* Secrecy and sustainability: How concealment and revelation shape Vepsian language revival // *Anthropologica*. 2017, 59 (1). P. 74—88.
- Steinitz 1966 — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Bd. I. Berlin, 1966.
- Woolard 1998 — *Woolard K.* Language ideology as a field of inquiry // *Language Ideologies. Practice and Theory* / Eds. *B. Schieffelin, K. Woolard, P. Kroskirty.* Oxford, 1998. P. 3—47.
- Woolard 2004 — *Woolard K.* Is the past a foreign country? Time, language origins, and the nation in early modern Spain // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2004, 14 (1). P. 57—80.

О времени фиксации гидронима «Сырдарья» в исторических источниках

Атыгаев Нурлан Адилбекович, Казахский национальный аграрный университет (Алматы),
Центральный Государственный музей РК (Алматы); nuratygaev@mail.ru

Канай Омирбек, Евразийский научно-исследовательский институт
Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (Алматы); kaztegin@hotmail.com

В представленной статье рассматривается вопрос о времени фиксации в письменных исторических источниках гидронима «Сырдарья».

Река Сырдарья является одной из главных (по длине и водности) рек Центральной Азии. Она течет по территории нескольких постсоветских стран — Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, но основная часть реки находится на территории Казахстана. Сырдарья является одним из наиболее часто упоминаемых гидронимов в мусульманской историко-географической литературе позднего Средневековья и Нового времени. В этих письменных сочинениях река упоминается под разными наименованиями: Сейхун, Ходжендская река, Шахрухская река, Шашская река и Ахсикетская река.

В современной исторической и географической литературе прочно утвердилось мнение, что название «Сырдарья» появилось только в XIX в. В данной статье авторы подвергают критике это устоявшееся мнение. Материалами для данного исследования являются сведения письменных источников — средневековые исторические и географические труды, архивные документы, географические карты. В работе также широко используются результаты научных исследований ученых предшествующего времени.

В заключение статьи авторы приходят к выводу, что название «Сырдарья» встречается в исторических, в основном тюркоязычных, сочинениях по крайней мере со второй половины XVI в. С конца XVII в. это название фиксируется и в русских архивных источниках, а с начала XVIII в. — на западноевропейских картах и в трудах европейских ученых.

Ключевые слова: река Сырдарья, исторические источники, география, архивные документы, карты

ABOUT THE TIME OF FIXATION OF HYDRONYM “SYRDARYA” IN HISTORICAL SOURCES

Nurlan A. Atygayev, Kazakh National Agrarian University (Almaty),
Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty); nuratygaev@mail.ru

Omirbek Hanayi, Eurasian Research Institute of the Khoja Akhmet Yassawi
International Turkish-Kazakh University (Almaty); kaztegin@hotmail.com

In the presented article, the issue of the time of fixation of the well-known hydronym «Syr Darya» in written historical sources is considered.

The Syr Darya River is one of the main (in length and water content) rivers of Central Asia. It flows through the territory of several post-Soviet countries — Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan, but the bulk of the river is located on the territory of Kazakhstan. The Syr Darya River is one of the most frequently mentioned hydronyms in the Muslim historical and geographical literature of the late Middle Ages and the New Age. In these written works, the river is referred to under various names: Seykhun, Khojend River, Shakhrukh River, Shash River and Akhsiket River.

In modern historical and geographical literature, the opinion that the name “Syr Darya” appeared only in the 19th century is firmly established. In this article, the authors criticize this established opinion. The materials for this study are information and data from written sources — medieval historical and geographical works, archival documents, and geographical maps. The work also widely uses the findings of scientific research of scientists of the preceding period.

The authors conclude that the name “Syr Darya” is found in historical, mainly in Turkic-language, writings from at least the second half of the 16th century. Since the end of the 17th century, this name is recorded in Russian archival sources, and from the beginning of the 18th century in Western European maps and writings.

Keywords: Syrdarya River (Syrdarya river), historical sources, geography, archival documents, maps

Как известно, реки являются источниками жизни. «Только благодаря речным водам на Туранской равнине в далеком прошлом зародилась цивилизация», — утверждал известный историк географической науки Э. М. Мурзаев [Мурзаев 1968: 8]. Одной из таких рек была и Сырдарья. «Поскольку Сырдарья, — пишет З. А. Джандосова, — является одной из двух великих рек, образующих Среднеазиатское междуречье, в верхнем течении несет свои воды по Фергане и Северному Мавераннахру, в среднем — по Туркестану, а в нижнем — по полупустынным пескам Приаралья, то история цивилизации на ее берегах очень богата и разнообразна: Сырдарья соединяет среднеазиатскую оседло-земледельческую цивилизацию с кочевой цивилизацией Степи» [Краткий энциклопедический словарь 2014: 373]. «Иранское название Сырдарьи в древности было Яхша арта («Превосходная жемчужина»), а китайское — Чжень-чжу-эхэ («Жемчужная река»). Эти имена являются переводом тюркского названия Сырдарьи Йенчу-Угуз (с тем же значением), зафиксированного в орхон-енисейских текстах... Ясно, что название большой реки — колыбели народов Средней Азии — отражает почтение и любовь к ней, орошающей пустынную землю, давшей жизнь», — отмечает Р. А. Агеева [Агеева 1985: 34].

Река Сырдарья является одной из главных (по длине и по водности) рек Центральной Азии. Она протекает по территории нескольких постсоветских стран — Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Кыргызской республики, но основная часть реки находится на территории Республики Казахстан. Об этой реке в 1832 г. А. И. Левшин писал: «Важнейшая и величайшая из всех рек, орошающих степи киргиз-казахьи, есть без всякого сомнения Сыр, или Сырдарья. Вытекает она из гор Кашкардаван, составляющих отрасль хребта, называемого китайцами Тянь-Шань, или Небесные горы. Хотя источник Сыра и не определен астрономически на месте, однако же, по известности некоторых близлежащих городов и земель, вообще полагать должно, что он находится между 42° и 43° северной широты» [Левшин 1996: 58]. Важные сведения о Сырдарье и ее истоках содержатся в работах и других дореволюционных русских исследователей. «Сыр-Дарья — большая река в Средней Азии, впадает, как ее река-сестра Аму-Дарья, в Аральское море. Истоком европейская наука сейчас считает Нарым, текущий через область Джеты-су (ранее Семиречье) и северо-восточную часть Ферганы; у местного населения верхним течением Сыр-Дарьи всегда (как в средневековье, так и в новое время) считалась Кара-Дарья в юго-восточной части Ферганы», — так начинается статья «Сыр-Дарья» академика В. В. Бартольда, опубликованная в «Энциклопедии ислама» [Бартольд 1964: 491]. «Река Сыр-дарья — самая значительная и многоводная река всего Туркестанского края. Она берет свое начало с гор Тянь-Шань...», — указывал Н. В. Остроумов, автор одной из первых работ по географии Туркестанского края [Остроумов 1891: 15].

Сырдарья является одним из наиболее часто упоминаемых гидронимов в мусульманской историко-географической литературе позднего средневековья и Нового времени. В этих письменных сочинениях река упоминается под разными наименованиями: Сейхун, Ходжендская река, Шахрухская река, Шашская река и Ахсикетская река.

Происхождение слова «Сыр» или «Сир» не совсем ясно. С. Г. Кляшторный считал, что наименование «Сыр» в форме «Силис» впервые зарегистрировано древнеримским писателем I в. н. э. Плинием. По его мнению, «название “Сыр” — древнее сакское имя реки, относившееся первоначально к ее нижнему течению. На протяжении более чем двух тысячелетий это название не только сохранилось, но вместе с завоеванием среднеазиатского междуречья узбекскими кочевыми племенами приаральских степей (XV—XVI вв.) распространилось на все течение реки» [Кляшторный 1953: 189—190]. Далее исследователь пишет: «Этимологически слово “сыр”, как нам представляется, связано с бытующим во многих таджикских и узбекских говорах Средней Азии словосочетанием “сир об”, употребляемым в смысле полноводие, обилие воды. Можно полагать, что это же слово встречается в сакских и согдийских документах из Восточного Туркестана в форме “sīrā”, “syr” (прилагательное и наречие “хороший”, “хорошо”, “очень” “много”, “многочисленный”»)» [Кляшторный 1953: 190].

В современной исторической и географической литературе прочно утвердилось мнение, что название «Сырдарья» появилось только в XIX в. Так, например, указывается в издании «Географические названия мира: Топонимический словарь» [Поспелов 2002: 403]. Э. М. Мурзаев писал: «Современное название Сыр-Дарья не встречается в источниках даже XVIII в.» [Мурзаев 1957: 253]. Авторы издания «Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов» также утверждают, что «Компонент Сир-/Сыр-/Sir- появляется в XIV в., в названии области по нижнему течению реки, а в форме Sirdarya — только в XIX в.» [Краткий энциклопедический словарь 2014: 369].

Вместе с тем изучение исторических источников позволяет нам не согласиться с этими утверждениями. Прежде всего представляет большой интерес тюркоязычная жалованная грамота из Сыгнака, выданная от имени эмира Тимура. Относительно нее В. В. Бартольд, обнаруживший эту грамоту в 1902 г., писал: «Самый старый документ относится к 803 (1400/1401) г. и приписывается Тимуру; но придаваемый здесь Тимуру ханский титул, которого он никогда не носил, и другие особенности стиля возбужда-

ют большие сомнения в его подлинности; по всей вероятности, он подделан во второй половине XVI в. ради получения документов, приводимых ниже» [Бартольд 1973: 199]. Не возражает относительно этой датировки документа и В. П. Юдин, который пишет: «Замечание В. В. Бартольда о сомнении в подлинности первого документа не лишено интереса, оно принято теми исследователями, которые использовали его в своей работе. Подложность этого документа, если подлог все-таки действительно существовал, еще ни в коем случае не означает, что этот документ следует игнорировать и в исследовательской работе не использовать. Ведь сам В. В. Бартольд своей публикацией его доказал, что этому документу следует придавать серьезное значение, а его замечание относительно того, что на основании этого документа могли быть получены другие, говорит за то, что в XVI в. он обладал реальной силой, а потому и представляет глубокий интерес. К этому следует добавить, что в среднеазиатских канцеляриях существовал обычай взамен окончательно истрепавшихся от времени документов, текст которых становился неудобочитаем, выдавать их копии, которые пользовались силой оригинала. На такие копии могли наклеиваться вырезанные с оригинала печати, что могло, конечно, вызвать сомнение в подлинности документа. Возможно, что и документ с именем Тимура претерпел процедуру подобной замены, а переписчик более позднего времени снабдил, по простоте душевной, имя Тимура титулом хана, которого тот действительно никогда не носил» [Материалы по истории 1969: 315—316].

Хотя В. В. Бартольд не опубликовал перевод этой грамоты, он привел ее арабографический текст. И в этом тексте упоминается арык, «выведенный из Сырдарьи»: «سير دريادين چقارغان» [Бартольд 1973: 200].

Название реки встречается в форме «Сырдарья» также в исторических источниках, написанных далеко от присырдарьинского региона. В «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи и его расширенной версии, известной под названием «Кара таварих», говорится, что Тенгиз-Буга увел левое крыло на берег Сырдарьи (سير دريا سى / سر دريا سى) [Утемиш-хаджи 1992: 135, л. 506; Утемиш-хаджи 2017: 121, л. 366].

Как известно, сочинение Утемиша-хаджи исследователи датируют XVI в. [Бартольд 1973: 158, 166; Утемиш-хаджи 1992: 25] По мнению Б. А. Ахмедова, оно написано в первой половине XVI в. [Утемиш-хаджи 1992: 5], однако И. М. Миргалиев пишет: «Конец сочинения датирован первым месяцем года хиджры, т. е. мухарремом 959 г. х. (29.12.1551—17.12.1552), что, скорее всего, соответствует самому началу 1552 года» [Утемиш-хаджи 2017: 13]. Учитывая это, написание данного сочинения следует датировать началом второй половины XVI в. Таким образом, упоминание названия «Сырдарья» встречается в двух независимых друг от друга исторических источниках второй половины XVI в.

Помимо этого, в труде середины XVIII в. «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми говорится о владениях Джучидов, расположенных на реке Сырдария (صيردرياسى) [Абдулгаффар Кырыми 2014: 61, 62, л. 258б].

В первой половине XX в. А. А. Семенов перевел для известного геолога Г. П. Горшкова содержащиеся в одной из мусульманских рукописей воспоминания некоего Мухаммеда Тахир-бен Абу-л-Касима о землетрясении, которое произошло в крепости Ахсы в 1620 г. В этом переводе для нас представляют интерес следующие строки: «Оно (землетрясение. — *Авт.*) было таково, что воды *Сыр-Дарьи* вышли из берегов и затопили прилегающую к реке равнинную местность» [Горшков 1949: 62].

Следует отметить, что впервые в русских архивных документах река «Сырдарья» («Сыр Дарья река») упоминается в 1696 г. в донесении казаков Ф. Скибина и М. Трошина [История Казахстана 2005: 379].

Наконец, обратимся к картографическим материалам XVIII в. Река отмечена под названием «Сырдарья» (Surdarie — Sirth Daria — Syr Darya) на «Новейшей Генеральной карте всей Московской Империи» 1704 г. и на нескольких европейских картах 1725, 1726, 1727 и 1796 гг. [Музей истории 2019; Туран 2008: 215—217; Геопортал 2019], хотя река «Сыр» (в форме Sur) присутствует еще на карте «Описание России, Московии и Тартарии» Антония Дженкинсона 1562 г. [Музей истории 2019]. Впервые в западноевропейской историко-географической литературе река «Сырдарья» (Сырдар) упоминается в труде голландского исследователя Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария», первое издание которого вышло в 1692 г. [История Казахстана 2006: 66, 67].

Таким образом, основываясь на вышеприведенных данных, мы можем утверждать, что название «Сырдарья» встречается в исторических, в основном тюркоязычных, сочинениях по крайней мере со второй половины XVI в. С конца XVII в. это название фиксируется и в русских архивных источниках, а с начала XVIII в. — на западноевропейских картах и в трудах европейских ученых.

Литература

Абдулгаффар Кырыми 2014 — *Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage»*. Вып. 1 / Транскрипция *Дерья Дерин Пашаоглу*; отв. ред. *И. М. Миргалеев*. Казань, 2014. {*Abdulgafar Kirimi. Umdet al-Ahbar. Book 1: Transcription, facsimile. Series "Yazma Miras. Written Legacy. Textual Heritage"*. Vol. 1 / Transcript by *Derya Derin Pasaoglu*; Ed. *I. M. Mirgaliev*. Kazan, 2014.}

- Агеева 1985 — *Агеева Р. А.* Происхождение имен рек и озер. М., 1985. {*Ageeva R. A.* The Origin of the Names of Rivers and Lakes. M., 1985.}
- Бартольд 1964 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III. М., 1964. {*Bartold V. V.* Composition. Vol. 3. M., 1964.}
- Бартольд 1973 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VIII. М., 1973. {*Bartold V. V.* Composition. Vol. 8. M., 1973.}
- Геопортал 2019 — Геопортал Русского географического общества // geoport.ru/record/1179 (Дата обращения: 17.04.2019). {Geoport of the Russian Geographical Society // geoport.ru/record/1179 (accessed on: 17.04.2019).}
- Горшков 1949 — *Горшков Г. П.* Землетрясения на территории Советского Союза. М., 1949. {*Gorshkov G. P.* Earthquakes in the Soviet Union. M., 1949.}
- История Казахстана 2005 — История Казахстана в русских источниках. Т. I. Посольские материалы Русского государства (XVI—XVII вв.) / Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словариков указателей *А. Исина.* Алматы, 2005. {History of Kazakhstan in Russian Sources. Vol. 1. Embassy Materials of the Russian Federation (16th — 17th centuries). Compilation, Transcription of Cursive Writing, Special Editing of Texts, Introductory Article, Comments, Compilation of Vocabulary Lists of A. Isin. Almaty, 2005.}
- История Казахстана 2006 — История Казахстана в западных источниках XII—XX в. Т. 6. Немецкие исследователи в Казахстане. Часть 2. Пер. с ранненовоголл. *А. П. Евдокимова.* Пер. с нем. *Л. И. Быковской* / Сост. *И. В. Ерофеева.* Алматы, 2006. {History of Kazakhstan in Western Sources of 12th — 20th centuries. Vol. 6. German Experts in Kazakhstan. Part 2. Translation from Early New Dutch by *A. P. Evdokimov.* Translation from German by *L. I. Bykovsky* / Comp. *I. V. Erofeeva.* Almaty, 2006.}
- Кляшторный 1953 — *Кляшторный С. Г.* Яксарт — Сыр-Дарья // Советская этнография. 1953, 3. С. 189—190. {*Klyashpornyi S. G.* Yaksart — Syr Darya // Soviet Ethnography. 1953, 3. P. 189—190.}
- Краткий энциклопедический словарь 2014 — Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. *И. В. Ерофеева.* Алматы, 2014. {Brief Encyclopedic Dictionary of Historical Toponyms of Kazakhstan / Comp. *I. V. Erofeeva.* Almaty, 2014.}
- Левшин 1996 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. {*Levshin A. I.* Review Kyrgyz-Kazakhs, or Kyrgyz-Kaysar, Hordes and Steppes. Almaty, 1996.}
- Материалы по истории 1969 — Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. *С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин.* Алма-Ата, 1969. {Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th — 18th centuries (extracts from Persian and Turkic writings) / Comp. *S. K. Ibragimov, N. N. Mingulov, K. A. Pishchulina, V. P. Yudin.* Almaty, 1969.}
- Музей истории 2019 — Музей истории старой карты // abodye.ru/?page_id=223 (Дата обращения: 17.04.2019). {Museum of the History of the Old Map // abodye.ru/?page_id=223 (accessed on: 17.04.2019).}
- Мурзаев 1957 — *Мурзаев Э. М.* Средняя Азия: Физико-географический очерк / Отв. ред. акад. *А. А. Григорьев.* Изд. 2-е, доп. М., 1957. {*Murzayev E. M.* Central Asia: Physical and Geographical Sketch / Ed. *A. A. Grigoriev.* 2nd edition. M., 1957.}
- Мурзаев 1968 — *Мурзаев Э. М.* Средняя Азия. М., 1968. {*Murzayev E. M.* The Central Asia. M., 1968.}
- Остроумов 1891 — *Остроумов Н. В.* География Туркестанского края с краткими сведениями о ханствах Бухарском, Хивинском и Закаспийской области. Изд. 2-е, с картой Туркестанского края. Самарканд, 1891. {*Ostroumov N. V.* Geography of Turkestan Territory with Brief Information About the Khanates of Bukhara, Khiva and Trans-Caspian Regions. 2nd edition, with Map of Turkestan Region. Samarkand, 1891.}
- Поспелов 2002 — *Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь: Ок. 5000 единиц / Отв. ред. *Р. А. Агеева.* 2-е изд., стереотип. М., 2002. {*Pospelov E. M.* World Geographical Names: Toponymic Dictionary. 5000 units / Ed. *R. A. Ageeva.* 2nd edition, stereotype. M., 2002.}
- Туран 2008 — Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. М., 2008. {Turan on Vintage Maps: The Image of Space — The space of Image. M., 2008.}
- Утемиш-хаджи 1992 — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование *В. П. Юдина.* Комментарии и указатели *М. Х. Абусеитовой.* Алматы, 1992. {*Utemish-Hadji.* Genghis-name / Facsimile, Translation, Transcript, Textual Notes, Research by *V. P. Yudin.* Commenters and Indexes by *M. X. Abuseitova.* Almaty, 1992.}
- Утемиш-хаджи 2017 — *Утемиш-хаджи.* Кара таварих / Транскрипция *И. М. Миргалиева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова;* пер. на рус. *И. М. Миргалиева, Э. Г. Сайфетдиновой;* общ. и науч. ред. *И. М. Миргалиева.* Казань, 2017. {*Utemish-Hadji.* Kara Tavarikh / Transcript by *I. M. Mirgaliev, E. G. Saifetdinova, Z. T. Hafizov;* Translation to Russian by *I. M. Mirgaliev, E. G. Saifetdinova;* Ed. by *I. M. Mirgaliev.* Kazan, 2017.}

К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск);
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

В статье рассматриваются именные морфологические особенности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык. Актуальность исследования заключается в том, что памятники удмуртской письменности на данный момент изучены лишь частично. На сегодняшний день, в общей сложности, известно более 400 наименований дореволюционных памятников удмуртского языка, однако большая часть из них по сей день не описана. Анализ письменных источников необходим, поскольку они дают важную информацию при реконструкции языка, а при наличии датировки помогают определить хронологию языковых явлений.

Описание морфологических особенностей в статье проводится на основе выявленных ранее графических и фонетических особенностей перевода «Закона Божия» на удмуртский язык. При этом задействован метод сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов.

Проанализировав перевод «Закона Божия» на удмуртский язык, мы выявили ряд особенностей в оформлении маркеров множественного числа, посессивности и некоторых падежных форм. Однако, в целом, анализ показал, что текст рассматриваемого памятника письменности на уровне именной морфологии имеет архаичный характер, поскольку нами были выявлены лишь три особенности, отличающие язык памятника от литературного удмуртского языка и большинства современных диалектов. Сопоставление языковых данных «Закона Божия» с литературным языком и современными удмуртскими говорами не противоречит нашей гипотезе относительно диалектной принадлежности рассматриваемого письменного источника, так как все выявленные нами особенности инновационного характера представлены в современном среднечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, именная морфология

THE PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF “GOD’S LAW” (1912) INTO UDMURT: NOUN MORPHOLOGY

Maria P. Bezenova, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk);
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

This article examines the nominal morphologic characteristics of the translation of “God’s Law” into the Udmurt language. The relevance of the study lies in the fact that Udmurt written monuments have not yet been thoroughly studied. Thus far more than 400 pre-revolutionary Udmurt monuments have been found, but most of them have not been described. It is necessary to analyze those written monuments, as they provide important information for language reconstruction and help determine the chronology of linguistic phenomena.

The description of morphological characteristics in the article is based on previously identified graphic and phonetic features of the translation of “God’s Law” into Udmurt. Its linguistic material is compared with data from literary language and modern Udmurt dialects.

Having analysed “God’s Law” in the Udmurt language, some features were revealed in the design of morphological indicators of the plural, possessiveness and some case forms. However, in general, the analysis showed that at the level of nominal morphology the text is archaic in character, as only three features that distinguish the language of the monument from the literary Udmurt language and most modern dialects were identified. A comparison of the linguistic data of “God’s Law” with the literary language and modern Udmurt dialects does not contradict our hypothesis regarding the dialectic affiliation of the written source, when it is considered that all of the identified innovative features are present in the modern Middle-Cheptsya dialect of the northern dialect of the Udmurt language.

Keywords: the Udmurt language, dialectology, the monuments of literature, nominal morphology

Анализ языковых данных памятника выполнен при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных». Сопоставление данных памятника с современными удмуртскими диалектами выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00119 «Создание интерактивного атласа по уральским языкам».

Введение

Данная статья является продолжением предыдущей работы [Безенова, Кондратьева 2019], в которой были рассмотрены графические, орфографические и фонетические особенности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык. Подробный анализ вокалической и консонантной систем памятника с учетом его графики показал, что продолжением диалекта, лежащего в основе рассматриваемого переводного памятника, является современный понинский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка. Опираясь на полученные ранее результаты рассмотрения графики и фонетической системы источника, учитывая данные удмуртского литературного языка и его диалектов, ниже мы проанализируем морфологические особенности памятника [Закон Божий]. В данной статье мы остановимся на именной морфологии и рассмотрим грамматические категории числа, притяжательности и падежа, характерные для имени существительного в удмуртском литературном языке и его диалектах.

1. Число

Категория числа в современном удмуртском языке основана на противопоставлении форм единственного и множественного числа. Для единственного числа характерно отсутствие формальных показателей. Множественное число образуется путем присоединения к основе слова суффиксов *-ос* или *-йос* (графически *-ёс*): *-ос* употребляется после основ, оканчивающихся на гласный, *-ёс* присоединяется к основам с финальным согласным.

В тексте [Закон Божий] для выражения множественного числа используются аналогичные аффиксы *-ос* и *-ёс*. Они употребляются в целом по тем же правилам, что и в современном удмуртском:

1) К основам на согласные при образовании форм множественного числа в тексте анализируемого памятника присоединяется суффикс *-ёс*: *изъёс*¹ [izjos] ‘камни’ PL — литер. *изъёс*, *дъсьёссёс* [dis'josses] ‘их одежды’ PL-POSS.3PL-ACC — литер. *дъсьёссёс*, *еврейёс* [jevrejjos] ‘евреи’ PL — литер. *еврейёс* и т. д.

2) К основам на гласные в памятнике, как правило, присоединяется аффикс *-ос*: *пуослэн* [puoslen] PL-GEN — литер. *пуослэн*, *тыло-бурдоос* ~ *тыло-бурдоос* [tjloburdoos] ‘птицы’ PL — литер. *тылобурдоос*, *чиньыостэ* [čín'joste] ‘твой пальцы’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *чиньыостэ* и т. д.

В то же время в рассматриваемом памятнике в употреблении этих аффиксов встречаются некоторые особенности. Так, в трех случаях множественное число от существительных с финальной гласной основы образуется с помощью показателя *-ёс*²: *бечеёсыз* [bečejosiz] диал. ‘его подруги’ PL-POSS.3SG — литер. *бечеосыз* (*бече* ‘родственник’), *молитваёс* [mol'itvajos] ‘молитвы’ PL — литер. *молитваос*, *нылкышноёс* ‘женщины’ PL — литер. *нылкышноос*. В одном случае встречается параллельное употребление маркера³: *букваос* [bukvaos] ~ *букваёс* [bukvajos] ‘буквы’ PL — литер. *букваос*.

Показатель *-ос* употребляется и после основ, оканчивающихся на латинскую букву *i*. Однако в данном случае, учитывая особенности употребления латинской *i* в тексте [Закон Божий], которые были описаны в работе [Безенова, Кондратьева 2019], можно предположить, что показателем множественного числа в данных словоформах является аффикс *-йос*: *адямйос* ~ *адямйос* [ad'amijos] ‘люди’ PL — литер. *адямйос* (также *адямйосты* [ad'amijostj] ‘людей’ PL-ACC — литер. *адямйосты* / *адямйосыз*, *адямйослэн* [ad'amijoslen] ‘у людей’ PL-GEN — литер. *адямйослэн*, *адямйослэсь* [ad'amijosles'] ‘от людей’ PL-ABL — литер. *адямйослэсь*, *адямйослы* [ad'amijoslj] ‘людям’ PL-DAT — литер. *адямйослы*), *кизилиос* [kiz'il'ijos] ‘звезды’ PL — литер. *кизилиос*, *киоссэ* ~ *киёссэ* [kijosse] ‘его руки’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *киоссэ*, *пйосты* [pijostj] ‘птенцов’ PL-ACC — литер. *пйосты*/пйосыз.

Присоединение маркера *-йос* при образовании форм множественного числа к основам с конечной гласной отмечено и в некоторых современных удмуртских говорах. Подобное явление характерно для отдельных говоров периферийно-южного диалекта, в частности, для буйско-таныпского и татышлинско-

¹ В статье в качестве иллюстраций, как правило, приводится по три примера из [Закон Божий]. Меньшее количество примеров свидетельствует о том, что соответствующая форма в тексте памятника встречается лишь один или два раза.

² Случаи образования форм множественного числа с помощью маркера *-йос*, который присоединяется к основам с конечной гласной, встречаются и в словаре [Wichmann 1987], например: *tīnam kijosī* (G) ‘мои руки’ [Wichmann 1987: 104], *tumījos-ajjos* (G) ‘родители’ [Wichmann 1987: 165] и др.

³ Аналогичное явление представлено и в местоимении *соос* ‘они’: *соослы* [sooslj] ~ *соёслы* [sojoslj] ‘им’ DAT — литер. *соослы* (ср. *so* (G, B, M, J, MU, U) ‘он, она, оно; тот, та, то’, *sojos* (G, M, J, MU), *sojos* (M, U), *soos* (G, B, M, J, MU), *sojos* (MU) ‘они’ [Wichmann 1987: 224]).

го, например: бт. *кыно-йос*, татш. *күно-йос* ‘гости’, бт., татш. *бакча-йос* ‘огороды’, бт. *пыны-йос*, татш. *пүни-йос* ‘собаки’ и т. д. [Кельмаков 2006: 116]. Спорадически подобные формы встречаются и в некоторых других южных говорах. Данное явление представлено и в говорах северного наречия: системный характер имеет в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, в остальных говорах нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов (за исключением бalezинского говора) встречается спорадически, при этом чаще всего в речи представителей старшего поколения [Карпова 2018: 168—169].

Относительно происхождения маркера множественного числа в пермских языках на сегодняшний день существуют различные точки зрения — см. [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011б: 36] и др. Однако все эти гипотезы объединяет тот факт, что в составе данного показателя изначально был согласный *й*, который «в словах с основами на финальный гласный в результате ослабления позиции *й* в интервокальном положении преобразовался в *-ос*» [Карпова 2018: 169—170]. Таким образом, можно сказать, что из двух показателей множественного числа, которые представлены в тексте [Закон Божий], *-йос* имеет более архаичный характер, а *-ос* — инновационный.

2. Принадлежность

Категория посессивности, которая отражает отношения принадлежности, является одной из основных категорий, типичных как для удмуртского, так и для других уральских языков. Притяжательные формы в современном удмуртском языке образуются либо синтетическим, либо аналитическим способом. Для нас большой интерес представляет первый способ образования, при котором посессивность выражается различными лично-притяжательными суффиксами (см. таблицу 1).

Таблица 1. Лично-притяжательные суффиксы [ГСУЯ 1962: 82]

Один обладатель		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-э (-е), -ы ‘мой, моя, мое’	-ы ‘мои’
2-е лицо	-эд (-ед), -ыд ‘твой, твоя, твое’	-ыд ‘твои’
3-е лицо	-эз (-ез), -ыз ‘его, ее’	-ыз ‘его, ее’
Много обладателей		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-мы ‘наш, наша, наше’	-мы ‘наши’
2-е лицо	-ды, -ты ‘ваш, ваша, ваше’	-ты ‘ваши’
3-е лицо	-зы, -сы ‘их’	-сы ‘их’

В тексте анализируемого памятника представлены аналогичные маркеры (см. таблицу 2).

Таблица 2. Лично-притяжательные суффиксы памятника [Закон Божий]

Один обладатель		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	<i>Инмарэ́</i> ‘мой бог’ POSS.1SG — литер. <i>инмаре</i> <i>осконэ́</i> ‘моя вера’ POSS.1SG — литер. <i>осконэ</i> <i>эрикэ́</i> ‘моя воля’ POSS.1SG — литер. <i>эрике</i> <i>лулы́</i> ‘моя душа’ POSS.1SG — литер. <i>лулы</i> <i>Мугоры́</i> ‘мое тело’ POSS.1SG — литер. <i>мугоры</i> <i>синмы́</i> ‘мой глаз’ POSS.1SG — литер. <i>синмы</i>	<i>аиосылэ́сь</i> ‘от моих отцов’ PL-POSS.1SG-ABL — литер. <i>айиосылэ́сь/айиосылэ́сь</i> <i>братэ́сьылэ́сь</i> ‘от моих братьев’ PL-POSS.1SG-ABL — литер. <i>братэ́сьылэ́сь</i>
2-е лицо	<i>жечэд́</i> ‘твое добро’ POSS.2SG — литер. <i>жечед</i> <i>киросэд́</i> ‘твой крест’ POSS.2SG — литер. <i>киросэд</i> <i>эрикэд́</i> ‘твоя воля’ POSS.2SG — литер. <i>эрикед</i> <i>нимы́д</i> ‘твое имя’ POSS.2SG — литер. <i>нимыд</i>	<i>муртэ́сьылэ́сь</i> ‘от твоих людей’ PL-POSS.2SG-ABL — литер. <i>муртэ́сьылэ́сь</i>
3-е лицо	<i>дйисэ́з</i> ‘его одежда’ POSS.3SG — литер. <i>дйисез</i> <i>коркаэ́з</i> ‘его дом’ POSS.3SG — литер. <i>коркаез</i> <i>Пи́эз ~ Пиез</i> ‘его сын’ POSS.3SG — литер. <i>пиез</i> <i>Виры́з</i> ‘его кровь’ POSS.3SG — литер. <i>вирыз</i> <i>йыры́з</i> ‘его голова’ POSS.3SG — литер. <i>йырыз</i> <i>нимы́з ~ нимы́з</i> ‘его имя’ POSS.3SG — литер. <i>нимыз</i>	<i>минальэ́сьыз</i> ‘его дети’ PL-POSS.3SG — литер. <i>минальэ́сьыз</i> <i>чиньыосы́з</i> ‘его пальцы’ PL-POSS.3SG — литер. <i>чиньыосыз</i> <i>эшэ́сьыз</i> ‘его друзья’ PL-POSS.3SG — литер. <i>эшэ́сьыз</i>

	Много обладателей	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	<i>виноватмы́</i> ‘наша вина’ POSS.1PL — литер. <i>виноватмы́</i> <i>Инмармы́</i> ‘наш бог’ POSS.1PL — литер. <i>инмармы́</i> <i>мугормы́лы</i> ‘нашему телу’ POSS.1PL-DAT — литер. <i>мугормы́лы</i>	<i>вöсяськысьёсмьы́</i> ‘наши молящиеся’ PL-POSS.1PL — литер. <i>вöсяськысьёсмьы́</i> <i>селякьёсмьы́</i> ‘наши грехи’ PL-POSS.1PL — литер. <i>сьöлыкьёсмьы́</i> <i>юрттысьёсмьы́</i> ‘наши помощники’ PL-POSS.1PL — литер. <i>юрттисьёсмьы́</i>
2-е лицо	<i>басьтэмдылэсь</i> ‘от вашего получения’ POSS.2PL-AVL — литер. <i>басьтэмдылэсь</i> <i>селькамысьтыды́</i> ‘из-за вашего согрешения’ ELA-POSS.2PL — литер. <i>сьöлыкэмысьтыды́</i>	не зафиксировано
3-е лицо	<i>бурдзы́</i> ‘их крыло’ POSS.3PL — литер. <i>бурдзы́</i> <i>мугорзы́</i> ‘их тело’ POSS.3PL — литер. <i>мугорзы́</i> <i>шумпотонзы́</i> ‘их радость’ POSS.3PL — литер. <i>шумпотонзы́</i>	<i>пинальёссы́</i> ‘их дети’ PL-POSS.3PL — литер. <i>пинальёссы́</i> <i>судьяоссы́</i> ‘их судьи’ PL-POSS.3PL — литер. <i>судьяоссы́</i> <i>ужасьёссы́</i> ‘их работники’ PL-POSS.3PL — литер. <i>ужасьёссы́</i>

В тексте [Закон Божий] при выражении отношения принадлежности единичного объекта единичному владельцу в формах второго и третьего лица мы выявили функционирование особых форм: *айз* [ajiz] ‘его отец’ POSS.3SG — литер. *айиз/айыез*, *Аизлы́* [ajizlɨ] ‘его отцу’ POSS.3SG-DAT — литер. *айизлы́/айыезлы́*; *мумиз* ~ *мумиз* ‘его мать’ POSS.3SG — литер. *мумиз/мумыез*, *Мумизлэн* ‘у его матери’ POSS.3SG-GEN — литер. *мумизлэн/мумыезлэн*, *Мумизлэсь* ‘от его матери’ POSS.3SG-AVL — литер. *мумизлэсь/мумыезлэсь*, *Мумизлы́* ‘его матери’ POSS.3SG-DAT — литер. *мумизлы́/мумыезлы́*, *Мумидлэн* ‘у твоей матери’ POSS.2SG-GEN — литер. *мумидлэн/мумыедлэн*. Аналогичные формы зафиксированы Л. Л. Карповой в современных говорах северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 175].

Своеобразие данных лексем заключается в том, что в именительном падеже в непосессивной форме эти имена существительные имеют конечную *-и* (*айи*, *муми*), т. е. *-и* в данном случае фактически является конечным гласным основы. Это подтверждают и соответствия словаря [Wichmann 1987], ср.: *tutɨ* (G, U), *tuti* (G), *tuti* (M, J, MU) ‘самка (животных); мать’; *tutiε* (G) ‘моя мать’; *tutiz ajiz* (G) ‘его мать и отец’ [Wichmann 1987: 165]. По мнению С. А. Максимова, гласный *-и* в подобного рода словах является уменьшительно-ласкательным суффиксом. «Возникнув как уменьшительно-ласкательная форма для обращения к матери (...), слово *муми* впоследствии стало употребляться и в функции названия, в которой оно (...) воспринимается не как мама вообще, а моя мама» [Максимов 2013: 211].

3. Падеж

В системе склонения современного удмуртского языка традиционно выделяют 15 падежей, которые по основному значению формально подразделяются на «субъектно-объектные (именительный, винительный, родительный, разделительный, дательный, лишительный, соответственный, творительный) и пространственные (местный, входный, исходный, отдалительный, переходный, предельный, направительный) падежи» [Кондратьева 2011а: 16].

В некоторых говорах удмуртского языка в системе склонения встречаются определенные отклонения от литературных норм, связанные с количественным составом парадигматического ряда. Так, во многих периферийно-южных и отдельных центрально-южных говорах количество падежей сократилось до 12 вследствие замещения адвербиальных, аппроксимативных и в некоторых случаях терминативных форм послеложными конструкциями, например: кркм. *ад'амийос с'аин* ‘в соответствии с людьми, полюдски’ — литер. *адямийосья*; кркм. *гурт пала* ‘в сторону деревни, по направлению к деревне’ — литер. *гуртлань*, *гурт пала*; бтБК. *бакча дыроз'* ‘до огородов’ — литер. *бакчаозь* и др. [Кельмаков 2006: 117—118]. При этом уменьшение количества падежей сегодня в целом наблюдается как в удмуртском, так и в коми языке. В основном это происходит за счет сокращения пространственных падежей, поскольку «выражение локализации и топологических характеристик ориентира берут на себя реляционные имена (...), основы серийных послелогов, а также серийные показатели локализации, процесс образования которых идет достаточно интенсивно» [Усачёва 2011: 270]. Несмотря на это, в отдельных диалектах удмуртского языка (в бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 184; Люкина 2016: 72—74], среднечепецком и нижнечепецком диалектах северного наречия [Карпова 2018: 187]) количество падежей возросло до 21, что связано «с возникновением серии вторичных локальных падежей с показателем *-и'*, развившихся из послелогов с основой *дин'* ‘у, около, при, возле’» [Карпова 2018: 187].

Падежная система языка анализируемого памятника в целом довольно близка литературной, однако в ней присутствуют некоторые особенности, которые мы подробно опишем ниже при рассмотрении падежных маркеров, представленных в тексте памятника [Закон Божий].

3.1. Форма существительных в **именительном падеже** (номинатив) в памятнике, как и в удмуртском литературном языке, характеризуется нулевым аффиксом в обоих склонениях⁴, например:

— простое склонение:

дыды́к-θ ‘голубь’ — литер. *дыдык*, *кышномурт-θ* ‘женщина’ — литер. *кышномурт*, *нунáл-θ* ‘день’ — литер. *нунал*; *аръёс-θ* ‘годы’ PL — литер. *аръёс*, *муртъёс-θ* ‘люди’ PL — литер. *муртъёс*, *ныльёс-θ* ‘девочки’ PL — литер. *ныльёс*;

— притяжательное склонение:

Пие-θ ~ *Пи́е-θ* ‘мой сын’ POSS.1SG — литер. *пие*, *нимы́д-θ* ‘твое имя’ POSS.2SG — литер. *нимыд*, *селькё́з-θ* ‘его грех’ POSS.3SG — литер. *сьо́лыкес*; *ужъёсы́з-θ* ‘его дела’ PL-POSS.3SG — литер. *ужъёсыз*; *Имармы́-θ* ‘наш бог’ POSS.1PL — литер. *имармы*, *нылзы́-θ* ‘их дочь’ POSS.3PL — литер. *нылзы*; *юрттисъёсмý-θ* ‘наши помощники’ PL-POSS.1PL — литер. *юрттисъёсмý*, *пиналь-ёссы́-θ* ‘их дети’ PL-POSS.3PL — литер. *пинальёссы* и др.

3.2. Показателями **винительного падежа** (аккузатив) в современном удмуртском языке являются различные аффиксы. Для форм единственного числа характерны такие маркеры, как *-эз/-ез*, *-э/-е*, *-эс/-ес* и нулевой показатель. Для выражения аккумулятивных форм множественного числа используются два синонимичных маркера *-ты* и *-ыз* (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 36—46]). Аналогичные показатели представлены в тексте [Закон Божий]:

— простое склонение:

1) *-эз/-ез*:

гурэ́зэз ‘гору’ ACC — литер. *гурезез*, *кышномуртэ́з* ‘женщину’ ACC — литер. *кышномуртэз*, *чиньы́эз* ‘палец’ ACC — литер. *чиньыез* и др.

2) нулевой показатель:

кыл-θ ‘слово’ ACC — литер. *кыл*, *сйль-θ* ‘мясо’ ACC — литер. *сйль*, *сюсьты́л-θ* ‘восковую свечу’ ACC — литер. *сюсьтыл* и др.

3) *-ты*:

кыльё́сты ‘слова’ PL-ACC — литер. *кыльёсты*/*кыльёсыз*, *муртъё́сты* ‘людей’ PL-ACC — литер. *муртъёсты*/*муртъёсыз*, *синтэмъё́сты* ‘слепых’ PL-ACC — литер. *синтэмъёсты*/*синтэмъёсыз* и др.

— притяжательное склонение:

1) *-э/-е*:

лулме́ ~ *лулмэ́* ‘мою душу’ POSS.1SG-ACC — литер. *лулме*, *кидэ́* ‘твою руку’ POSS.2SG-ACC — литер. *кидэ*, *пиналзэ́* ‘его ребенка’ POSS.3SG-ACC — литер. *пиналзэ*;

родняосмэ́ ‘моих родственников’ PL-POSS.1SG-ACC — литер. *родняосме*, *чиньыостэ́* ‘твои пальцы’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *чиньыостэ*, *емышьё́ссэ́* ‘его плоды’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *емышьёссэ* и др.

2) *-эс/-ес*:

йырмес ‘нашу голову’ POSS.1PL-ACC — литер. *йырмес*, *дйсьсэ́с* ‘их одежду’ POSS.3PL-ACC — литер. *дйсьсэс*;

селькё́смэс ‘наши грехи’ PL-POSS.1PL-ACC — литер. *сьо́лыкё́смес*, *селькё́стэс* ‘ваши грехи’ PL-POSS.2PL-ACC — литер. *сьо́лыкё́стэс*, *пунэмъё́ссэс* ‘их долги’ PL-POSS.3PL-ACC — литер. *пунэмъёссэс* и др.

Из приведенных выше примеров видим, что из двух дублетных маркеров для выражения аккумулятивных форм множественного числа в памятнике используется вариант *-ты*. Данный маркер на сегодняшний день характерен для севернoudмуртских диалектов [Карпова 2018: 186], бесермянского наречия [Тепляшина 1970: 174—176; Люкина 2016: 76], отчасти встречается в срединных говорах: прикильмезских [Загуляева 1980: 105], средневосточных [Бушмакин 1971: 212]. В говорах южного наречия и южной части срединных говоров, напротив, в подобных формах используется показатель *-ыз* [Кельмаков 2006: 119].

⁴ «В удмуртском языке различаются два вида склонения: простое и притяжательное (склонение имен существительных с притяжательными суффиксами)» [ГСУЯ 1962: 86].

По мнению ученых, аккумулятивные форманты множественного числа *-ты* и *-ыз*, функционирующие в современном удмуртском языке и его диалектах, восходят к прапермскому периоду [Кондратьева 2011в: 118], поскольку параллельно с литературным суффиксом аккумулятива *-ӧс* (*кӧинъяс-ӧс* ‘волков’), используемого в формах единственного и множественного чисел, в диалектах коми языка функционируют и *т*-овые формы, например: в удорском — *-тӧ*, *-дӧ* (*вӧвйӧс-тӧ* ~ *вӧвйӧс-дӧ* ‘коней’ [Кельмаков 2006: 120]), ижемском — *-тэ* (*мийантэ* ‘нас’, *тийантэ* ‘вас’ [Сахарова, Селькова 2019: 65]), нижневичегодском — *-те* (*mijante, tijante* [Серебренников 1963: 41]).

3.3. Маркером **родительного падежа** (генитив) в тексте [Закон Божий], как и в современном удмуртском языке, является суффикс *-лэн*:

— простое склонение:

адямилэн ‘у человека’ GEN — литер. *адямилэн*, *толэзьлэн* ‘у месяца’ GEN — литер. *толэзьлэн*, *шайтанлэн* ‘у черта’ GEN — литер. *шайтанлэн*; *калыкӧслэн* ‘у народов’ PL-GEN — литер. *калыкӧслэн*, *оскисьӧслэн* ‘у верующих’ PL-GEN — литер. *оскисьӧслэн*, *пуослэн* ‘у деревьев’ PL-GEN — литер. *пуослэн*;

— притяжательное склонение:

Мумидлэн ‘у твоей матери’ POSS.2SG-GEN — литер. *мумьедлэн*, *родняезлэн* ‘у его родни’ POSS.3SG-GEN — литер. *родняезлэн*; *Инмармылэн* ‘у нашего бога’ POSS.1PL-GEN — литер. *инмармылэн*; *начальникӧссылэн* ‘у их начальников’ PL-POSS.3PL-GEN — литер. *начальникӧссылэн* и др.

3.4. **Разделительный падеж** (аблатив) в удмуртском литературном языке и в большинстве его диалектов оформляется аффиксом *-лэсь*. Подобный маркер используется и в рассматриваемом нами письменном источнике:

— простое склонение:

Ныллэсь ‘от девы’ ABL — литер. *ныллэсь*, *пулэсь* ‘от дерева’ ABL — литер. *пулэсь*, *селькылэсь* ‘от греха’ ABL — литер. *сьӧлыкылэсь*; *калыкӧслэсь* ‘от народов’ PL-ABL — литер. *калыкӧслэсь*, *пересьӧслэсь* ‘от стариков’ PL-ABL — литер. *пересьӧслэсь*, *ужӧслэсь* ‘от дел’ PL-ABL — литер. *ужӧслэсь*;

— притяжательное склонение:

кулэмезлэсь ‘от его смерти’ POSS.3SG-ABL — литер. *кулэмезлэсь*; *братӧсылэсь* ‘от моих братьев’ PL-POSS.1SG-ABL — литер. *братӧсылэсь*, *муртӧсыдлэсь* ‘от твоих людей’ PL-POSS.2SG-ABL — литер. *муртӧсыдлэсь*, *дышетскысьӧсызлэсь* ‘от его учеников’ PL-POSS.3SG-ABL — литер. *дышетскысьӧсызлэсь*; *басьтэмдылэсь* ‘от вашего получения’ POSS.2PL-ABL — литер. *басьтэмдылэсь*; *селькысьӧсылэсь* ~ *селькысьӧсылэсь* ‘от наших грехов’ PL-POSS.1PL-ABL — литер. *сьӧлыкысьӧсылэсь*, *селькысьӧссылэсь* ‘от их грехов’ PL-POSS.3PL-ABL — литер. *сьӧлыкысьӧссылэсь* и др.

3.5. Показателем **дательного падежа** (датив) в современном удмуртском языке является суффикс *-лы*. Данный маркер для выражения датива представлен и в тексте памятника:

— простое склонение:

адямилы ‘человеку’ DAT — литер. *адямилы*, *Инмарлы* ‘богу’ DAT — литер. *инмарлы*, *луллы* ‘душе’ DAT — литер. *луллы*; *висисьӧслы* ‘больным’ PL-DAT — литер. *висисьӧслы*, *начарьӧслы* ‘бедным’ PL-DAT — литер. *начарьӧслы*, *пудо-животьӧслы* ‘животным’ PL-DAT — литер. *пудо-животьӧслы*;

— притяжательное склонение:

законэдлы ‘твоему закону’ POSS.2SG-DAT — литер. *законэдлы*, *Пиезлы* ~ *Пиезлы* ‘его сыну’ POSS.3SG-DAT — литер. *пиезлы*; *дышетскысьӧсызлы* ‘его ученикам’ PL-POSS.3SG-DAT — литер. *дышетскысьӧсызлы*; *мугормылы* ‘нашему телу’ POSS.1PL-DAT — литер. *мугормылы*, *Нылзылы* ‘их дочери’ POSS.3PL-DAT — литер. *нылзылы*; *лульӧссылы* ‘их душам’ PL-POSS.3PL-DAT — литер. *лульӧссылы* и др.

3.6. **Творительный падеж** (инструменталь) в современном удмуртском языке оформляется различными маркерами: *-эн/-ен*; *-ын*; *-ин*; *-эны/-ены*-, *-ыны*-, *-ины*- (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 120—121]). Аналогичные аффиксы встречаются и в анализируемом памятнике:

— простое склонение:

1) *-эн/-ен*:

киросэн ‘крестом’ INS — литер. *киросэн*, *кортчогэн* ‘гвоздем’ INS — литер. *кортчоген*, *чиньыён* ‘пальцем’ INS — литер. *чиньыен* и др.

2) **-ын**⁵:

кускы́н ‘поясницей’ INS — литер. *кускын*, *сюлмы́н* ‘сердцем’ INS — литер. *сюлмын*, *тöлы́н* ‘ветром’ INS — литер. *тöлын*;
еврейёсы́н ‘евреями’ PL-INS — литер. *еврейёсын*, *кыльёсы́н* ‘языками’ PL-INS — литер. *кыльёсын*,
оскысьёсы́н ‘верующими’ PL-INS — литер. *оскысьёсын* и др.

3) **-ин**:

уй́н ‘ночью’ INS — литер. *уйин*.

— притяжательное склонение:

1) **-эны/-ены-**:

киросэны́д ‘твоим крестом’ INS-POSS.2SG — литер. *киросэныд*, *юрттэмены́з* ‘его помощью’ INS-POSS.3SG — литер. *юрттэменыз*;
вöсяськеменымы́ ‘нашими молениями’ INS-POSS.1PL — литер. *вöсяськеменымы*, *кылу́кымтэенызы́* ‘их слушанием’ INS-POSS.3PL — литер. *кылу́кымтэенызы* и др.

2) **-ыны-**:

кыны́д ‘твоей рукой’ INS-POSS.2SG — литер. *кыныд*, *нимыны́з* ‘его именем’ INS-POSS.3SG — литер. *нимыныз*;
емышьёсыны́з ‘его плодами’ PL-INS-POSS.3SG — литер. *емышьёсыныз*;
кынымы́ ‘нашей рукой’ INS-POSS.1PL — литер. *кынымы*, *визьмынызы́* ‘их умом’ INS-POSS.3PL — литер. *визьмынызы* и др.

3.7. Морфологическим показателем **лишительного падежа** (абессив) в памятнике [Закон Божий], как и в современном удмуртском языке и его диалектах, является суффикс **-тэк**:

— простое склонение⁶:

Инмартэ́к ‘без бога’ ABE — литер. *инмартэк*, *мугортэ́к* ‘без тела’ ABE — литер. *мугортэк*,
сelyктэ́к ‘без греха’ ABE — литер. *сьöлыктэк*.

3.8. **Соответственный падеж** (адвербиаль) в памятнике, подобно формам удмуртского литературного языка, оформляется маркером **-я**, ср.:

— простое склонение:

кулэ́я ‘по необходимости’ ADV — литер. *кулэя*;

— притяжательное склонение:

косэме́зья ‘по его велению’ POSS.3SG-ADV — литер. *косэмезья*, *сиземе́зья* ‘согласно его обещанию’ POSS.3SG-ADV — литер. *сйэмезья*.

3.9. Маркерами **местного падежа** (инессив) в удмуртском литературном языке являются суффиксы **-ын**, **-н**, **-а/-я-**, **-лан**, нулевой показатель (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 152—154]). Практически все эти показатели встречаются и в тексте памятника:

— простое склонение:

1) **-ын**:

инмы́н ‘в небе’ INE — литер. *инмын*, *кары́н* ‘в городе’ INE — литер. *карын*, *шуры́н* ‘в реке’ INE — литер. *шурын* и др.

2) **-н**:

корка́н ‘в доме’ INE — литер. *коркан*.

⁵ Согласно [ГСУЯ 1962], *ы*-овые варианты морфологических показателей творительного падежа в единственном числе употребляются в удмуртском языке с отдельными группами имен существительных. «К ним относятся: 1) имена существительные, обозначающие части организма человека или других живых существ (*йырын* ‘головой’ и т. д.); 2) имена существительные, обозначающие лиц по родству (*выныныз* ‘своим братом’ и т. д.); 3) имена существительные, обозначающие неотъемлемую часть некоторых предметов (*пурт ныдын* ‘черенком ножа’ и т. д.)» [ГСУЯ 1962: 101]. Однако в тексте памятника [Закон Божий] в двух случаях на месте предполагаемого маркера с *ы*-овой огласовкой употребляется показатель **-эны-**, ср.: *Мугорэны́з-Вирзэ́* ‘его кровь с телом’ INS-POSS.3SG POSS.3SG-ACC — литер. *мугорыныз вирзэ*, *тусэны́з-ик* ‘его же обликом’ INS-POSS.3SG — литер. *тусыныз ик*.

⁶ Абессивные формы в притяжательном склонении в памятнике не зафиксированы.

— притяжательное склонение:

1) **-а/-я-**:

азбарáз ‘в его дворе’ INE-POSS.3SG — литер. *азбараз*;

чыртыямьí ‘на нашей шее’ INE-POSS.1PL — литер. *чыртыямы, каразы* ‘в их городе’ INE-POSS.3PL — литер. *каразы* и др.

2) нулевой показатель:

корка́-ø-з ‘в его доме’ INE-POSS.3SG — литер. *корказ*.

Кроме перечисленных выше маркеров, в памятнике для выражения инессивных форм употребляется показатель **-ин**, который соответствует аффиксу **-ын** современного удмуртского языка, ср.:

вöсьськоннiн ‘в молельне’ INE — литер. *вöсьськонниын*;

дуннеiн ‘в мире’ INE — литер. *дуннеын*;

Евангелияиин ‘в евангелии’ INE — литер. *евангелиын* (< рус. *евангелие*);

молитвайиин ‘в молитве’ INE — литер. *молитваын*;

пононнiн ‘в месте для складывания’ INE — литер. *пононниын*⁷.

Формант **-ин** для выражения местного падежа, насколько нам известно, не встречается ни в одном из современных удмуртских диалектов. Также отметим, что во всех приведенных случаях *и*-овый вариант инессивного показателя присоединяется к основам, оканчивающимся на гласный. При этом к основам с конечным согласным в памятнике присоединяется *ы*-овый вариант этого показателя. Исходя из этого, можно предположить, что употребление *и*-овых и *ы*-овых вариантов маркера местного падежа в данном случае, скорее всего, объясняется орфографическими нормами⁸ текста [Закон Божий].

3.10. **Входный падеж** (иллатив) имен существительных в современном удмуртском языке оформляется суффиксами **-е/-э**, **-ы**, **-а/-я-**, **-ла** и нулевым показателем (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 161—164]). Подобные маркеры, хотя и не все, представлены и в тексте [Закон Божий]:

— простое склонение:

1) **-е/-э**⁹:

гуэ́ ‘в яму’ ILL — литер. *гуэ, инме́ ~ инме ~ инмэ́* ‘в небо’ ILL — литер. *инме, карэ́* ‘в город’ ILL — литер. *каре* и др.

2) нулевой показатель:

корка́-ø ‘в дом’ ILL — литер. *корка*.

— притяжательное склонение:

1) **-а/-я-**:

кымыса́д ‘на твой лоб’ ILL-POSS.2SG — литер. *кымысад, кiя́з ~ кiяз* ‘в его руку’ ILL-POSS.3SG — литер. *кiяз*;

пельпумьёса́д ‘на твои плечи’ PL-ILL-POSS.2SG — литер. *пельпумьёсад*;

гадямы́ ~ гадьямы́ ‘на нашу грудь’ ILL-POSS.1PL — литер. *гадямы, гiдазы́* ‘в их хлеб’ ILL-POSS.3PL — литер. *гiдазы*;

пельпумьёса́мы ‘на наши плечи’ PL-ILL-POSS.1PL — литер. *пельпумьёсамы* и др.

⁷ В двух словоформах *вöсьськоннiн* ‘в молельне’ INE — литер. *вöсьськонниын* и *пононнiн* ‘в месте для складывания’ INE — литер. *пононниын* в памятнике мы наблюдаем выпадение конечной *и* основы перед маркерами пространственных падежей, ср. также *вöсьськонне́* ‘в молельню’ ILL — литер. *вöсьськонние* (но *вöсьськоннилэ́н* ‘у молельни’ GEN — литер. *вöсьськоннилэн, вöсьськоннизы́* ‘их молельня’ POSS.3PL — литер. *вöсьськоннизы*). Аналогичное явление, при котором «в словах с конечным *-н’и* почти во всех местных падежах перед падежным аффиксом выпадает гласный *и*» [Максимов 2018б: 272—273], зафиксировано в современном среднечепецком диалекте удмуртского языка. Отметим также, что маркер *-н’и*, который присоединяется к отглагольным существительным на *-(о)н* и тем самым образует новые слова с местным значением, является весьма продуктивным суффиксом, широко распространенным в говорах северного и бесермянского наречия, а также в шарканском говоре средневосточного диалекта. При этом в последнее время наблюдается тенденция внедрения подобных форм, первоначально считавшихся исключительно диалектными словами, в литературный язык.

⁸ Орфографические нормы, возможно, основаны на следующем фонетическом явлении: после гласной основы перед гласным показателя местного падежа появляется вставочный звук *й*, который приводит к частичной продвижке вперед гласного *-ы* (превращая его в звук, промежуточный между *ы* и *и*).

⁹ В одном случае данный показатель используется в соответствии с литер. *-ы*: *нунальёсэ́ ~ нунальёсэ́* ‘в дни’ PL-ILL — литер. *нунальёсы*.

2) нулевой показатель:

корка-0-з 'в его дом' ILL-POSS.3SG — литер. *корказ*.

Кроме этого, в тексте памятника встречаются несколько словоформ с аффиксом *-не*, которые соответствуют в современном удмуртском языке сочетаниям существительного в номинативе с послелогом *доры* 'к, ко (посл. на вопрос куда?)', но при этом в целом, как и входный падеж литературно языка, обозначают направление движения:

Архиерейнэ ~ *Архиерейне* 'к архиерею' 2ILL — литер. *архиерей доры*, *Архиерейснэ* 'к архиереям' PL-2ILL — литер. *архиерейс доры*;
калыкъёснэ 'к народам' PL-2ILL — литер. *калыкъёс доры*;
начальникъёснэ 'к начальникам' PL-2ILL — литер. *начальникъёс доры*.

В данном случае в памятнике представлены формы вторичных пространственных падежей, а именно **приблизительного иллатива** «с приметой *-н'* (< *дин'* 'у, около, при, возле'), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (*-лан'*)» [Кельмаков 2006: 118]. Большинство ученых для обозначения этих форм употребляет термин «приблизительно-местные» падежи (напр., [Тепляшина 1981: 287; Кельмаков 2006: 118; Карпова 2018: 178]). С. А. Максимов считает, что такое наименование не раскрывает полностью содержание вторичных пространственных падежей удмуртского языка и предлагает назвать их «жилищно-местными», поскольку «они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо, и т. д.» [Максимов 2018а: 34].

На сегодняшний день формы вторичных пространственных падежей отмечены в бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 184; Люкина 2016: 72—74], а также в среднечепецком [Карпова 2005: 62; 2018: 178] и нижнечепецком [Тепляшина 1981: 285—286; Карпова 2018: 178] диалектах северного наречия удмуртского языка. Функционирование подобных иллативных форм зафиксировано в глазовском диалекте и Ю. Вихманном, ср.: *tumizhē (no) ajižhē* (G) 'к ее матери и ее отцу' [Wichmann 1987: 165].

По мнению большинства ученых, элемент *-н'* показателей вторичных пространственных падежей возник в удмуртском языке «на базе послелогов с основой *дин'* 'у, около, при, возле', которая, в свою очередь, возникла от имени существительного *дин'* 'основание, комель; близость, околица» [Карпова 2018: 179]. Несмотря на то, что в диалектах коми-пермяцкого языка также зафиксированы формы вторичных пространственных падежей [Баталова 1975: 138—141], большинство ученых считает, что в пермских языках они возникли в период самостоятельного развития каждого из языков [Некрасова 2002: 103—111; Кондратьева 2011в: 23; Максимов 2018а: 44].

3.11. Морфологическими маркерами **исходного падежа** (элатив) в современном удмуртском языке являются аффиксы *-ысь*, *-сь*, *-ысьты/-сьты-*, *-лась* (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 176—178]). В памятнике [Закон Божий] встречаются лишь два показателя *-ысь* и *-ысьты-*:

— простое склонение:

вубысь 'из воды' ELA — литер. *вубысь*, *инмысь* 'с неба' ELA — литер. *инмысь*, *садысь* ~ *садысь* 'из сада' ELA — литер. *садысь*;
гурезьёсысь 'с гор' PL-ELA — литер. *гурезьёсысь*;

— притяжательное склонение:

кулэмысьтым 'из-за моей смерти (досл. из моей смерти)' ELA-POSS.1SG — литер. *кулэмысьтым*,
яратэмысьтыз 'из-за его любви (досл. из его любви)' ELA-POSS.3SG — литер. *яратэмысьтыз*;
сelyкамьсьтыды 'из-за вашего согрешения (досл. из вашего согрешения)' ELA-POSS.2PL — литер. *сьöлыкамьсьтыды*, *гробысьтызы* 'из их гроба' ELA-POSS.3PL — литер. *гробысьтызы* и др.

В четырех случаях элативные суффиксы *-ысь* и *-ысьты-* выступают в *и*-овой огласовке, ср.:

Армафеаись 'из Аримафеи' ELA — литер. *Армафеаись*;
мъстайсь-ик 'из места же' ELA — литер. *местайсь-ик*;
райсь 'из рая' ELA — литер. *райсь*;
кулымтэысьтыз 'из его бессмертия' ELA-POSS.3SG — литер. *кулымтэысьтыз*.

В современных диалектах удмуртского языка отмечены оба варианта этих суффиксов. Считается, что для говоров северной диалектной зоны, которая охватывает севернoudмуртские говоры, бесермян-

ское наречие и часть срединных говоров, характерны *ы*-овые варианты элативных маркеров, в то время как аффиксы с *и*-овой инициалью свойственны южной диалектной зоне, в которую входит южное наречие и часть срединных говоров [Кельмаков 2006: 121]. При этом общепринято мнение, согласно которому «южноудмуртские формы на *-и*- имеют вторичное происхождение из более ранних форм на *-ы*- под влиянием последующего палатального согласного *с'*» [Кельмаков 2006: 122].

Стоит также заметить, что во всех приведенных словоформах с *и*-овой инициалью показателя исходного падежа, как и в случае с инессивным аффиксом *-ин*, маркеры *-ись* и *-исьты*- присоединяются к основам с конечной гласной, в то время как показатели *-ысь-* и *-ысьты-*, за исключением одной словоформы *вуйсь*¹⁰ ‘из воды’, присоединяются к основам, оканчивающимся на согласный (16 случаев). Поэтому, вероятно, в данном случае в памятнике также представлена определенная орфографическая норма.

3.12. Показателями **отдалительного падежа** (эгрессив) в современном удмуртском языке являются маркеры *-ысен/-сен*, *-ысены/-сены-*, *-ласен* (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 186—188]). В тексте памятника эгрессивные формы употребляются не часто: нам удалось выявить всего четыре словоформы. Все они оформлены суффиксом *-ысен*:

— простое склонение¹¹:

азьысён ‘с места’ EGR — литер. *азьысен*, *Иерусалимысён* ‘от Иерусалима’ EGR — литер. *Иерусалимысен*, *кылдэмысён* ‘с момента возникновения’ EGR — литер. *кылдэмысен*, *понедельникысён* ‘с понедельника’ EGR — литер. *понедельникысен*.

3.13. **Переходный падеж** (пролатив) в современном удмуртском литературном языке оформляется маркерами *-етй/-этй*, *-ытй*, *-тй* (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 194—196]). Для диалектов удмуртского языка характерны морфонологические варианты этих суффиксов. Так, например, в среднечепецком диалекте удмуртского языка Л. Л. Карпова выделяет следующие пролативные показатели: «*-(ы/ь)т'и* (~ *-(й)ы/ьт'и*), *-(э)т'и* (~ *-(й)эт'и*), *-(э)т'* (~ *-(й)эт'*), *-(ы/ь)т'* (~ *-(й)ы/ьт'*), *-(ы/ь)ки* (~ *-(й)ы/ьки*) — употребление которых не совсем одинаково в говорах. В ярском и глазовском говорах обнаруживаются все варианты показателя данного падежа, юкаменскому говору свойственно в основном функционирование вариантов *-(ь)т'и* (~ *-(й)ьт'и*), *-(э)т'и* (~ *-(й)эт'и*), в бalezинском говоре отмечается наличие вариантов *-(ы)т'и* (~ *-(й)ыт'и*), *-(э)т'и* (~ *-(й)эт'и*), например: яр. гл. *бакча(й)ыт'и* (~ *бакчат'и*) ~ *бакча(й)эт'и* ~ *бакча(й)ыт'* (~ *бакча(й)эт'*) ~ *бакчаки* ‘по огороду’; бал. *бакча(й)ыт'и* (~ *бакчат'и*) ~ *бакча(й)эт'и* ‘по огороду’» [Карпова 2018: 188].

В тексте [Закон Божий] показателями пролатива являются суффиксы:

— притяжательное склонение¹²:

1) *-ети-*:

мъстаетйз ‘по его месту’ PROL-POSS.3SG — литер. *местаетйз*.

2) *-ыти-*:

интйосытйз ‘по его местам’ PL-PROL-POSS.3SG — литер. *интыостйз*.

Несмотря на то, что в тексте памятника встречаются лишь два примера, видим, что представленные здесь маркеры *-ети-* и *-ыти-*, в отличие от литературных вариантов, имеют мягкий согласный *т*, который характерен для современных среднечепецких и нижнечепецких говоров северного наречия [Карпова 2018: 188] и бесермянского наречия [Тепляшина 1970: 196—198]. В центрально-южном и периферийно-южном диалектах, а также в срединных говорах удмуртского языка согласный *т* не смягчается.

Также отметим, что показателем имен существительных в форме пролатива множественного числа в современном литературном удмуртском языке и в большинстве его диалектов является маркер *-тй* [Кондратьева 2011а: 194]. Однако в памятнике в соответствии с данным показателем функционирует формант *-ыти*. На сегодняшний день аналогичный «вокалический» вариант данного маркера отмечен в некоторых северноудмуртских говорах и бесермянском наречии удмуртского языка [Кельмаков 2006: 123].

¹⁰ Написание в памятнике *вуйсь* вполне закономерно, поскольку после конечного заднерядного гласного *у*, тем более односложного слова, в разговорной речи вставки *й* перед последующим гласным суффикса не происходит.

¹¹ Эгрессивные формы в притяжательном склонении в памятнике не зафиксированы.

¹² Пролативные формы в простом склонении в памятнике не зафиксированы.

Что касается происхождения морфологических маркеров переходного падежа, Н. В. Кондратьева отмечает, что «удмуртский пролативный маркер *-etü/-этү, -yiti, -ti* образовался в общепермский период и, с точки зрения диахронии, состоит из уральского аблатива на **-tV* и финно-угорского латива на **-j*» [Кондратьева 2011в: 101]. Функционирование пролативного маркера *-ti* отмечено и в ряде коми-зырянских диалектов: сыктывкарском, верхневычегодском, верхнесысольском, среднесысольском, печорском и вымском [ССКЗД 1961: 87]. В диалектах коми-пермяцкого языка подобный маркер на данный момент сохранился в основном как реликтовое явление в составе некоторых наречий и послеложных форм (например, *máti* ‘здесь, около нас (проехали)’, *lún börti* ‘через день’ и др.), в качестве самостоятельного маркера переходного падежа на данный момент он функционирует лишь в верхнекамских говорах [Баталова 1975: 156]. Учитывая твердый характер согласного *t* в соответствующем показателе пролатива в диалектах коми языка, уместно предположить, что пролативные варианты с велярным *t* в удмуртском языке были первичными, а в тексте памятника [Закон Божий], как и в современных средне- и нижнечепецких говорах северного наречия и бесермянском наречии, представлены варианты более позднего происхождения.

3.14. **Предельный падеж** (терминатив) имен существительных в современном удмуртском языке выражается суффиксами *-ozь/-ёзь* в случае простого склонения и *-ozя/-ёзя* в парадигме притяжательного склонения. В тексте памятника [Закон Божий] встречается лишь два примера употребления терминативных форм в простом склонении¹³, при этом обе словоформы оформлены суффиксом *-ёзь*:

пересёзь ‘до старости’ TER — литер. *пересёзь, пятницаёзь* ‘до пятницы’ TER — литер. *пятницаозь*.

Выше мы уже упоминали о том, что в отдельных периферийно-южных говорах количество падежей сократилось. Произошло это за счет того, что в этих говорах «значительно реже, чем в литературном языке, употребляется терминатив (*-ozь*), заменяясь эквивалентным сочетанием имени существительного с послелогом *дороз', дыроз'*» [Кельмаков 2006: 118]. Такая тенденция характерна и для северных диалектов удмуртского языка [Карпова, Кондратьева 2014: 33]. Однако в данном случае в тексте памятника [Закон Божий] нам не удалось выявить сочетаний существительного с послелогом, которые бы передавали терминативное значение. Поэтому, вероятно, наличие всего двух словоформ в предельном падеже объясняется отсутствием в данном памятнике семантически подходящих контекстов.

3.15. Имена существительные в **направительном падеже** (аппроксиматив), маркированные показателем *-лань*, в современном удмуртском языке употребляются довольно редко, что объясняется «широкой дистрибутивной нагрузкой послеложных конструкций в данном значении» [Кондратьева 2011а: 205]. Такая тенденция характерна и для диалектов удмуртского языка. Ранее мы уже упоминали, что замещение аппроксимативных форм послеложными конструкциями характерно для большинства говоров периферийно-южного диалекта и некоторых центрально-южных говоров [Кельмаков 2006: 117]. Подобное явление Л. Л. Карпова отмечает и в среднечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка: «Формам аппроксиматива литературного языка со значением направления по месту или времени в диалекте чаще всего соответствуют сочетания существительного в номинативе с послелогом *пала* ‘по направлению к, в сторону’. Процесс ослабления морфологического оформления аппроксиматива в диалекте имеет тенденцию к дальнейшему развитию» [Карпова 2005: 64].

В тексте рассматриваемого памятника, к сожалению, нам не удалось выявить ни форм направительного падежа, оформленных морфологическим маркером *-лань*, ни конструкций с послелогом *пала*, выражающих аналогичное значение. Видимо, это действительно связано с очень низкой дистрибутивной нагрузкой аппроксиматива в современном удмуртском языке и его диалектах.

В таблице 3 в сравнении с литературными показателями представлены падежные маркеры простого склонения, которые были выявлены нами в тексте [Закон Божий]. Морфологические показатели существительных притяжательного склонения в сочетании с лично-притяжательными аффиксами даны в таблицах 4 и 5. Стоит отметить, что порядок следования падежных и лично-притяжательных маркеров в словах не одинаков: посессивные показатели могут стоять как в препозиции, так и постпозиции по отношению к падежным суффиксам. С точки зрения порядка морфем, никаких особенностей в тексте памятника нами не выявлено.

¹³ Терминативные формы в притяжательном склонении в памятнике не зафиксированы.

Таблица 3. Падежные маркеры простого склонения имен существительных

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
номинатив	∅ (190) ¹⁴	∅	∅ (27)	∅
аккузатив	-эз/-ез (57)	-эз/-ез	-ты (17)	-ты/-ды
	∅ (33)	∅		
генитив	-лэн (26)	-лэн	-лэн (9)	-лэн
аблатив	-лэсь (24)	-лэсь	-лэсь (16)	-лэсь
датель	-лы (28)	-лы	-лы (11)	-лы
инструменталь	-эн/-ен (17)	-эн/-ен	-ын (5)	-ын
	-ын (4)	-ын		
	-ин (1)	-ин		
абессив	-тэк (3)	-тэк	не зафиксировано	-тэк
адвербиаль	-я (1)	-я	не зафиксировано	-я
инессив	-ын (12)	-ын	не зафиксировано	-ын
	-ин (5)	-н		
	-н (1)	-лан		
иллатив	-е/-э (18)	-е/-э	не зафиксировано	-ы
	∅ (1)	-ы		
		-ла		
		∅		
приблизительный иллатив	-не (1)	—	-не (3)	—
элатив	-ысь (3)	-ысь	-ысь (1)	-ысь
	-ись (3)	-сь		
		-лась		
эгрессив	-ысен (4)	-ысен/-сен -ласен	не зафиксировано	-ысен
пролатив	не зафиксировано	-етй/-этй	не зафиксировано	-тй
		-ытй		
		-тй		
терминатив	-эзь (2)	-озь/-эзь	не зафиксировано	-озь
аппроксиматив	не зафиксировано	-лань	не зафиксировано	-лань

Таблица 4. Сочетания падежных маркеров с лично-притяжательными аффиксами (формы индивидуального обладателя)

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
номинатив	1	-э/-е-∅ (9)	-э/-е-∅	не зафиксировано	-ы-∅
		-ы-∅ (3)	-ы-∅		
	2	-эд/-ед-∅ (7)	-эд/-ед-∅	не зафиксировано	-ыд-∅
		-ыд-∅ (1)	-ыд-∅		
	3	-эз/-ез-∅ (31)	-эз/-ез-∅	-ыз-∅ (3)	-ыз-∅
		-ыз-∅ (6)	-ыз-∅		
-из-∅ (2)					
аккузатив	1	-м-е(-э) (3)	-м-е	-м-э (2)	-м-е
		-д-э (2)	-д-э		
	2	-т-э (2)	-т-э	-т-э (2)	-т-э
		-з-э (38)	-з-э		
	3	-с-э (10)	-с-э	-с-э (8)	-с-э

¹⁴ Здесь и далее в скобках приведено количество словоформ с указанным падежным показателем, выявленным нами в тексте памятника [Закон Божий].

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
генитив	1	не зафиксировано	-э/-е-лэн -ы-лэн	не зафиксировано	-ы-лэн
	2	-ид-лэн (1)	-эд/-ед-лэн -ыд-лэн	не зафиксировано	-ыд-лэн
	3	-ез-лэн (1) -из-лэн (1)	-эз/-ез-лэн -ыз-лэн	не зафиксировано	-ыз-лэн
аблатив	1	не зафиксировано	-э/-е-лэсь -ы-лэсь	-ы-лэсь (2)	-ы-лэсь
	2	не зафиксировано	-эд/-ед-лэсь -ыд-лэсь	-ыд-лэсь (1)	-ыд-лэсь
	3	-эз/-ез-лэсь (6) -из-лэсь (1)	-эз/-ез-лэсь -ыз-лэсь	-ыз-лэсь (1)	-ыз-лэсь
датив	1	не зафиксировано	-э/-е-лы -ы-лы	не зафиксировано	-ы-лы
	2	-эд/-ед-лы (2)	-эд/-ед-лы -ыд-лы	-ыд-лы (1)	-ыд-лы
	3	-эз/-ез-лы (5) -из-лы (2)	-эз/-ез-лы -ыз-лы	-ыз-лы (3)	-ыз-лы
инструменталь	1	не зафиксировано	-эны/-ены-м -ыны-м -ины-м	не зафиксировано	-ыны-м
	2	-эны/-ены-д (3) -ыны-д (1)	-эны/-ены-д -ыны-д -ины-д	не зафиксировано	-ыны-д
	3	-эны/-ены-з (8) -ыны-з (3) -ины-з (1)	-эны/-ены-з -ыны-з -ины-з	-ыны-з (6)	-ыны-з
абессив	1	не зафиксировано	-э/-е-тэк -ы-тэк	не зафиксировано	-ы-тэк
	2	не зафиксировано	-эд/-ед-тэк -ыд-тэк	не зафиксировано	-ыд-тэк
	3	не зафиксировано	-эз/-ез-тэк -ыз-тэк	не зафиксировано	-ыз-тэк
адвербиаль	1	не зафиксировано	-э/-е-я -ы-я	не зафиксировано	-ы-я
	2	не зафиксировано	-эдъ/-едъ-я -ыдъ-я	не зафиксировано	-ыдъ-я
	3	-езъ-я (2)	-эзъ/-езъ-я -ызъ-я	не зафиксировано	-ызъ-я
инессив	1	не зафиксировано	-а/-я-м -о-м	не зафиксировано	-а-м
	2	не зафиксировано	-а/-я-д -о-д	не зафиксировано	-а-д
	3	-а-з (4) -о-з (1)	-а/-я-з -о-з	не зафиксировано	-а-з
иллатив	1	не зафиксировано	-а/-я-м -о-м	не зафиксировано	-а-м
	2	-а/-я-д (5)	-а/-я-д -о-д	-а-д (1)	-а-д
	3	-а/-я-з (6) -о-з (1)	-а/-я-з -о-з	не зафиксировано	-а-з

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
элатив	1	-ысьты-м (1)	-ысьты-м -сьты-м	не зафиксировано	-ысьты-м
	2	не зафиксировано	-ысьты-д -сьты-д	не зафиксировано	-ысьты-д
	3	-ысьты-з (7) -исьты-з (1)	-ысьты-з -сьты-з	не зафиксировано	-ысьты-з
эгрессив	1	не зафиксировано	-ысены-м -сены-м	не зафиксировано	-ысены-м
	2	не зафиксировано	-ысены-д -сены-д	не зафиксировано	-ысены-д
	3	не зафиксировано	-ысены-з -сены-з	не зафиксировано	-ысены-з
пролатив	1	не зафиксировано	-етй/-этй-м -ытй-м -тй-м	не зафиксировано	-тй-м
	2	не зафиксировано	-етй/-этй-д -ытй-д -тй-д	не зафиксировано	-тй-д
	3	-ети-з (1)	-етй/-этй-з -ытй-з -тй-з	-ыти-з (1)	-тй-з
терминатив	1	не зафиксировано	-озя/-ёзя-м	не зафиксировано	-озя-м
	2	не зафиксировано	-озя/-ёзя-д	не зафиксировано	-озя-д
	3	не зафиксировано	-озя/-ёзя-з	не зафиксировано	-озя-з
аппроксиматив	1	не зафиксировано	-э/-е-лань -ы-лань	не зафиксировано	-ы-лань
	2	не зафиксировано	-эд/-ед-лань -ыд-лань	не зафиксировано	-ыд-лань
	3	не зафиксировано	-эз/-ез-лань -ыз-лань	не зафиксировано	-ыз-лань

Таблица 5. Сочетания падежных маркеров с лично-притяжательными аффиксами (формы коллективного обладателя)

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
номинатив	1	-мы-θ (3)	-мы-θ	-мы-θ (3)	-мы-θ
	2	не зафиксировано	-ды-θ -ты-θ	не зафиксировано	-ты-θ
	3	-зы-θ (15)	-зы-θ -сы-θ	-сы-θ (4)	-сы-θ
аккузатив	1	-м-ес(-эс) (9)	-м-ес	-м-ес (5)	-м-ес
	2	не зафиксировано	-д-эс -т-эс	-т-эс (1)	-т-эс
	3	-з-эс (6) -с-эс (3)	-з-эс -с-эс	-с-эс (5)	-с-эс
генитив	1	-мы-лэн (1)	-мы-лэн	не зафиксировано	-мы-лэн
	2	не зафиксировано	-ды-лэн -ты-лэн	не зафиксировано	-ты-лэн
	3	не зафиксировано	-зы-лэн -сы-лэн	-сы-лэн (1)	-сы-лэн

аблатив	1	<i>-мы-лэсь</i> (1)	<i>-мы-лэсь</i>	не зафиксировано	<i>-мы-лэсь</i>
	2	<i>-ды-лэсь</i> (1)	<i>-ды-лэсь</i> <i>-ты-лэсь</i>	не зафиксировано	<i>-ты-лэсь</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-лэсь</i> <i>-сы-лэсь</i>	<i>-сы-лэсь</i> (1)	<i>-сы-лэсь</i>
датов	1	<i>-мы-лы</i> (5)	<i>-мы-лы</i>	не зафиксировано	<i>-мы-лы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-лы</i> <i>-ты-лы</i>	не зафиксировано	<i>-ты-лы</i>
	3	<i>-зы-лы</i> (2)	<i>-зы-лы</i> <i>-сы-лы</i>	<i>-сы-лы</i> (2)	<i>-сы-лы</i>
инструменталь	1	<i>-ены-мы</i> (1) <i>-ыны-мы</i> (1)	<i>-эны/-ены-мы</i> <i>-ыны-мы</i> <i>-ины-мы</i>	не зафиксировано	<i>-ыны-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-эны/-ены-ды</i> <i>-ыны-ды</i> <i>-ины-ды</i>	не зафиксировано	<i>-ыны-ды</i>
	3	<i>-ены(-эны)-зы</i> (5) <i>-ыны-зы</i> (2)	<i>-эны/-ены-зы</i> <i>-ыны-зы</i> <i>-ины-зы</i>	не зафиксировано	<i>-ыны-зы</i>
абессив	1	не зафиксировано	<i>-мы-тэк</i>	не зафиксировано	<i>-мы-тэк</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-тэк</i> <i>-ты-тэк</i>	не зафиксировано	<i>-ты-тэк</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-тэк</i> <i>-сы-тэк</i>	не зафиксировано	<i>-сы-тэк</i>
адвербиаль	1	не зафиксировано	<i>-мы-я</i>	не зафиксировано	<i>-мы-я</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-я</i> <i>-ты-я</i>	не зафиксировано	<i>-ты-я</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-я</i> <i>-сы-я</i>	не зафиксировано	<i>-сы-я</i>
инессив	1	<i>-я-мы</i> (1)	<i>-а/-я-мы</i> <i>-ø-мы</i>	не зафиксировано	<i>-а-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-а/-я-ды</i> <i>-ø-ды</i>	не зафиксировано	<i>-а-ды</i>
	3	<i>-а/-я-зы</i> (3)	<i>-а/-я-зы</i> <i>-ø-зы</i>	не зафиксировано	<i>-а-зы</i>
иллатив	1	<i>-а/-я-мы</i> (3)	<i>-а/-я-мы</i> <i>-ø-мы</i>	<i>-а-мы</i> (1)	<i>-а-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-а/-я-ды</i> <i>-ø-ды</i>	не зафиксировано	<i>-а-ды</i>
	3	<i>-а-зы</i> (3)	<i>-а/-я-зы</i> <i>-ø-зы</i>	не зафиксировано	<i>-а-зы</i>
элатив	1	не зафиксировано	<i>-ысьты-мы</i> <i>-сьты-мы</i>	не зафиксировано	<i>-ысьты-мы</i>
	2	<i>-ысьты-ды</i> (1)	<i>-ысьты-ды</i> <i>-сьты-ды</i>	не зафиксировано	<i>-ысьты-ды</i>
	3	<i>-ысьты-зы</i> (1)	<i>-ысьты-зы</i> <i>-сьты-зы</i>	не зафиксировано	<i>-ысьты-зы</i>
эгрессив	1	не зафиксировано	<i>-ысены-мы</i> <i>-сены-мы</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ысены-ды</i> <i>-сены-ды</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-ды</i>
	3	не зафиксировано	<i>-ысены-зы</i> <i>-сены-зы</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-зы</i>

пролатив	1	не зафиксировано	<i>-етй/-этй-мы</i> <i>-ытй-мы</i> <i>-тй-мы</i>	не зафиксировано	<i>-тй-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-етй/-этй-ды</i> <i>-ытй-ды</i> <i>-тй-ды</i>	не зафиксировано	<i>-тй-ды</i>
	3	не зафиксировано	<i>-етй/-этй-зы</i> <i>-ытй-зы</i> <i>-тй-зы</i>	не зафиксировано	<i>-тй-зы</i>
терминатив	1	не зафиксировано	<i>-озя/-эзя-мы</i>	не зафиксировано	<i>-озя-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-озя/-эзя-ды</i>	не зафиксировано	<i>-озя-ды</i>
	3	не зафиксировано	<i>-озя/-эзя-зы</i>	не зафиксировано	<i>-озя-зы</i>
аппроксиматив	1	не зафиксировано	<i>-мы-лань</i>	не зафиксировано	<i>-мы-лань</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-лань</i> <i>-ты-лань</i>	не зафиксировано	<i>-ты-лань</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-лань</i> <i>-сы-лань</i>	не зафиксировано	<i>-сы-лань</i>

Выводы

Итак, анализ показал, что в целом текст памятника [Закон Божий] на уровне именной морфологии имеет архаичный характер. В результате рассмотрения основных грамматических категорий имени существительного нам удалось выявить лишь три особенности, посредством которых язык рассматриваемого переводного памятника письменности отличается от современного литературного удмуртского языка, срединных говоров и южного наречия:

- 1) употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термини ближайшего родства (при выражении отношения принадлежности единичного объекта единичному обладателю);
- 2) функционирование форм приблизительного илллатива с аффиксом *-не*;
- 3) оформление имен существительных в форме переходного падежа маркерами *-ети-* и *-ыти-* (с мягким согласным *т*) в соответствии с литературными аффиксами *-етй/-этй*, *-ытй*, *-тй*.

В ходе рассмотрения падежных маркеров имени существительного нам удалось выявить еще одну особенность: в тексте памятника [Закон Божий] параллельно с инессивными и элативными формами, оформленными аффиксами *-ын* и *-ысь*, *-ысьты-* соответственно, функционируют маркеры с *и*-овой инициалью *-ин* и *-ись*, *-исьты-*. При этом *ы*-овые варианты данных суффиксов присоединяются к основам существительных с конечной согласной, а *и*-овые — гласной. Учитывая также тот факт, что инессивные формы, оформленные аффиксом *-ин*, не зафиксированы ни в одном из удмуртских диалектов, а элативные маркеры *-ись* и *-исьты-*, хотя и встречаются в современных удмуртских говорах, но для северноудмуртских диалектов не характерны, а кроме того, имеют более позднее происхождение по сравнению с *ы*-овыми вариантами [Кельмаков 2006: 122], уместно предположить, что, вероятнее всего, данная особенность связана с орфографическими нормами текста памятника [Закон Божий].

Итак, результаты анализа языкового материала данного памятника письменности на уровне именной морфологии не противоречат нашей гипотезе относительно диалектной основы перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык, поскольку все выявленные особенности, в первую очередь инновационного характера, на основе которых мы можем судить о диалектной принадлежности памятника (образование форм множественного числа от основ с финальной гласной с помощью суффикса *-ос*, функционирование форм приблизительного илллатива с аффиксом *-не*, оформление пролативных форм показателями с мягким согласным *т*), представлены в современных говорах северного наречия удмуртского языка, к которому относится и среднечепецкий диалект.

Сокращения

Языки и диалекты

бал. — бalezинский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка

бт. — буйско-таньпский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка

бтБК. — буйско-таньпский говор деревни Большой Качак (Калтасинский район Башкортостана)

гл. — глазовский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка
 кркм. — кырыкмасские говоры центрально-южного диалекта удмуртского языка
 рус. — русский язык
 татш. — татышлинский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
 яр. — ярский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка

диалекты по [Wichmann 1987]:

G — глазовский диалект
 J — елабужский диалект
 M — малмыжский диалект
 MU — малмыжско-уржумский диалект
 U — уфимский диалект

Г л о с с ы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	ILL — иллатив
ABE — абессив	2ILL — приблизительный иллатив
ABL — аблатив	INE — инессив
ACC — аккумулятив	INS — инструменталис
ADV — адвербиаль	PL — множественное число
DAT — датив	POSS — посессивный показатель
EGR — эгрессив	PROL — пролатив
ELA — элатив	SG — единственное число
GEN — генитив	TER — терминатив

О б щ и е

диал. — диалект, диалектный
 литер. — литературная форма, литературный язык
 посл. — послелог

Л и т е р а т у р а

- Баталова 1975 — *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. {*Batalova R. M.* Komi-Permian Dialectology. Moscow, 1975.}
- Безенова, Кондратьева 2019 — *Безенова М. П., Кондратьева Н. В.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // Урало-алтайские исследования. 2019, 3 (34). С. 7—52. {*Bezenova M. P., Kondratieva N. V.* The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Graphics, Spelling, and Phonetics // Ural-Altai Studies. 2019, 3 (34). P. 7—52.}
- Бушмакин 1971 — *Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. {*Bushmakin S. K.* Phonetic and Morphological Features of Middle Eastern Dialects of the Udmurt Language. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu, 1971.}
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Отв. ред. *П. Н. Перевоицков*. Ижевск, 1962. {Grammar of the Modern Udmurt Language: Phonetics and Morphology. Izhevsk, 1962.}
- Загуляева 1980 — *Загуляева Б. Ш.* Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // Fenno-Ugristica 6. Тарту, 1980. С. 103—110. {*Zagulyaeva B. Sh.* Morphological Features of the Prikilmez Dialects of the Udmurt Language // Fenno-Ugristica 6. Tartu, 1980. P. 103—110.}
- Закон Божий — Закон божий: Книжка с картинками для маленьких детей на вотском языке глазовского наречия. Часть I. Казань, 1912. {God’s Law: A Book with Pictures for Young Children in the Votyak Language of the Glazov Dialect. Part I. Kazan, 1912.}
- Карпова 2005 — *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. {*Karpova L. L.* The Middle-Cheptsä Dialect of the Udmurt language: Speech Samples. Izhevsk, 2005.}
- Карпова 2018 — *Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. {*Karpova L. L.* Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current Status. Dis. ... Ph. D. of Philol. Sci. Izhevsk, 2018.}
- Карпова, Кондратьева 2014 — *Карпова Л. Л., Кондратьева Н. В.* Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты // Финно-угорский мир. 2014, 3 (20). С. 24—31. {*Karpova L. L., Kondratieva N. V.* The system of Spatial Cases in Modern Udmurt: Literary Language vs Dialects // Finno-Ugric World. 2014, 3 (20). P. 24—31.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kelmakov V. K.* Short Course of Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Educational Institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}

Кондратьева 2011а — *Кондратьева Н. В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V.* Category of the Nominative Case in the Udmurt Language. Izhevsk, 2011.}

Кондратьева 2011б — *Кондратьева Н. В.* Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2011. {*Kondratyev N. V.* Variation of Nouns in the Udmurt Language (Grammatical Categories of Case and Number). Abstract of dis. ... Ph. D. of Philol. Sci. Izhevsk, 2011.}

Кондратьева 2011в — *Кондратьева Н. В.* Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyev N. V.* The Formation of the Case System in the Udmurt Language. Izhevsk, 2011.}

Лыткин 1931 — *Лыткин В. И.* К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сб. статей. Вып. II. Москва, 1931. С. 101—111. {*Lytkin V. I.* On the Origin of the Plural Suffix “jos” in Udmurt // On Udmurt Topics: Collection of Articles. Vol. II. Moscow, 1931. P. 101—111.}

Люкина 2016 — *Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016. {*Liukina N. M.* Phonetic and Morphological Features of Lekma and Yunda Besermyans Languages. Izhevsk, 2016.}

Максимов 2013 — *Максимов С. А.* Комментарий к картам: «Мать», «Обращение к матери», «Бабушка — мать отца», «Бабушка — мать матери», «Отец», «Обращение к отцу», «Дедушка — отец отца», «Дедушка — отец матери», «Отчим» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. Науч. издание. Ижевск, 2013. С. 204—258. {*Maksimov S. A.* Commentary on the Maps: “Mother”, “Appeal to the Mother”, “Grandmother — the Father’s Mother”, “Grandmother — the Mother’s Mother”, “Father”, “Appeal to Father”, “Grandfather — the Father’s Father”, “Grandfather — the Mother’s Father”, “Stepfather” // Dialectological Atlas of the Udmurt language: Maps and Comments. Vol. III. Izhevsk, 2013. P. 204—258.}

Максимов 2018а — *Максимов С. А.* Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования // Урало-алтайские исследования. 2018, 1 (28). С. 33—48. {*Maksimov S. A.* Secondary Spatial Cases in the Udmurt Language: Evolution of Research and Terminology, Causes of Formation // Ural-Altaic Studies. 2018, 1 (28). P. 33—48.}

Максимов 2018б — *Максимов С. А.* О пермском словообразовательном суффиксе существительных с локальным значением — удм. *-ñi* / коми *-in* // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. 54. Вып. 4. С. 270—285. {*Maksimov S. A.* About the Perm Word-Forming Suffix of Nouns with Local Meaning — Udm. *-ñi* / Komi *-in* // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54. Issue 4. P. 270—285.}

Некрасова 2002 — *Некрасова Г. А.* Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. {*Nekrasova G. A.* System of L-cases in the Perm Languages: Origin and Semantics. Syktyvkar, 2002.}

Сахарова, Селькова 2019 — *Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. {*Sakharova M. A., Selkov N. N.* Izhemsky Dialect of the Komi Language. Syktyvkar, 1976.}

Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963. {*Serebrennikov B. A.* Historical Morphology of Perm Languages. Moscow, 1963.}

ССКЗД 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. {Comparative Dictionary of Komi-Zyryan Dialects. Syktyvkar, 1961.}

Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970. {*Tepliashina T. I.* The Language of the Besermyans. Moscow, 1970.}

Тепляшина 1981 — *Тепляшина Т. И.* О новых удмуртских падежах // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Turku 20.—27. VIII. 1980 Turku, 1981. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morfologica, syntactica et semantic. С. 285—292. {*Tepliashina T. I.* About new Udmurt cases // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Turku 20.—27. VIII. 1980 Turku, 1981. Pars VI: Dissertationes Sectionum: Phonologica et Morfologica, Syntactica et Semantic. P. 285—292.}

Усачёва 2011 — *Усачёва М. Н.* Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. {*Usacheva M. N.* Locative Cases in the Composition of Groups with Spatial Significance in Perm Languages. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 2011.}

Kövesi 1965 — *Kövesi M.* A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Uotila 1933 — *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

Большой толковый словарь якутского языка: основы, предпосылки, структура

Данилова Надежда Ивановна, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск); nadiv2008@mail.ru

Дьячковский Федор Николаевич, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск); fedjatschkov0801@mail.ru

В статье внимание уделяется важному культурному и научному значению выхода Большого толкового словаря якутского языка. Масштабная работа по систематизации и научно обоснованному формированию общенационального свода лексического богатства якутского языка имела свои объективные основы, конкретные цели и научные принципы. Поэтому в статье подробно рассматривается история становления и развития якутской лексикографии, которая тесно связана со становлением научных изысканий в области тюркологии в конце XVII в. Большой скачок в развитии якутской лексикографии связан с распространением всеобщего среднего образования среди населения, формированием и развитием якутского литературного языка. В настоящее время лексикографический корпус якутского языка содержит довольно внушительный список словарей самого разного типа: переводные, диалектологический, фразеологический, этимологический, школьный толковый, отраслевые терминологические. Подчеркивается, что материальной основой и подспорьем Словаря, кроме лексикографических разработок, послужили вся изданная на якутском языке учебная литература, а также грамматические описания якутского языка. Важной предпосылкой создания словаря послужила якутская художественная литература, получившая значительное жанровое развитие. Источником словаря послужил весь корпус изданной на якутском языке литературы, систематизированный по алфавитному принципу в карточку, фольклорные тексты, а также тексты, в которых сохранился архаичный, устаревший и распространенный диалектный лексический фонд. Отмечается, что принцип отбора словника обусловлен заданным типом толкового словаря, а также задачей полного отражения лексики современного якутского литературного языка. Для составления словаря был выбран алфавитный способ расположения слов: каждое отдельное слово имеет свою словарную статью, содержащую последовательное описание значения или значений слова, его грамматических, стилистических и других характеристик. В качестве основного способа толкования выбрано описательное толкование, и составители словаря справились с поставленной задачей представления обширной и разноаспектной информации о каждом слове.

Без всякого сомнения, «Большой толковый словарь якутского языка» знаменует начало нового этапа якутской лексикографии. Этот фундаментальный словарь окажет неоценимую услугу, в первую очередь, специалистам по лексикологии и лексикографии, так как он содержит информацию научно-лингвистического характера, касающуюся системной организации лексического состава якутского языка, открывает широкие возможности для дальнейшего изучения механизмов категоризации и формирования языковой картины мира, а также для различного рода сравнительно-сопоставительных исследований.

Ключевые слова: лексикография, якутский язык, толковый словарь, семантическая структура слова

THE GREAT EXPLANATORY DICTIONARY OF THE YAKUT LANGUAGE: BASES, PREMISES, STRUCTURE

Nadezda I. Danilova, Institute for Humanities
and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS (Yakutsk); nadiv2008@mail.ru

Fedor N. Diachkovskiy, Institute for Humanities
and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS (Yakutsk); fedjatschkov0801@mail.ru

The paper highlights cultural and scientific importance of the Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Large-scale work on systematization and scientifically proven formation of the national stock of Yakut vocabulary has its objective basis, particular objectives and scientific principles. Thus, the paper considers the history of development of Yakut lexicography in detail which is closely connected to development of Turkic studies in the late 17th century. A great progress in development of Yakut lexicography is related to the universal access of population to secondary education, formation and development of the Yakut literary language. At present, the body of lexicographic work in the Yakut language contains a substantial list of dictionaries of various types: bilingual, dialectological, phraseological, etymological, learners', and terminological. It is emphasized that the material basis and aid for the Dictionary, along with lexicographic work, was the whole body of Yakut academic books as well as grammatical descriptions of the Yakut language. Yakut lit-

erature with developed system of genres was an important premise for compiling the Dictionary. The Dictionary used the whole body of literature published in Yakut that was systematized in alphabetic order, folklore texts as well as texts that contained archaic, dated, and dialect vocabulary. It is noted that selection of words was based on the given type of dictionary and the idea of comprehensive representing vocabulary of the modern Yakut language. The headwords are arranged in alphabetic order, with each word having its entry, i. e. a set of information that describes word's meaning or meanings, its grammatical, stylistic, etc. behavior. The major method of explanation was selected to be description. The authors successfully coped with the task of representing extensive and multifaceted information for each word.

It is certain that "Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language" marks a new beginning for Yakut lexicography. This fundamental work will serve, first of all, experts in lexicology and lexicography as it contains scientific linguistic information on systematic arrangement of the Yakut lexical stock, offering considerable scope for further studies of categorization mechanisms and formation of the linguistic picture of the world as well as various comparative studies.

Keywords: lexicography, Yakut language, explanatory dictionary, semantic word structure

2018 год ознаменовался событием, имеющим важное значение для тюркской лексикографии в целом — работа по созданию Большого толкового словаря якутского языка завершилась изданием его последнего, 15-го тома. Масштабная работа по систематизации и научно обоснованному формированию общенационального свода лексического богатства якутского языка, безусловно, имела свои объективные основы, конкретные цели и научные принципы.

ОСНОВЫ

Достойной научной и предметной основой для этой работы, несомненно, послужили устоявшиеся и успешные традиции якутской лексикографии. Периодизация ее истории с подробным анализом словарей представлена в исследованиях П. А. Слепцова, на положения которых опираются авторы данной статьи.

История становления и развития якутской лексикографии тесно связана не только с изучением якутского языка, но и со становлением тюркологии в целом. Документально известная история этой области гуманитарных знаний берет начало в период, когда «в конце XVII века было положено начало систематическому собиранию лингвистического материала по тюркским (и иным восточным) и палеоазиатским языкам» [Кононов 1972: 23]. Первые сведения о лексике якутского языка были зафиксированы в широко известной книге «Северная и Восточная Тартария» исследователя народов Сибири Н.-К. Витзена, написанной на голландском языке и выдержавшей два издания. В дальнейшем ранняя история якутской лексикографии, как и языка в целом, была связана с деятельностью экспедиций, собиравших материал по инструкции Императорской Академии наук. Глубокий обстоятельный анализ этого периода и его значения для якутского языкознания можно найти в работах ряда исследователей, см. [Убрятова 1945; Слепцов 2007; Левин 2013].

В истории лексикографии многих миноритарных языков России бесспорно важное значение имел период деятельности академических экспедиций. Правда, некоторые исследователи отмечают, что «материалы, записанные неспециалистами на слух, лишь приблизительно отражали истинное звучание; кроме того, при оценке этих материалов следует иметь в виду, что, как правило, записывались не связные тексты, а отдельные слова — ответы на вопросы анкет» [Кононов 1972: 58]. Тем не менее, эти материалы заложили фундамент, на котором впоследствии зародилась и развивалась тюркская, в том числе и якутская лексикография.

Значительным практическим и методическим подспорьем и основой для составления «Большого толкового словаря якутского языка» послужили, естественно, словари тюркских языков. Отечественная тюркская лексикография как теоретическая дисциплина утвердилась во второй половине XIX в. во многом благодаря составлению и изданию «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова. По мнению востоковедов-тюркологов, этот словарь «явился выдающимся достижением только еще складывающейся тюркской лексикографии, определившим дальнейший ее прогресс» [Благова 2012: 155]. Особенностью его является то, что он во многом опирается на принципы, методы, приемы, использованные В. И. Далем при составлении «Словаря живого великорусского языка». Дело в том, что «Будагов уже работал над составлением своего Словаря, когда в период с 1863 по 1866 г. выходили тома Далева словаря» [там же: 149]. Словарь Л. З. Будагова современными тюркологами оценивается как словарь комплексного типа — в нем прослеживается «объединение принципов толкового словаря и переводного двуязычного словаря, соединив их с началом исторического словаря» [там же: 156].

Тюркская лексикографическая традиция в начале, как известно, имела комплексный, энциклопедический характер и послужила основой сопоставительного и сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Как отметил А. Н. Кононов, еще в XVIII столетии «был составлен ряд рукописных

тюркских словарей» [Кононов 1972: 94]. Опытом словарной деятельности послужили вокабулярии, глоссарии, словари, разговорники по языкам тюрков. Во многом благодаря этим материалам появился первый серьезный опыт двуязычной лексикографической разработки материала якутского языка: «Якутско-немецкий словарь» О. Н. Бётлингк, приложенный к его труду «О языке якутов» (появился в 1851 г.). В словаре было зафиксировано и получило научную лексикографическую проработку около 5000 словарных единиц. Основой для составления словаря послужили 14 имевшихся в то время источников, список которых О. Н. Бётлингк привел во введении своего труда [Бётлингк 1990: 53]. В этом списке, кроме известных материалов Н.-К. Витзена, Ф. И. фон Страленберга, «Сравнительного словаря всех языков и наречий», приводится анализ материала А. Эрмана, словаря Д. Давыдова, рукописного материала А. Ф. Миддендорфа, которые автор «тщательнейшим образом переработал» [там же: 65]. В качестве «самого значительного источника» [там же] назван А. Я. Уваровский, суть работы с которым О. Н. Бётлингк изложил подробно. Обязательного упоминания по поводу источников словаря О. Н. Бётлингк заслуживает замечание А. Н. Кононова о том, что «в свое время внимание О. Н. Бётлингк привлек словарь И. Кожевина» [Кононов 1972: 82], имеющий пространное (по академической традиции того времени) название. По свидетельству А. Н. Кононова, этот материал с надписью на корешке папки «И. Кожевин, “Русско-якутский словарь”» хранился в архиве АВЛОИВ (ныне Институт восточных рукописей РАН). Кроме того, ждут внимания исследователей «Русско-якутско-тунгусский словарь», вероятно принадлежащий перу того же автора, а также «Якутско-тунгусско-ламутский словарь» [там же: 83]. Как совершенно справедливо отметил П. А. Слепцов, «Якутско-немецкий словарь» О. Н. Бётлингк «является надежным источником по исторической лексикологии и семасиологии» [Слепцов 2007: 30]. Словарь содержит не только перевод слова с обязательной ссылкой на источник, но и сравнение с тюркской или монгольской лексической основой с их записью соответствующим алфавитом.

Комплексный подход к составлению словарей получил достойное продолжение в современной тюркоязычной лексикографии России. Например, двухтомный одноязычный «Словарь башкирского языка» (М.: Рус. яз., 1993. — Том 1 (А—М), 862 стр., том 2 (Н—Я), 815 стр.), содержащий около 55 тысяч словарных единиц, много внимания отводит толкованию этноспецифической и мифологической лексики. Значительным событием в современной тюркской лексикографии явился изданный в 2011—2018 гг. ИЯиЛ УрО РАН «Академический словарь башкирского языка». Словарь толково-переводной, кроме перевода толкования на русский язык приводится краткий перевод на английский и турецкий языки. Институтом языка, литературы и истории АН Республики Татарстан составляется одноязычный «Толковый словарь татарского языка». В 2015—2017 гг. издано три тома словаря.

Важной теоретической и методической основой толкового словаря якутского языка явились лексикографические труды на материале языков, которые в настоящее время стали государственными языками зарубежных государств. В этом ряду специалисты в первую очередь называют «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина [Благова 2012: 156]. Это первый фундаментальный национально-русский словарь, который стал примером для многих последующих словарей тюркских языков. В словарь, по образцу словарей Л. З. Будагова и В. И. Даля, вошла не только лексика современного киргизского языка, но и справки историко-этнографического характера, фольклорный материал. Широкая функциональная направленность словаря предопределила его структуру, способ подачи исходной и переводной лексики, иллюстративного материала. В научных традициях российской тюркской лексикографии были составлены и изданы также толковые словари казахского языка. Первый двухтомный вариант этого словаря, содержащий 21 506 слов и выражений, появился на свет в 1959—1961 гг. под редакцией профессора С. К. Кенесбаева. Десятитомная версия данного словаря, содержащая более 91 тысячи слов и выражений, была выпущена в 1974—1986 гг. под редакцией А. Исхакова. К настоящему времени Институтом языкознания имени А. Байтурсынулы выпущен 15-томный толковый словарь казахского языка. В словаре дается толкование более 166 тысяч слов, в словник включены, наряду с активными общеупотребительными словами, диалектизмы, профессиональные и народные термины, фразеологизмы, устойчивые слова и выражения, слова старописьменного казахского языка. Новацией словаря явилось толкование этномаркированной и прецедентной лексики. В 2013 г. в г. Астане был презентован «Большой однотомный словарь казахского языка», в который вошли более 100000 слов и словосочетаний. В настоящее время известны «Толковый словарь узбекского языка», охватывающий 80 тысяч слов и словосочетаний, «Словарь кыргызского языка», который содержит 50 тысяч слов и словосочетаний. Были выпущены два тома четырехтомного «Толкового словаря азербайджанского языка», однотомный «Словарь туркменского языка» и т. д. Все они имеют комплексный характер, имеют целью нормализацию литературного языка, составлены с соблюдением принципов и методов академической лексикографии. Особое место в тюркской лексикографии занимают словари турецкого языка, работа над которыми началась в 30—40-е годы двадцатого столетия благодаря усилиям турецкого лингвистического общества. Первый «Словарь ту-

рецкого языка» (“Türkçe Sözlük”) вышел в свет в 1945 г. Словарь впоследствии неоднократно переиздавался, последняя публикация этого словаря содержит более 92 тысяч слов (словарь доступен на страницах сайта Турецкого Лингвистического Общества <http://tdk.gov.tr/>).

Когда речь идет о научных основах создания такого крупного лексикографического произведения, нельзя не упомянуть о длительном и богатом опыте западной лексикографии. В этом отношении особо выделяются английская и немецкая традиции составления словарей. Известный английский словарь, основанный на исторических принципах (New English Dictionary on Historical Principles, NED в 10 томах, 1884—1928), был переиздан в 1933 в 12 томах под названием “Oxford English Dictionary” («Оксфордский английский словарь»). В период между 1972 и 1986 гг. было добавлено еще четыре тома этого словаря. В результате данный памятник английской лексикографии состоит из 290 тыс. словарных статей и примерно 2,5 млн. цитат, занимающих 22 тыс. страниц. В настоящее время самым большим однотомным словарем английского языка считается претерпевший несколько переизданий “Oxford Dictionary of English”, целью которого является достоверная демонстрация современного использования английских слов. В Германии зарождение лексикографии связано с именами братьев Якоба и Вильгельма Гримм. Работа на проекте Deutsches Woerterbuch была закончена только в 1960 г., при этом первый том словаря вышел в 1854 г. Один из современных словарей немецкого языка — Большой немецкий словарь под редакцией Герхарда Вариха (Das grosse deutsche Wörterbuch. Hrsg. von G. Wahrig) — содержит более 220 тыс. словарных статей. В Германии выходит также несколько серий словарных изданий, среди которых особенно известны словари серии DUDEN, охватывающие разнообразные области употребления немецких слов — от толковых словарей до словарей произношения. Надо отметить, что все западные толковые словари — одноязычные и предназначены главным образом для изучающих языки. Из них можно выделить “Cambridge Advanced Learner’s Dictionary” («Кембриджский словарь английского языка»), или «Кембриджский словарь»).

Как отмечают исследователи, «якутская лексикография возникла с самого начала как двуязычная и располагает в настоящее время несколькими жанрами: двуязычными (русско-якутские и якутско-русские), в т. ч. общелингвистическими, терминологическими и диалектологическими» [Оконешников 2015: 45]. По признанию тюркологов, «в историю изучения якутской лексики, в историю тюркской лексикографии навсегда вошло имя политического ссыльного, выдающегося якутоведа Эдуарда Карловича Пекарского» [Кононов 1972: 110]. Созданный под его руководством «Словарь якутского языка» стал фундаментальной основой всех последующих лексикографических разработок материала якутского языка. Подробная характеристика данного словаря представлена в монографической работе Е. И. Оконешникова «Э. К. Пекарский как лексикограф». По подсчетам исследователя, «в “Словаре” содержится около 38 тысяч заглавных единиц» [Оконешников 1982: 39]. По своему типу он «ближе всего стоит к словарям типа тезаурус» [там же: 114], поскольку «в основу его создания была положена идея словаря-копилки, словаря-сокровищницы якутского языка, всего его словарного богатства» [там же]. В целом, «приемы и методы, используемые Э. К. Пекарским при составлении “Словаря”, полностью себя оправдали в последующей лексикографической практике и оказали положительное влияние на развитие двуязычной якутской и тюркской лексикографии» [Оконешников 2015: 57]. Важно добавить, что в этом словаре было также достойно продолжено сравнительно-историческое направление в исследовании лексического состава якутского языка, начатое О. Н. Бётлингком. Здесь уместно привести высказывание В. В. Радлова по поводу Словаря Э. К. Пекарского: «Я не знаю ни одного языка, не имеющего письменности, который может сравниться по полноте своей и тщательности обработки с этим истинным Thesaurus Linguae Yakutorum» [Кононов 1972: 111].

Значительной основой обсуждаемого «Большого толкового словаря якутского языка» послужили диалектологические материалы и словари. История якутской диалектологии примечательна тем, что еще до распространения массовой письменности сбором лингвистического материала среди населения занимались представители местной интеллигенции. Так, собранный А. Е. Кулаковским, основоположником якутской литературы, диалектный словарный материал, включенный в его работы, не потерял своей научной ценности до сих пор. Свою лепту в якутскую диалектную лексикографию внес Г. В. Ксенофонов, известный исследователь этнографии, истории, фольклора якутов. Его «Словарь особенных слов (провинциализмов) в говоре якутов-оленеводов», изданный в виде приложения к труду «Ураангхай сахалар», стал «первой печатной работой по диалектной лексике якутского языка» [Иванов 2017: 9]. В настоящее время изданы как словари и атлас, так и большое количество научных статей, содержащих материал говоров якутского языка.

Мощный импульс развития якутская лексикография получила с распространением всеобщего среднего образования среди населения, а также с формированием и развитием якутского литературного языка. В это время было составлено и издано множество переводных словарей — как русско-якутских, так и

якутско-русских. Как отметил П. А. Слепцов, «лексикографическая работа получила более широкий размах с конца 50-х — начала 60-х гг.» [Слепцов 1990: 55]. Крупными достижениями этого периода явились: Русско-якутский словарь. Ред.: П. С. Афанасьев, Л. Н. Харитонов. — М.: Сов. энцикл., 1968; Якутско-русский словарь. Ред. П. А. Слепцов. — М.: Сов. энцикл., 1972. В целом, данная страница истории становления литературного якутского языка, с проблемами которой естественным образом связана лексикография, характеризуется тем, что «она далеко опережает научную разработку вопросов лексики, в частности, обобщение практики терминологической работы» [Слепцов 1990: 60].

Важным подспорьем Словаря послужил обширный терминологический фонд якутского языка. Фиксация и лексикографическое объяснение терминов особенно важны потому, что «многие номенклатурные названия и целые пласты традиционной народной терминологической лексики перешли в пассивный словарь» [Слепцов 1990: 144]. Для работы над Словарем был использован также весь корпус изданных терминологических словарей по разным отраслям знаний.

Как отмечают исследователи, «конец прошлого века и начало нынешнего столетия ознаменовались в нашей стране необычайным расширением терминологической деятельности» [Оконешников 2017: 71]. В это время, в свете принятия в 1992 году Закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» и особенно с принятием «Концепции обновления и развития национальных школ» в республике было подготовлено и издано множество отраслевых терминологических словарей. Большинство из них были переводными и охватывали сферу не только школьного обучения, но и высшего образования. В это же время были созданы также толковые словари народной терминологической лексики национальной культуры, верований, традиционной экономики, родства, народного прикладного искусства и т. д.

В этот же период якутская терминологическая лексикография не только активизировалась в плане практики составления словарей, но и получила достаточное научное обоснование. Усилиями действовавшего некоторое время отдела терминологии ИГИ АН РС(Я) были разработаны принципы составления терминологических словарей, обоснованы способы терминообразования, была начата работа по созданию терминологической базы якутского языка.

К настоящему времени лексикографический корпус якутского языка содержит довольно внушительный список словарей самого разного типа: переводные двуязычные, переводные трехязычные, терминологические словари разных типов [см. Оконешников 2017], словарь заимствованных слов, этимологический, диалектологические, фразеологические, словарь узусных форм и выражений, словарь сочетаемости имен, ономастики. В 2002 и 2015 гг. ИГИиПМНС СО РАН разработаны и изданы орфографические словари, которые сыграли заметную роль в кодификации норм литературного якутского языка. В последнее время, в связи с развитием информационных технологий и внедрением их в сферу лексикографии, появились электронные и он-лайн якутско-русский, русско-якутский словари (например, <http://www.sahkatyla.ru>).

Все названные словари якутского языка объединяет их типология — независимо от их тематической направленности, цели, содержания они лингвистические, поскольку в них дается описание или перевод слов, называющих определенные реалии с точки зрения академической лексикографии. Тем не менее, практически все они доступны читателю и служат общей цели регистрации и нормализации общепотребительной или специальных тематических групп лексики, расширению функциональных сфер якутского языка.

Кроме богатого опыта словарной обработки лексического запаса якутского и родственных языков, условием и предпосылкой создания многотомного толкового словаря послужили «современная языковая, культурная и социальная ситуация, а также статус государственного языка саха, который предполагает литературный язык национального типа, т. е., общенародный, с престижными нормами, развитыми стилями и обработанной терминологией» [Толковый словарь якутского языка 2004: 14]. В такой ситуации, естественно, самой главной целью данного словаря было «широко демонстрировать, укреплять, обрабатывать и распространять объективную норму национального языка» [Слепцов 2008: 198].

Действительно, к началу работы по составлению толкового словаря якутский язык по всем своим параметрам подходил под категорию письменного литературного языка, который определяется как «такой язык, письменная форма которого в синхронном состоянии используется всеми представителями коллектива без специальной или функциональной специфики, и является признанной за пределами коллектива» [Бурыкин 2002: 34]. Как любой литературный язык, он имеет письменно закрепленные нормы, в некоторых функциональных сферах — развитую систему стилистических средств и приемов. Установлению и закреплению норм литературного языка безусловно способствовала кодификация орфографических правил, «целенаправленная нормализация в лексике», чему призван служить весь имеющийся корпус словарей, поскольку «ведущая роль в нормализационной работе в лексике принадлежит словарям» [Толковый словарь якутского языка 2004: 49].

Важную функцию в кодификации грамматических норм, как изначально нормативно ориентированные виды изданий, несут учебники и учебные пособия. Кроме того, источником нормализации является грамматический строй любого языка, который представляет собой наиболее устойчивую часть системы и отражает явления, исконно свойственные структуре языка. Совершенно очевидно, что «все сколь угодно серьезные исследования по якутскому языку имеют свои нормативные и нормализационные аспекты» [Слепцов 1990: 86]. Поэтому материальной основой и подспорьем Словаря, кроме лексикографических разработок, послужили вся изданная на якутском языке учебная литература, а также грамматические описания якутского языка, демонстрирующие его основные нормативные аспекты.

Важной предпосылкой создания Словаря послужила якутская литература, получившая значительное развитие в разнообразном жанровом аспекте. Любая национальная лексикография строится обычно вокруг имен классиков, признанных мастеров, пишущих на родном языке. Поэтому в качестве основных источников и средств укрепления и распространения норм якутского языка все произведения писателей-классиков, а также произведения современных писателей, продолжающих классические традиции, вошли в исходный картотечный фонд словаря. В картотеку, кроме названного типа произведений, были включены публикации средств массовой информации, «использованы также различная литература на якутском языке, научные разработки с якутской терминологией, издания научно-популярного характера ..., а также словари» [Толковый словарь якутского языка 2004: 16].

Структура

Наиболее важным дифференцирующим параметром, обусловленным типологией и задачами любого словаря, является принцип отбора его словника. Он подразумевает отбор слов по признакам синхронии и диахронии, регионального бытования лексики, происхождения слов, фиксации слов в определенном стиле речи или в определенном тексте. П. А. Слепцов определил тип Большого толкового словаря якутского языка как «национальный словарь нормативно-регистрирующего типа» [Слепцов 2008: 533]. Принцип отбора словника обусловлен заданным типом, а также задачей словаря в наиболее полном объеме отражать лексику современного якутского литературного языка. Для достижения поставленной задачи понадобилось сводить весь корпус изданной на якутском языке литературы в картотеку, которая в настоящее время представляет собой собрание примеров употребления слов на якутском языке, систематизированное по алфавитному принципу. Значительное место среди источников словаря занимают фольклорные тексты, а также тексты разного характера, в которых в какой-то степени сохранился архаичный, устаревший и распространенный диалектный лексический фонд.

Изданный словарь, согласно своей задаче и основной функции, дает словарное описание всего зафиксированного лексико-фразеологического фонда якутского языка со всеми его семантическими особенностями и оттенками с академической полнотой.

В предисловии представлена полная информация о композиционном строе Словаря, указаны научные предпосылки и практическая база создания, общие принципы его составления. В специальном справочно-методическом разделе «Структура словаря» подробно описаны его состав, порядок представления устойчивых словесных комплексов, основные принципы и способы толкования значения слов, особенности подачи в словаре различных лексико-грамматических разрядов слов, требования к иллюстративным материалам, их грамматической и стилистической характеристике и т. д. Важной структурной частью Словаря является список источников.

Для составления словаря был выбран алфавитный способ расположения слов: каждое слово имеет собственную словарную статью, где дается последовательное описание значения или значений, его грамматических, стилистических и других характеристик.

Основной структурный элемент любого словаря — это словарная статья, представляющая собой независимый отрезок, важнейшим компонентом которого является словарное толкование. В Большом толковом словаре якутского языка в качестве основного способа толкования выбрано описательное толкование. Как в любом словаре классического академического типа, в первую очередь дается толкование общеупотребительных значений слова, следом приводятся более редкие, производные или производно-метафорические значения. Поскольку каждое конкретное значение слова часто зависит от контекста, приводятся примеры употребления слов в различных контекстах. Однако в любом словаре далеко не всегда возможно придерживаться единообразия при определении структурной организации даже семантически близких по значению лексических единиц. Основная трудность толкования слов заключается в том, что не все единицы лексики имеют одинаково удобную, экономную систему значений, на основе которой можно было бы создать универсальный тип словарных дефиниций. Как правило, большинство слов активного словарного фонда полисемантически, к тому же слова вступают в омонимические, синоними-

ческие или иные отношения между собой, в языках разной типологии, в том числе тюркских, широко распространены слова, образованные путем конверсии и т.д. Тем не менее, составители словаря справились с поставленной задачей представления обширной и разноаспектной информации о каждом слове.

Как показывает беглый анализ, семантическая структура некоторых лексем, особенно глагольных, охватывает до 30 значений. Для примера рассмотрим словарную статью, посвященную толкованию полисемантического глагола *киир* ‘входить, войти’. В системе его значений последовательно представлен весь набор семантических компонентов или сем. В соответствии с методическими принципами Словаря, данный глагол получил описательное толкование, т. е. первичное, номинативно-непроизводное значение *тастан кэлэн туох эмэ иһигэр баар буол* ‘входить, войти’ представлено в качестве родовой семы, затем приведены дифференциальные (или видовые) семы. В результате полностью отражен синхронный понятийный слой слова, состоящий из 22 лексических значений и 1 функционально-грамматического, когда в сочетании с глаголом *бар* ‘идти’ оно обозначает начало действия. В первичное, основное значение включен также реальный характерный признак (отенок) номинативного значения *булт сэбигэр хабылын, тутулун (кыыл, балык туһунан этэргэ)* ‘оказаться пойманным, попасть в охотничью ловушку (о звере, рыбе)’, семантически соотнесенный с родовой семой ‘входить, войти’, но имеющий существенный дифференциальный признак ‘войдя, попасть во что-либо’. Семантические связи между значениями и степень их семантической близости друг другу эксплицируются в их толкованиях. С первичным значением лексемы *киир* связаны следующие семантические варианты: 1 — *туох эмэ иһигэр баар буол* ‘входить, войти’ — по семам ‘движение’ и ‘направленность’; 2 — ‘перемещаться, перебраться’ — по семам ‘движение’ и ‘направленность’; 3 — ‘проникнуть’ — по семам ‘движение’ и ‘направленность’; 4 — ‘устроиться, поступать’ — по семам ‘движение’ и ‘направленность’; 5 — ‘начать, появиться’ — по семе ‘движение’. В первом из выделенных пяти больших блоков зафиксированы значения: 4. *Кимиэхэ эмэ кэл, кимиэхэ эмэ сырыт; кими эмэ кытта көрүс* ‘зайти к кому-либо, навестить кого-либо; быть на приеме у кого-либо’. Во втором блоке собраны следующие значения со смыслом ‘перемещаться, перебраться’: 2. *Арыый үрдүк сиртэн аллара диэки бар (холобура, өрүскэ, күөлгэ, алааска барыы туһунан)* ‘направляться куда-либо вниз, спускаться с более высокого места (например, к реке, озеру, аласу)’ и его отенок *халдыаайыттан (киһини көмөр сиртэн) кэл* ‘спуститься с более высокого северного склона аласа, на котором якуты обычно хоронят покойников’; 3. *Кытыы сиртэн киин, үөс сиргэ кэл* ‘перебраться, приехать из глубинки в центр’; 5. *Туох эмэ (үксүгэр ойуур, үүнэн турар от) ортотугар, быһыгар баар буол* ‘оказаться в центре, в середине чего-либо, войти’; 6. *Саас собурууттан көтөн кэл эбэтэр күһүн собуруу күргүөмүнэн бар (кус-хаас туһунан); күргүөмүнэн көтөн кэл (бултанар уу көтөрө сарсыарда, киһэ күөлгэ, өрүскэ кэлиитин этэргэ)* ‘перелетать стаей; прилетать (о перелете птиц; о массовом прилете водоплавающей дичи к воде на утренней или вечерней зорьке)’; 8. *Сүрүн үөскэ эбэтэр муораба түс, улахан ууну кытта холбос (үрэх, өрүс туһунан)* ‘впадать в основное русло или в море (о речке, реке)’; 11. *Тугунан эмэ сабарданан, туох эмэ кэннигэр, күлүгэр түһэн көстүбэт буол, сүт* ‘стать невидимым, исчезнуть, теряться из виду, тонуть в чем-л. (напр., в пламени, пыли)’; 15. *Тугу эмэ сабардаан, тобо анһан кэл, хайа эмэ өттүнэн үтэн иннин диэки бар; тугу эмэ бүүлүү, хаххалыы тур* ‘надвигаться, наступать, накрывая собой все пространство; заслонить собой что-л.’.

В третий блок включены значения со смыслом ‘оказаться где-либо’: 7. *Тугу эмэ курдаттаан, өтөн иһирдөө баар буол (өт); эккэ-хаанга, дууһаба билин* ‘проникнуть, просочиться сквозь что-л., подхватить, подцепить (о болезни)’; 13. *Туох эмэ иһигэр бат, сөп буол* ‘соответствовать по размеру чему-л., приходится впору, вмещаться во что-л.’; 17. *Атын омуктан ылан тутулун (үксүгэр тыл туһунан этэргэ)* ‘быть заимствованным у другого народа’; 21. *Ким-туох эмэ бас билиитигэр ылылын (үп-харчы, барыс туһунан этэргэ)* ‘поступать в чье-л. распоряжение (о деньгах, выгоде)’.

Четвертый блок значений формируется смыслом ‘устроиться, поступать’: 9. *Үлэ, үөрэх тэрилтэтигэр, сойууска ылылын, баар буол* ‘устроиться, зачислиться в какое-л. учреждение, стать членом какой-л. организации, объединения, поступить (на учебу, работу)’; 10. *Саҥа дьиэбэ көһөн кэл, олохсуй* ‘переехать, заселиться в новое помещение, в новый дом’; 12. *Ханнык эмэ испиһэккэ баар буол* ‘быть включенным в какой-л. текст, список’; 16. *Көрүүгэ, дьүүлгэ ылылын (ханнык эмэ докумуон туһунан этэргэ); иһилин (туох эмэ сурах туһунан этэргэ)* ‘быть принятым к рассмотрению, обсуждению, к сведению (напр., жалоба)’.

В пятый блок включены значения: 14. *Ханнык эмэ балаһанһаба түбэс (үксүгэр куһаҥан балаһанһаба туһунан этэргэ)* ‘попасть в затруднительное, незавидное положение, оказаться в такой ситуации’; 19. *Тугу эмэ (үксүгэр үлэ ханнык эмэ көрүнүн, дьарыгы) саҥалаа* ‘приступать к чему-л. (к работе, занятию)’; 20. *Саҥалан, биллэр-көстөр буол, күүһүр (ханнык эмэ иэйи, санаа, сатабыл туһунан этэргэ)* ‘начаться, стать явным, проявляться’; 18. *Тугунан эмэ туһанан киһиэхэ чугаһы сатаа, баайыс, ыксат* ‘подступиться, подойти с чем-л. к кому-л.; придирается под каким-л. предлогом’.

Тесная семантическая связь существует между первым, вторым, третьим, четвертым блоками, но есть некоторые расхождения по видовым признакам сем. Однако пятый блок со смыслом *туохтан эмэ сабалан, сабалаа* ‘начать’, в свою очередь, связан с блоком 4, представляющим абстрактный вариант значения глагола *киир*. Содержание этих блоков по существу сводится к самым общим (родовым) глагольным семам ‘движение’ и ‘направленность’, по которым они и соотнесены.

Что касается производно-метафорического значения 22. *Тугу эмэ көнүлэ суох тыыт, хаһыс* ‘залезть, забраться куда-л. без разрешения’, отмеченного в словаре в качестве переносного, то оно ближе всего к значениям блока 3. А значение 23 – аспектуальное, т.е., чисто грамматическое. После четкого оформления семантической структуры заглавного слова в алфавитном порядке раскрываются значения устойчивых словесных комплексов и фразеологических единиц.

Последний, пятнадцатый том Словаря снабжен «Послесловием», в котором авторы отметили, что «своеобразие народа зависит от его мировосприятия, миропонимания», и поэтому стояла задача «как можно более ярко отразить» эти особенности, воплощенные в языке [Большой толковый словарь якутского языка 2018: 416]. Этим обусловлено то, что здесь, кроме лингвистической академической информации, часто приводится историко-этнографическая характеристика слов, несущая в себе сведения об особенностях традиционного народного быта, образа жизни, космогонических, религиозных и т. д. представлений якутов. Обычно это лексемы с культурно-коннотированным компонентом, которые относятся к так называемой безэквивалентной лексике. Из них в Словаре широко представлены слова с апеллятивным содержанием, в круг которых, как правило, входят имена божеств: *Урун Айыы Тойон* миф. ‘по поверью якутов, верховное существо, стоящее выше всех айыы, добрый дух, создатель мира, управляющий всей Вселенной, ниспосылающий детей и влияющий на плодородие земли, размножение скота и т. д.’, *Илбис* миф. ‘бог войны, дух кровопролития, войны, раздора’. К этой группе лексики относятся наименования существ шаманского пантеона, например: *Айыы ойууна* ‘белый шаман (шаман, общающийся только с добрыми духами-айыы, а не злыми)’, *Абааһы ойууна* ‘черный шаман (представитель черной веры, слугитель злых духов)’. Словарь дает толкование обширного слоя безэквивалентной лексики, связанной с верованиями якутов: *арчы* ‘по старинным поверьям — обряд изгнания злых духов, нечисти из жилища, человека или какой-л. вещи посредством окуривания’ ср. тюрк. *арча* ‘можжевельник’; *буор кут* ‘одна из трех частей души человека (согласно представлениям древних якутов, душа человека состоит из трех частей: *буор кут*, *ийэ кут* и *салгын кут*)’; *күһэнэ* ‘общее название ритуальных украшений на спине шаманского плаща — металлических пластинок в виде круга, изображающих солнце, луну и т. п.’; *хоолдьюга* ‘жертвенное животное, забиваемое сразу после похорон, мясо которого едят на поминках’. С особенностями истории якутского народа связано толкование множества слов. Например: *буор түһэтик* ‘до революции: коренной передел в якутском наслеге сенокосных угодий плательщикам ясака’, *кыргыс үйэтэ* ‘век войн и сражений, эпоха битв и раздора (периоды межплеменных усобиц и распрей у древних якутов и их соседей)’ и т. д.

Из Словаря можно почерпнуть сведения о том, что якутский народ имел представления о небесных объектах и явлениях и давал им названия: *Аранас сулус* ‘Большая Медведица’ (букв.: Желтая звезда), *Бөрө тумса* ‘Созвездие из четырех звезд’ (букв.: Волчья морда), *Мэндэнэ* ‘Орион (созвездие)’, *Ургэл* ‘Плеяды’, *Чолбон* ‘Венера’, *дьэргэлгэн* ‘мираж, марево’ и т. д.

Несомненное достоинство Словаря — представление материала якутского языка для дальнейших сравнительно-исторических исследований посредством этимологических справок. Составители отмечают, что при этом «в основном указывается тюркское, тюрко-монгольское или эвенкийское происхождение слова» [Толковый словарь якутского языка 2004: 71]. Другими словами, помета ср. соотносит слово с однокоренными основами других языков, как, например, в следующих примерах: *аймах* ‘кровная родня; родственные по крови отношения’ ср. тюрк. *аймак* ‘родня’; *бөрө* ‘волк’ ср. тюрк. *бөрү*, *кырбий* ‘кобчик (небольшая хищная птица семейства соколиных)’ ср. тюрк. *кырбий*, *кырбуй* ‘ястреб-перепелятник’; *мэлий* ‘молоть, толочь, размельчать’ ср. эвенк. *бурдуква мэли-мии* ‘обмолот’, монг. *мэлу* ‘быть гладким, полированным’; *сос* ‘тянуть по земле, тащить, волочить’ ср. кирг. *соз*, казах. *сос* ‘протягивать, вытягивать’; *сэллэгэр* ‘широкий и плоский, как бы придавленный’ ср. бур. *сэглэгэр* ‘косматый’; *тыал* ‘ветер’ ср. тат. *давыл*, каракалп. *дауыл* ‘буря’; коми *төв*, удмурт. *төл* ‘ветер’; эмэх ‘гнилой, рассыпающийся от гнили, трухлявый’ ср. монг. *өмх* ‘гнилой, трухлявый, обветшалый’ и т. д. Ко многим заимствованным словам приводится сравнение с русскими этимонами: *мэндизмэн* ‘этаж’ русск. *фундамент*; *наарба* ‘поперечный брус (доска) для скрепления продольных досок’ русск. *нарва*; *номнуо* ‘уже, давным-давно’ русск. *давно*; *сэлиэнэй* ‘чашка (фарфоровая)’ ср. русск. устар. *ценина* ‘чайная чашка’ и т. д.

Надо отметить, что задача выявления исконного или общего производящего корня, исторических изменений в фонетическом составе, развития семантической структуры слова перед составителями не стояла. Это вполне правомерно, поскольку это задачи этимологического словаря.

Как известно, грамматические и стилистические пометы являются необходимым элементом словарной статьи, поскольку они в совокупности с заглавным словом формируют ее структуру и позволяют представить слово одновременно в аспекте лексики и грамматики. Пометы указывают, как правило, на частеречную принадлежность слова: *аат* 'имя', *туохт.* 'глагол' и т. д. Кроме того, Словарь широко иллюстрирует морфологические словообразовательные ресурсы слова, для этого вслед за заглавным словом приводятся все его производные с указанием грамматической формы. Например, к слову *аҕал туохт.* 'давать, подавать' приводятся производные грамматические формы с соответствующей отсылочной дефиницией: *аҕалаахтаа* аҕал диэнтэн атаах., *аҕалбахтаа* аҕал диэнтэн тиэт. көрүҥ, *аҕалталаа* аҕал диэнтэн төхт. көрүҥ, *аҕалтар* аҕал диэнтэн дьаһ. туһ., *аҕалылын* аҕал диэнтэн атын. туһ., *аҕалын* аҕал диэнтэн бэй. туһ., *аҕалыс* аҕал диэнтэн холб. туһ. и т. д.

Приведенные в словарных статьях грамматические пометы получили обстоятельное научное объяснение в «Кратком грамматическом очерке якутского языка», приложенном к последнему тому Словаря. Очерк является важным и необходимым разделом словаря, который позволяет охарактеризовать слово не только как лексикографическую единицу, но и как элемент языковой системы. Авторы очерка отметили, что они «стремились кратко представить особенности фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики современного якутского языка» [Краткий грамматический очерк якутского языка 2018: 488].

Словарь, в соответствии со своей основной целью нормализации якутского языка, широко использует стилистические пометы. Это особенно важно потому, что пометы призваны в конечном счете предупредить о возможных ошибках, о стилистически неуместном употреблении слова, способствуют выполнению нормативной функции Словаря. Правда, в послесловии оговорено, что «составители Словаря попытались более широко использовать употребляемые в стилистических работах пометы к тем словам, которые нуждались в той или иной характеристике» [Толковый словарь якутского языка 2004: 416]. Присутствующие в словаре пометы указывают на принадлежность слова тому или иному пласту лексики: фольклорное (*фольк.*), диалектное (*түөлбэ*), устаревшее (*эргэр.*), эвфемизм (*харыс т.*); стилистическую ограниченность употребления слова в литературном языке: поэтическое (*поэт.*), разговорное (*кэпс.*), высокий стиль (*үрд.*); для слов-терминов — специальную область применения (*астр., геол., тыл үөр., уйул.* и др.). Пометы даются также к словам, имеющим какую-либо эмоциональную окраску (*ахсарб., күл-ооннь., сөбүлээб., элэк.* и т. д.).

Нужно отметить, что недостаточная разработанность важнейших проблем теоретической стилистики, а также отсутствие работ по стилистике якутского языка, ориентированных на использование их в лексикографической практике, вызвали некоторые затруднения в применении помет такого рода.

Заключение

Вне всякого сомнения, «Большой толковый словарь якутского языка» знаменует начало нового этапа якутской лексикографии. Этот фундаментальный словарь окажет неоценимую услугу в первую очередь специалистам по лексикологии и лексикографии, так как он содержит информацию научно-лингвистического характера, касающуюся системной организации лексического состава якутского языка. Словарь также открывает широкие возможности для дальнейшего изучения механизмов категоризации и формирования языковой картины мира, а также для различного рода сравнительно-сопоставительных исследований. Он будет представлять большой интерес для филологов, писателей, редакторов и работников других профессий, имеющих дело с якутским языком и для всех тех, кто хочет глубже проникнуть в богатства родного языка.

Рассматриваемый лексикографический труд может послужить методологическим подспорьем для составления словарей миноритарных языков Сибири. К настоящему времени «важнейшим результатом многолетней работы сибирских тюркологов явились два тома “Толкового словаря тувинского языка” под ред. Д. А. Монгуша (вышли т. 1 (2003), т. 2 (2011))» [Гюнтешева, Шагдунова 2019: 247]. Нужно отметить, что упомянутый словарь задуман как четырехтомный. Кроме того, основными направлениями научной деятельности Института филологии СО РАН предусмотрены лексикографическое исследование исчезающих языков этнических меньшинств Сибири и Дальнего Востока и создание толковых словарей русских говоров Сибири.

Как известно, мировая лексикография в настоящее время ориентирована на расширение сферы применения словарей и повышение эффективности межъязыковой коммуникации. В таких условиях наиболее продуктивными формами представления словарного состава языка являются тезаурусы, частотные и толковые словари, основанные на электронных корпусах. Особую активность в публикации материала такого типа проявляют крупнейшие издательские компании мира Oxford University Press, Cambridge University Press, Longman Dictionaries, Penguin Dictionaries, Harper Collins. Словники всех словарей, пуб-

ликуемых авторитетными издательствами, базируются только на электронных корпусах. Например, известная серия Collins-COBUILD основана на электронном корпусе Bank of English (более 500 миллионов слов), который постоянно пополняется и служит объективным материалом для переиздания академических словарей. Лексикографы Великобритании и США к началу XXI в. подошли с комплектом качественно новых, разнообразных по принципам построения одноязычных и двуязычных словарей. К ним можно отнести: Cambridge International Dictionary of English, 1995, Longman Active Study Dictionary of English, 1998; Collins Russian Dictionary. Русско-английский. Англо-русский, 2000, Collins Robert Concise French Dictionary, 2000 и др.

Опыт создания электронных словарей нарабатывается и в тюркской лексикографии. Так, создан «Электронный толковый словарь казахского языка», содержащий 320 тысяч слов. Существуют электронные ресурсы словарей татарского и башкирского языков: татарско-русский и русско-татарский словарь (<http://tatar.com.ru/e-slovar.php>), Электронный фонд словарей (<http://suzlek.antat.ru/indexR.php>). Создается национальный корпус башкирского языка, где представлено большое количество текстов с возможностью электронного поиска. Разрабатывается татарский корпус «Туган тел» (Родной язык) — лингвистический ресурс современного литературного татарского языка. В настоящее время ведутся работы по созданию текстовых корпусов миноритарных языков Сибири.

Хочется надеяться, что толковым словарем якутского языка создан фундаментальный задел для составления современных словарей самого различного типа и назначения, в том числе с применением ИТ-технологий.

Сокращения

Языки

бур. — бурятский язык	русск. — русский язык
казах. — казахский язык	тат. — татарский язык
каракалп. — каракалпакский язык	тюрк. — тюркский язык
кирг. — киргизский язык	удмурт. — удмуртский язык
коми — коми язык	эвенк. — эвенкийский язык
монг. — монгольский язык	

Общие

астр. — астрономия	сөбүлээб. — сөбүлээбэккэ этэр тыл (неодобрительное)
ахсарб. — ахсарбакка этэр тыл (пренебрежительное)	тыл үөр. — тыл үөрэҕин тиэрминэ (языкознание)
геол. — геология	уйул. — уйулҕа үөрэҕэ (психология)
күл-ооннь. — күлэн-оонньоон этии (шутливое)	устар. — устаревшее
миф. — мифология	элэк. — күлүү-элэк тыла (насмешливое)

Литература

Бётлингк 1990 — *Бётлингк О. Н.* О языке якутов / пер. с нем. *В. И. Рассадина*. Новосибирск, 1990. {*Boetlingk O. N.* On the language of the Yakuts. Novosibirsk, 1990.}

Благова 2012 — *Благова Г. Ф.* История тюркологии в России (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2012. {*Blagova G. F.* The history of Turkology in Russia (the second half of the 19th — early 20th centuries). M., 2012.}

Большой толковый словарь якутского языка 2018 — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XV: (Буква Э) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск, 2018. {*Great explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes. Vol. 15: (Letter Ä).* Ed. by *P. A. Sleptsov*. Novosibirsk, 2018.}

Бурыкин 2002 — *Бурыкин А. А.* О соотношении понятий «литературный язык» и «письменный язык» применительно к языкам малочисленных народов Севера РФ // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. Н. Десницкой. СПб., 2002. С. 33—40. {*Burykin A. A.* On relationship between the notions “literary language” and “written language” in regard to the languages of indigenous peoples of the Russian North // Proceedings of the conference dedicated to the 90th anniversary of A. N. Desnitskaya, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. S. Petersburg, 2002.}

Иванов 2017 — *Иванов С. А.* Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск, 2017. {*Ivanov S. A.* Lexical features of Yakut patois. Novosibirsk, 2017.}

Кононов 1972 — *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972. {*Kononov A. N.* History of Turkic studies in Russia before 1917. Leningrad, 1972.}

Краткий грамматический очерк якутского языка 2018 — Краткий грамматический очерк якутского языка // Большой толковый словарь якутского языка. Новосибирск, 2018. С. 422—572. {A brief grammar of the Yakut language // Great Dictionary of the Yakut Language. Novosibirsk, 2018. P. 422—572.}

Левин 2013 — *Левин Г. Г.* Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII—IX вв. Якутск, 2013. {*Levin G. G.* Historical relations of Yakut with old Turkic languages in the 7th—9th centuries. Yakutsk, 2013.}

Оконешников 1982 — *Оконешников Е. И. Э. К.* Пекарский как лексикограф. Новосибирск, 1982. {*Okoneshnikov E. I. E. K.* Pekarskiy as a lexicographer. Novosibirsk, 1982.}

Оконешников 2015 — *Оконешников Е. И.* Язык саха: проблемы лексикографии и терминологии. Якутск, 2015. {*Okoneshnikov E. I.* Language of Sakha: problems of lexicography and terminography. Yakutsk, 2015.}

Оконешников 2017 — *Оконешников Е. И.* Терминологические словари якутского языка: типология и проблемы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017, 1. С. 71—84. {*Okoneshnikov E. I.* Terminological dictionaries of the Yakut language: typology and problems // Northeastern Herald for Humanities. 2017, 1. P. 71—84.}

Слепцов 1990 — *Слепцов П. А.* Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск, 1990. {*Sleptsov P. A.* Yakut literary language. Formation and development of general national standards. Novosibirsk, 1990.}

Слепцов 2007 — *Слепцов П. А.* Саха тылын историята. Якутск, 2007. {*Sleptsov P. A.* History of the Yakut language. Yakutsk, 2007.}

Слепцов 2008 — *Слепцов П. А.* Ступени и проблемы якутского языкознания: Сб. науч. трудов. Якутск, 2008. {*Sleptsov P. A.* Stages and problems of the Yakut linguistics: A collection of research papers. Yakutsk, 2008.}

Толковый словарь якутского языка 2004 — Толковый словарь якутского языка / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск, 2004. (Буква А). {Explanatory dictionary of the Yakut language / Ed. by *P. A. Sleptsov*. Letter A. Novosibirsk: Nauka, 2004.}

Тюнтешева, Шагдурова 2019 — *Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю.* Вопросы современного лексикографического описания тюркских языков Сибири // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 10—11 сентября 2019 года / сост. *Э. И. Сафина*. Казань, 2019. С. 245—250. {*Tyunteshева E. V., Shagdurova O. Yu.* Issues of modern lexicographic description of Siberian Turkic languages // Turkic linguistics in the 21st century: lexicology and lexicography. Proceedings of the International scientific conference devoted to the 80th anniversary of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Academy of Sciences of Tatarstan Republic, 10—11 September 2019. Ed. by *E. I. Safina*. Kazan, 2019. P. 245—250.}

Убрятова 1945 — *Убрятова Е. И.* Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945. {*Ubratova E. I.* Essay on the history of studying the Yakut language. Yakutsk, 1945.}

Анализ семантики турецкой лексемы *yer*

Напольнова Елена Марковна, Институт стран Азии и Африки МГУ (Москва);
elenapolnova@yahoo.com

Исследование семантики турецкой лексемы *yer* с основными значениями ‘место’, ‘земля’ и рядом вторичных значений ставит целью максимально приблизиться к пониманию всей информации, которой подсознательно располагает носитель языка при ее использовании. Значения и особенности использования слова *yer* определяются наивными представлениями о явлениях окружающего мира, необходимостью выражения современных научных знаний и особенностями процесса номинации в современном турецком языке. В отношении турецкого языка правомерен выбор значения ‘место’ в качестве первого значения *yer*, так как только для него не имеется синонимов или субститутов, от него образовано большее количество вторичных значений и оно шире представлено в качестве словообразовательной основы.

Ключевые слова: лексика турецкого языка, составляющие наивной модели мира, общетюркская лексика

THE ANALYSIS OF SEMANTICS OF THE TURKISH LEXEME *YER*

Elena M. Napolnova, Institute of Asian and African Countries,
Lomonosov Moscow State University (Moscow); elenapolnova@yahoo.com

The study of the semantics of the Turkish lexeme *yer* with the main meanings ‘place’, ‘ground’ and a number of secondary meanings aims to get as close as possible to understanding all the information that a native speaker subconsciously has when using it. The meanings and features of the use of *yer* are determined by naive notions, the need to express modern scientific knowledge and the peculiarities of the nomination process in modern Turkish. In the Turkish language, it is legitimate to specify ‘place’ as the first meaning of *yer*, since only for it there are no synonyms or substitutes, a greater number of secondary meanings are formed from it, and it is more widely represented as a derivational base.

Keywords: vocabulary of the Turkish language, the components of a naive model of the world, common Turkic vocabulary

На современном этапе развития языкознания семантические исследования ставят своей целью максимально приблизиться к пониманию всей информации, которой подсознательно располагает носитель языка при использовании той или иной лексемы и которая должна быть максимально адекватно «расшифрована» слушающим или проявиться в правильном выборе лексемы при порождении речи на иностранном языке — это «не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собой разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [Радбиль 2017: 3]. В отношении же слов, отражающих наивные представления о мироустройстве, особое значение, кроме того, имеет выявление системных связей между составляющими последнего, на основе которых может быть прослежена национальная специфика и выделены универсальные черты для разных групп языков и межъязыковые соответствия.

В культурах разных народов «земля» является обязательной составляющей наивной модели мира наряду с «небесами». Будучи объектом постоянного контакта всех людей и универсальной культурной и научной константой, земля занимает особое место в понимании таких глобальных категорий бытия, как пространство и время. На развитие семантики лексем со значением ‘земля’ в языках наряду с древними представлениями оказывал влияние прагматический фактор, выражающийся в способах хозяйственного использования земли в той или иной культуре, а также специфика процесса отражения научных знаний об окружающей среде. В европейских языках лексемы ‘земля’, как правило, имеют такие значения, как ‘земля-почва’, ‘земля-опора’, ‘земля-территория’. Одно из наиболее актуальных современных значений

таких лексем — ‘земля-планета’ — стало результатом научного познания окружающего мира и сформировалось в языках достаточно поздно.

В [Севортян, Левитская 1989: 192] указывается, что *yer* является общетюркской лексемой с основными значениями ‘земля’ и ‘место’. Как важнейшая составляющая тюркской модели мира *yer* как «средний мир» противопоставлена «верхнему миру», к которому относились «Солнце, Луна, звезды, а также высшие духовные существа: Всевышний, боги, ангелы» [СИГТЯ 2006: 327], и «нижнему миру»: «*üstün târîî jeri altın tamu jeri* ‘вверху — страна богов, внизу — страна ада’» [ДТС 1969: 40]. В разных тюркских языках *yer* также имеет значения ‘почва’, ‘территория’, ‘местность’, ‘расстояние’, ‘пол’, ‘постель’, ‘должность’, ‘планета’ [Севортян, Левитская 1989: 192]. В [СИГТЯ 2001: 53] главное значение *yer* определено как «земля как место обитания человечества».

Материалом для анализа семантики лексемы *yer* в современном турецком языке (ТЯ) послужили статьи словарей [ТДК] (взяты за основу), [Ağakay 1955; Hançerlioğlu 1992], а также актуальные примеры из бытовой речи и интернет-источников.

Для ТЯ в [ТДК] указывается 14 значений лексемы и, как и в других привлеченных для исследования словарях, изданных в Турции, из двух основных значений на первое место вынесено значение ‘место’: “*Bir şeyin, bir kimsenin kapladığı veya kaplayabileceği boşluk, mahal, mekân*” [ТДК] букв. ‘пустота, которую занимает или может занимать что-то или кто-то, окрестность, помещение/место’. Значение ‘земля’ в словарях указано вторым: “*Gezilen, ayakla basılan taban*” [ТДК] букв. ‘основание, по которому ходят, опираются ногами’, — или даже третьим: “*Ayaklarımızın altında serili bulunan her şey*” букв. ‘Всё, что распростерто у нас под ногами’ [Ağakay 1955: 780—781].

Большинство указанных в [ТДК] вторичных значений *yer* можно объединить под заголовком ‘**участок земной поверхности**’ — ‘район проживания’, ‘местоположение’, ‘страна’, ‘площадка’, ‘земельный участок’, ‘место события’: *doğum yer-i* (рождение *yer*-POSS3SG) ‘место рождения’, *yer yer* ‘местами’.

- (1) *Anadolu'nun bazı yer-ler-i-nde* [ТДК]
Анатолия'-GEN некоторый *yer*-PL-POSS3SG-LOC
‘в некоторых местах Малой Азии’
- (2) *Olay Yer-i İnceleme ve Kimlik Tespit Şube-si*
событие *yer*-POSS3SG исследование и личность установление дирекция-POSS3SG
‘Отдел по изучению места происшествия и установлению личностей’.
- (3) *Deniz kıyı-sı-nda bir yer al-dı-lar* <...> [ТДК]
море берег-POSS3SG-LOC один *yer* брат-PL-PL
‘Они купили участок на берегу моря’.

К «участкам земной поверхности» можно отнести и инфраструктурные объекты — достопримечательности, музеи, магазины и т. п.:

- (4) *gez-il-ecek yer-ler liste-si*
гулять-PASS-PC *yer*-PL список-POSS3SG
‘список достопримечательностей’
- (5) *bayram-da tek açık yer*
праздник-LOC единственный открытый *yer*
‘единственное место, открытое в праздники’

В отношении ограниченного участка земной поверхности наиболее близким по сфере употребления к *yer*, однако гораздо менее частотным, можно считать арабское заимствование *mekan* в значении ‘место’, которое обычно указывается в словарях в качестве эквивалента *yer*, ср. (5) и следующие примеры:

- (6) *İstanbul'-da 24 saat açık ol-an yemek mekan-ı*
Стамбул-LOC 24 час открытый быть-PC еда место-POSS3SG
‘единственное кафе в Стамбуле, открытое 24 часа в сутки’
- (7) *tanrı-lar-in mekan-ı Nemrut*
бог-PL-GEN место-POSS3SG Немрут
‘пристанище богов Немрут’
- (8) *Nemrut: krallar-in ve tanrı-lar-in taşlaş-tığı yer*
Немрут король-GEN и бог-PL-GEN окаменеть-SAF-POSS3SG *yer*
‘Немрут: место, где окаменели короли и боги’.

В значении ограниченной территории *yer* может быть заменено также рядом лексем с более дифференцированным значением — *alan* ‘площадь’, *saha* ‘площадка’, *bölge* ‘район, регион’, *arsa* ‘земельный участок’, *yöre* ‘регион, территория’, *dükkan* ‘магазин, лавка’ и др.

В отличие от территориального значения, в котором рассматриваемая лексема имеет ряд субститутов, только *yer* может быть использовано для обозначения **местоположения** — места, занимаемого отдельным человеком или предметом или предназначенного для них.

В отношении человека это может быть место, предназначенное для временного пребывания — сидения, лежания и др., а также в переносном смысле (13):

- (9) *yer-i-nden kalk-*
yer-POSS3SG-ABL подниматься
‘встать со своего места’, ‘трогаться’ (о транспорте)
- (10) *Ödeme yap-madan yer-iniz-i ayırt-in*
оплата делать-CV yer-POSS2PL отделять-2PL
‘Забронируйте себе место без оплаты’
- (11) *Uçak-ta yer kal-ma-dı*
самолет-LOC yer оставаться-NEG-PST
‘В самолете не осталось мест’.
- (12) *Yer-i-ni sev-di* (например, о растении)
yer-POSS3SG-ACC любить-PST
‘Оно здесь прижилось’.
- (13) *Sen benim yer-im-de ol-sa-n ne yap-ar-dı-n?* [TDK]
ты мой yer-POSS1SG-LOC быть-COND-2SG что делать-AOR-PST-2SG
‘Что бы ты сделал, если бы был на моем месте?’

Особо необходимо выделить сочетание *yer* с числительным ‘один’ в функции неопределенного артикля: *bir yer-de* (один yer-LOC) ‘где-то, где-нибудь’; возможно также с показателем множественности:

- (14) *Bir yer-ler-de çiçek aç-ıy-or*
один yer-PL-LOC цветок открывать-PRS
‘Где-то распускаются цветы’.

Значение ‘место’ стандартно используется в объявлениях о месте и времени проведения мероприятий: *yer ve tarih: ...* (*yer* и дата: ...) ‘время и место: ...’. Значение ‘место’ отражено в ряде высокочастотных сложных глаголов, например, *yer al-* (*yer* брать) ‘происходить, находиться где-л.’ (самое частотное в [TSC]), *yer ver-* (*yer* давать) ‘допускать что-л., выделять место для чего-л.’, *yer dtğiştir-* (*yer* менять) ‘перемещаться, менять местоположение’, *yer-i-nde ol-* (*yer-POSS3SG-LOC* быть) ‘находиться на (своем) месте’ и многие другие. Производным от *yer* ‘место’ является союз *-mak yer-i-ne* (-NMLZ yer-POSS3SG-DAT) ‘вместо того чтобы’:

- (15) *telefon-da konuş-mak yer-i-ne mesajlaş-mak*
телефон-LOC разговаривать-NMLZ yer-POSS3SG-DAT обмениваться.смс-NMLZ
‘обмениваться смс вместо того, чтобы говорить по телефону’

В разных языках у лексем ‘место’ сформировались значения, связанные со служебным положением, — русск. *претендовать на какое-л. место*, *теплое местечко*, англ. *cushy place*. Для ТЯ в словарях у *yer* также указывается значение “*görev, makam*” ‘**поручение, должность**’:

- (16) *Asker-den gel-ir-se bak-alım bir yer-e*
солдат-ABL приходить-AOR-COND смотреть-OPT один yer-DAT
yerleştirebil-ecek mi-yiz? (M. Ş. Esendal [TDK])
размещать-ABIL-FUT Q-1PL
‘Посмотрим, сможем ли мы его куда-нибудь пристроить после армии’.
- (17) *Pek-çok memur değıştir-il-di, fakat o yer-i-nde kal-dı* [Hançerlioğlu 1992: 538]
очень-много чиновник изменять-PASS-PST но он yer-POSS1SG-LOC оставаться-PST
‘Очень многих чиновников сместили, но он остался на своем месте’.

- (18) *İlk aç-il-acak yer-e siz tayın ed-il-ecek-siniz* [Ağakay 1955: 780—781]
 первый открывать-PASS-PC *yer-DAT* вы назначение AUX-PASS-FUT-2PL
 ‘Вы будете назначены на первую же вакантную должность’.

Однако нам не удалось обнаружить примеров к значению ‘поручение, должность’, кроме приведенных в указанных словарях и в корпусе ТЯ [TSC]. Представляется, что хотя контекстуально речь в них и идет о должности, однако в (16) *yer* в сочетании с числительным ‘один’ в функции неопределенного артикля использовано в значении ‘куда-нибудь’, в примере (17) *yer* фактически использовано в рамках сложного глагола ‘оставаться на своем месте’. Пример (18) приводится в [Ağakay 1955: 780—781] в рамках значения 2: «*şu veyu bu işe ayrılmış yer*» ‘место, выделяемое для того или иного дела’, наряду с «местом в гостинице», «местом в театре» и «месторасположением дома». С учетом времени создания литературных произведений (Şevket Esenal, 1883—1952) и словарей (первое издание [Ağakay 1955] и [Hançerlioğlu 1992] — 1945 г.) можно предположить, что в современном языке значение *yer* ‘должность’ архаизировалось, и наиболее употребительна, а в отношении негосударственных организаций единственно возможна лексема *pozisyon* (от англ. *position* ‘должность’): *açık pozisyon* (открытый позиция) ‘вакансия’.

Производным от *yer* ‘место’ является также значение, указанное в разных словарях как ‘роль, важность, значение’, в качестве синонимов для которого могут использоваться лексемы *önem* ‘важность’, *rol* ‘роль’:

- (19) *uçaç-ın yurt savunma-sı-ndaki yer-i* [TDK]
 самолет-GEN родина оборона-POSS3SG-ADJ *yer-POSS3SG*
 ‘значение авиации в национальной обороне’

Значение, обозначенное в словарях как *iz* ‘след’, связано с наличием сложного глагола *yer yap-* (*yer* делать) ‘пристроиться, обосноваться где-либо’:

- (20) *Kedi koltuğ-un şu köşe-si-ni kendi-ne yer yap-tı*
 кошка диван-GEN вот.этого угол-POSS3SG-ACC сам-DAT *yer* делать-PST
 ‘Кошка облюбовала себе местечко в этом углу дивана’.

Такое выражение предполагает присутствие на диване самой кошки или наличие следов ее пребывания там. Этот глагол соотносится также со швом, шрамом, трещиной или иным повреждением кожных покровов или другим следом на поверхности в значении ‘не проходить, не исчезать, стать привычным в каком-то месте, обосноваться где-то’, и в этом случае *yer* фактически соответствует русскому ‘шов, шрам’:

- (21) *Ora-yl kendi-ne yer yap-tı*
 то.место-ACC сам-DAT *yer* делать-PST
 ‘Периодически возобновляется в этом месте’ (например, об аллергической реакции на определенном участке кожи).

- (22) *ameliyat sonra-sı yara yer-i* [TDK]
 операция после-POSS3SG рана *yer-POSS3SG*
 ‘послеоперационный шов’

- (23) *çıban yer-i* [Ağakay 1955: 780—781]
 чирей *yer-POSS3SG*
 ‘шрам от чирья’

Возможно, по этой причине некоторые носители ТЯ отмечают у глагола *yer yap-* отрицательную коннотацию.

Еще одно приводимое в [Ağakay 1955: 780—782] значение *yer* связано с отсутствием в современном ТЯ лексемы со значением «пространство». При переводах текстов на ТЯ в каждом конкретном случае приходится использовать различные подходящие в той или иной ситуации слова: *boşluk* (пустой-DRV) ‘пустота, промежуток, отверстие, дыра’, *ara* ‘промежуток’, *etraf* ‘стороны, всё, что находится вокруг’, *hacim* ‘объем, вместимость’, *çevre* ‘окружающая среда’, *ortam* ‘среда’, *açık yer* ‘открытое место’ и т. д. В философии и социологии для обозначения пространства используется термин *uzam*, а в естественнонаучной, математической и инженерно-технической терминологии — *uzay* с первичным значением ‘космос’; обе лексемы были искусственно образованы от общетюркского *uza-* ‘быть длинным, длиться, уходить далеко’ [Севортян 1974: 570]: *uzay konstrüksiyon-lar-ı* (космос конструкция-PL-POSS3SG) ‘пространственно-стержневые конструкции’ (англ. *space frame building construction*).

Одной из лексем, используемых для обозначения ограниченного пространства, является вышеназванное арабское заимствование *mekan* (например, в качестве архитектурного термина ‘пространство (комнаты, зала)’ [Altan 2005]). *Mekan* стандартно приводится в словарях в качестве синонима *yer*. В [Ağakay 1955: 780—782] указано, что *yer* имеет не только плоскостное, но и пространственное значение: “*bir şeyin bulunduğu, konulduğu uzay veya alan parçası*” букв. ‘часть пространства или площади, где находится или куда помещена какая-либо вещь’. Из приводимых для этого значения примеров с «пространством» можно в какой-то степени соотнести только следующий:

- (24) *Akciğer-ler-le yüreğ-in yer-i göğüs boşluğ-u-dur*
 легкое-PL-INS сердце-GEN yer-POSS3SG грудь пустота-POSS3SG-IND
 ‘Легкие и сердце расположены в грудной клетке’.

Однако и в этом случае речь фактически идет не о «пространственности», а о местоположении объекта. При этом попытки соотнесения *yer* с «пространством» были неоправданно перенесены и в двуязычные словари [Redhouse 1968: 1253—1254; Longman 1993: 1459; Langenscheidts 1992: 1037].

Производным от *yer* ‘место’ является значение ‘часть целого’ в отношении как одушевленных, так и неодушевленных объектов, хотя оно и не отмечено ни в одном из рассмотренных нами словарей:

- (25) *Her yer-im ağr-ıyor*
 каждый yer-POSS1SG болеть-PRS
 ‘У меня всё болит’.
- (26) *Al-dığ-ım ürün-ün her yer-i kırık dökük*
 брать-SAF-1SG товар-GEN каждый yer-POSS3SG ломанный обвалившийся
 ‘Купленный мной товар весь поломан’.

Субститутом *yer* в этом значении являются *taraf* ‘(любая) сторона’, замена на которое может быть произведена в том числе и в приведенных примерах, а также — в отношении неодушевленных объектов — *kısım, parça* ‘часть’.

Yer ‘место’ является активной словообразовательной основой. Производная лексема *yer-li* (*yer*-EXS) имеет «географическое» значение, привязывающее объект к соответствующему участку земной поверхности: ‘местный’, ‘автохтонный’, ‘абориген’: *yerli muz* (местный банан) ‘бананы отечественного производства’, *yerli halk* (местный народ) ‘местное население’, *yerli-ler* (местный-PL) ‘аборигены’. В отличие от *yer-li*, лексема *yer-siz* (*yer*-ABS) ‘неуместный’, ‘неподходящий’, ‘бессмысленный’ связывает отсутствие у объекта «собственного места» с его «неправильностью», «неуместностью»: *yer-siz ödeme-ler* (место-ABS оплата-PL) ‘необоснованные выплаты’,

- (27) *Hepsi-ni birden iste-mek / Yersiz ...* (B. Necatigil [TDK])
 всё-ACC сразу хотеть-NMLZ / неуместный
 ‘Требовать всего сразу неуместно’.

Yerli получает значение ‘уместный’ только при парном использовании с антонимом: *yerli yersiz* ‘уместный и неуместный; к месту и не к месту’.

От *yer* ‘место’ искусственным образом произведено значительное количество лексем, отражающих современные реалии: *yerel* ‘местный’ (*yerel seçim-ler* (местный выбор-PL) ‘выборы в органы местного управления’, *yerel yönetim* (местный управление) ‘местное руководство’), *yerleşik* ‘оседлый’, *yerleşim* ‘населенный пункт’, *yerleşke* ‘кампус’ и др. Глагол *yer-leş-* ‘обосноваться, разместиться, закрепиться, занять место’ используется в прямом и переносном значениях:

- (28) *Taşın-dı-k, fakat daha yerleş-e-me-di-k*
 переезжать-PST-1PL но еще обосноваться-ABIL-PST-1PL
 ‘Мы переехали, но еще не обосновались’.
- (29) *üniversite-ler-e öğrenci seç-me ve yerleş-tir-me işlem-ler-i*
 университет-PL-DAT студент выбирать-NMLZ и размещаться-CAUS-NMLZ операция-PL-POSS3SG
 ‘процедуры отбора студентов и распределения по университетам’.

Значение *yer* ‘земля’ присутствует прежде всего в ряде фразеологизмов, в которых отражены **наивные представления о мироустройстве**:

- (30) *yer-den göğ-e kadar*
yer-ABL небо-DAT до
 ‘от земли до неба’
- (31) *yer-i göğ-ü tirmala-*
yer-ACC небо-ACC царапать
 ‘испытывать ужасную боль’, букв. ‘царапать землю и небо’
- (32) *yer yarıl-ıp içine gir-*
yer раскалываться-PC внутрь входит
 ‘провалиться сквозь землю’

Ряд такого рода фразеологизмов фиксирует также функцию земли как **места захоронения**:

- (33) *On-u yer kabul et-mez*
 он-ACC *yer* прием AUX-AORNEG
 букв. ‘Его не примет земля’.
- (34) *yer-e bak-*
yer-DAT смотреть
 ‘приблизиться к своей смерти’

Однако важно, что в случае, если речь идет не о наивной модели мира, а о реальном захоронении, возможно только *toprak* ‘земля-почва’.

В полном соответствии с представлениями о земле как о всеобщем основании *yer* ‘земля-основание’ используется для обозначения естественного основания для совершения разнообразных физических и виртуальных действий: *yer-e sağlam bas-* (*yer*-DAT крепко давить) ‘прочно стоять на ногах’; *yer-e yıkıl-* (*yer*-DAT рушиться) ‘рухнуть на землю’; *yer-e ser-* (*yer*-DAT стелить) ‘стелить на землю/пол’; *yer hizmet-ler-i* (*yer* услуги-PL-POSS3SG) ‘наземные службы (аэропорта)’.

Земля-основание является объектом изучения разных наук, в том числе физики и геологии, в соответствии с потребностями которых в ТЯ был образован ряд физических и геологических терминов: *yer çekim-i* (*yer* натяжение-POSS3SG) ‘земное притяжение’, *yer bilim-i* (*yer* наука-POSS3SG) ‘геология’, *yer kabuğ-u* (*yer* кора-POSS3SG) ‘земная кора’, *yer çekirdeğ-i* (*yer* ядро-POSS3SG) ‘ядро Земли’, *yer biçim-ler-i* (*yer* форма-PL-POSS3SG) ‘формы рельефа’, *yer sarsıntı-sı* (*yer* сотрясение-POSS3SG) ‘землетрясение’ (видимо, калька фр. *tremblement de terre* ‘землетрясение’, к которому также восходит более употребительный термин *deprem*) и др.

В рамках процесса образования новых терминов *yer-alt-ı* (*yer*-низ-POSS3SG) изменило свое «наивное» значение на ‘подземный’ и обрело антоним *yer-üst-ü* (*yer*-верх-POSS3SG), во многих случаях заменивший *yer-yüz-ü* (*yer*-поверхность-POSS3SG) ‘земная поверхность’. Вместе они стали характеризовать объекты, находящиеся на поверхности земли и под ней: *yer-altı zenginlik-ler-i* (*yer*-под богатство-PL-POSS3SG) ‘подземные ископаемые’, *yer-üstü su-lar* (*yer*-на/над вода-PL) ‘наземные воды’, *yer-altı ve yer-üstü boru hat-lar-ı* (*yer*-под и *yer*-на/над труба-PL-POSS3SG) ‘наземные и подземные трубопроводы’.

Для обозначения разных типов как естественных, так и искусственных оснований наряду с *yer* используется также персидское заимствование *zemin* ‘основание’: *zemin kat-ı* (основание этаж-POSS3SG) ‘первый этаж’, *Islak zemin!* (мокрый основание) ‘Осторожно! Мокрый пол!’ (предупреждающий знак).

Важным отличием *zemin* от *yer* являются отсутствие значения ‘место’ и наличие вторичных значений ‘фон’ (35) и ‘среда, почва для чего-л.’ (36):

- (35) *zemin-i mavi bir halı*
 основание-POSS3SG голубой один ковер
 ‘ковер с голубым фоном’
- (36) *ABD ekonomik operasyon-a nasıl zemin hazırla-dı?*
 США экономический операция-DAT как основание готовить-PST
 ‘Как США подготовили почву для экономической операции?’

Обозначая любое основание — как естественное, так и искусственное, — *yer* в ТЯ активно используется в отношении **полов в помещении**: *yer seramiğ-i* (*yer* керамика-POSS3SG) ‘напольная кафельная плитка’, *yer döşe-me-si* (*yer* выстилать-NMLZ-POSS3SG) ‘пол, напольное покрытие’ и др., а среди предметов быта есть много таких, которые в традиционной культуре использовались на земляном основании, а в настоящее время — на полу: *yer minder-i* (*yer* матрасик-POSS3SG) ‘тонкая подушка или матрасик для

сидения на земле, на полу’, *yer yatağ-ı* (*yer* постель-POSS3SG) ‘матрас для сна на полу’. Однако определения *yer altı* и *yer üstü* соотносятся только непосредственно с поверхностью земли.

Восприятие носителями ТЯ *yer* не только как земли, а как любого основания — естественного и искусственного, — обусловило то, что в словарях, составленных турецкими авторами, в качестве отдельного значения ‘пол’ не выделяется.

В отношении полов в помещении синонимами *yer* является тюркская лексема *döşeme* (от ДУШЕ-‘стелить’ [Севортян 1980: 333—334]), а также вышеназванная *zemin*.

Yer ‘земля, пол’, аналогично *yer* ‘место’, используется с показателем множественного числа, но в значении не множественности (ср. (1), (4), (14)), а распределенности по площади:

- (37) *Dikkat et yer-ler ıslak*
осторожность AUX *yer*-PL мокрый
‘Осторожно! Полы мокрые!’

Значение *yer* ‘Земля’ указывается во всех рассмотренных словарях, а в [Турецко-русский 1977] даже приведено внутри значения 1: «*в разн. знач.* земля» [Турецко-русский 1977: 923]. В [ТДК] в качестве эквивалента *yer* в терминологическом значении приводится «*yer-küre*» (*yer*-шар) (ср. русск. *земной шар*, нем. *Erdkugel*) с пометой «география», но без примера. Этот термин в других источниках можно встретить также в форме изафетного словосочетания *Yer-küre-si* (*yer*-шар-POSS3SG). Ввиду хаотичности процесса формирования терминологии в ТЯ, вопреки указанию в [ТДК], обнаруженные примеры с *yerküre* указывают на наличие у нее значений ‘глобус’ и ‘геосфера’: *yer-küre model-ler-i* (*yer*-шар модель-PL-POSS3SG) ‘модели глобусов’,

- (38) *Yer-küre Geosfer olarak ta bil-in-ir* [Turkcebilgi]
yer-шар геосфера как тоже знать-RFL-AOR
‘*Yerküre* также известно как «геосфера»’.

Несколько примеров в [TSC] указывают на наличие у *yerküresi* значения ‘земной шар’: *yer küre-si üst-ü-ndeki toprak-lar* (*yer* шар-POSS3SG верх-POSS3SG-ADJ почва-PL) ‘земли на поверхности Земли’, а также:

- (39) *2005 yıl-ı-na bak-alım yer küre-si nasıl gir-ecek* [TSC]
2005 год-POSS3SG-DAT смотреть-OPT *yer* шар-POSS3SG как входить-FUT
‘Посмотрим, как Земля войдет в 2005 год’.

- (40) *Biz çoğ-u zaman yer küre-si, Merih, gökyüzü, insanlık hakkında yaz-ıyor-uz* [TSC]
мы много-POSS3SG время *yer* шар-POSS3SG Марс небосвод человечество о писать-PRS-1PL
‘Чаще всего мы пишем о Земле, Марсе, небосводе, человечестве’.

Однако примеров, которые могли бы указать на наличие у *yer* в обособленном использовании значения ‘земля-планета’, мы не обнаружили.

Значение ‘земля-планета’ присутствует у *jer* в некоторых тюркских языках [Севортян, Левитская 1989: 192], однако в ТЯ под влиянием исламской культурно-научной традиции в качестве стандартного астрономического термина вошло и продолжает использоваться персидское заимствование *Dünya* ‘Земля (планета)’. Представляется правильным предположить, что *Yer* ‘Земля (планета)’ в [Hançerlioğlu 1992: 538] и [Ağaçay 1955: 780—781] обусловлено временем создания этих словарей, когда замена арабо-персидских заимствований на тюркские лексемы являлось не просто тенденцией процесса языковой номинации, а важным фактором государственной языковой политики, и затем было перенесено в более поздние словари. Косвенным подтверждением отсутствия у *yer* значения ‘Земля’ можно считать оппозицию *Dünya-li* ‘землянин’ — *yer-li* ‘местный, абориген’.

Сказанное позволяет говорить о фактическом наличии у лексемы *yer* в ТЯ значения ‘земля’ в функции геологического и физического термина, но не астрономического ‘земля-планета’.

Jer и *sub* (*suw*) ‘вода’ определяются как два необходимых условия жизни, что было отражено в архаичном сложении *jer sub* (*suw*) ‘земля-материк’, представленном во многих тюркских языках [СИГТЯ 2006: 376]. В ТЯ это словосочетание утрачено, а в значении ‘земля-материк’ используется арабское заимствование *kara* (араб. *qarra* ‘суша’), что, как указано в [Дыбо 2013: 226], из всех тюркских языков имеет место только в ТЯ — такая противопоставленность земли-суши водной поверхности характерна для приморских культур с развитым морским хозяйством и отражена в ряде выражений:

- (41) *deniz-de ve kara-da gid-en araç*
море-LOC и суша-LOC идти-PC транспорт
‘автомобиль, способный двигаться по морю и по суше’

- (42) *deniz-de ve kara-da yaşa-yan hayvan-lar*
 море-LOC и суша-LOC жить-PC животные
 ‘морские и наземные животные’.

В отличие от ряда других языков, в том числе некоторых тюркских [Севортян, Левитская 1989: 192], в ТЯ *yer* в самостоятельном употреблении не имеет значения ‘почва’, будучи противопоставлено *toprak* ‘земле-почве’ [Дыбо 2013: 226—233]. Разделение двух этих объектов могло быть обусловлено возникшей на определенном этапе развития производства необходимостью противопоставления земли-почвы как объекта земледелия земле-поверхности как опоре и площадке для перемещения. Возможно только: *toprak duvar* [TDK] (почва стена) ‘земляная стена’, *bir avuç toprak* (один горсть почва) ‘горсть земли’ (при невозможности **bir avuç yer*). Важным различием в семантике между *yer* и *toprak* является то, что *yer* — это прежде всего твердая поверхность:

- (43) *Yer demir gök bakır* [TSC]
yer железо небо медь
 ‘Никуда не достучишься’.

И, напротив, *toprak* выступает как пластичный материал, который может быть подвергнут обработке различными способами: *toprak işle-* (почва обрабатывать) ‘обрабатывать почву’ (при невозможности **yer işle-*), *toprak kap* (земля сосуд) ‘глиняный сосуд, горшок, форма’.

Тем не менее в [Haңçerliođlu 1992: 538] и [Ađakay 1955: 780—781] для *yer* указан эквивалент *toprak* в сопровождении примера:

- (44) *Çorak yer-de ot bit-mez*
 засушливый yer-LOC трава расти-AORNEG
 ‘В засушливом месте трава не растет’.

Представляется, что в данном случае *yer* использовано не в значении ‘почва’, а в территориальном значении ‘участок земли’, которое имеет также и *toprak*.

- (45) *köylü-ler-e toprak dağıt-* [TDK]
 крестьянин-PL-DAT почва раздавать
 ‘раздавать землю крестьянам’

- (46) *Anadolu toprak-lar-ı-nda*
 Анатолия почва-PL-POSS3SG-LOC
 ‘на территории Малой Азии’ (ср. (1)).

В некоторых фитонимах и зоонимах *yer* имеет значение ‘карликовый’ как ‘близкий к поверхности земли’, например: *yer çam-ı* (земля сосна-POSS3SG) *Ajuga chamaeritys* (растение высотой 5—10 см), *yer fesleğen-i* (земля базилик-POSS3SG) *Mercurialis annua* (травянистое растение), *yer meşe-si* (земля дуб-POSS3SG) *Teucrium chamaedrys* (травянистое растение). Однако, вопреки тому, что в ТЯ *yer* фактически не имеет значения ‘почва’, имеется и ряд других названий растений, у которых в пищу используются корневища или подземные части. Часть этих названий являются кальками, оценить характер других (естественный, общезыковой, региональный, искусственно созданный) не представляется возможным ввиду отсутствия специальных исследований и общей хаотичности процесса номинации растений и животных не только в бытовом ТЯ, но и в качестве научных терминов: *yer elma-sı* (*yer* яблоко-POSS3SG) ‘топинамбур’ (корнеплод, похожий на сладкий картофель), *yer fistiğ-i* (*yer* фисташка-POSS3SG) ‘арахис, земляной орех’ (в противоположность фисташкам, произрастающим на дереве; ср. англ. *groundnut* или нем. *Erdnüsse*), *yer mantar-ı* (*yer* гриб-POSS3SG) ‘трюфель’. *Yer* используется также в названиях животных, жизнедеятельность которых связана с поверхностным слоем земли: *yer sıçan-ı* (*yer* крыса-POSS3SG) ‘крот’ (возможно, региональное), *yer örümceğ-i* (*yer* паук-POSS3SG) *Mygale avicularia* (крупный паук, строит гнезда в земле), *yer eşeğ-i* (*yer* осел-POSS3SG) используется в отношении разных видов жуков с «рогами» на голове, *yer domuz-u* (*yer* свинья-POSS3SG) ‘трубказуб’ (эндемичное африканское животное с носом, напоминающим вытянутый пятак, местное название которого *aardvark* букв. ‘земляная свинья’ калькировано во французском). Всё это позволяет говорить об использовании *yer* в значении ‘почва’ в составе устойчивых словосочетаний — главным образом, в результате калькирования.

Значения *yer* и коррелирующих с ней лексем в современном ТЯ можно суммировать следующим образом:

	<i>yer</i>	Квазисинонимы, субституты
‘местоположение’	<i>yer</i>	—
‘территория, участок’	<i>yer</i>	<i>mekan, alan, saha, toprak, arsa</i> и др.
‘земля-поверхность’	<i>yer</i>	<i>yer yüzü, yer üstü</i>
‘земля-основание’, ‘земля как физический и геологический объект’	<i>yer</i>	<i>zemin</i>
‘материк’	—	<i>kara</i>
‘Земля как астрономический объект’	искусственно создано, не вошло в употребление	<i>Dünya</i>
‘земля-почва’	в связанных словосочетаниях	<i>toprak</i>
‘часть целого’	<i>yer</i>	<i>taraf, parça, kısım</i>
‘должность’	возможно, устаревшее значение	<i>pozisyon, görev, makam</i>
‘роль, значение’	<i>yer</i>	<i>önem, rol</i>
‘пол’	<i>yer</i>	<i>zemin, döşeme</i>
‘пространство’	<i>açık yer</i>	<i>mekân, uzay</i>

Указание значения ‘место’ в словарных статьях в качестве первого значения лексемы *yer* в ТЯ оправдано, так как только для него не имеется синонимов, квазисинонимов или субституты, от него образовано большее количество вторичных значений и оно шире представлено в качестве словообразовательной основы.

Семантика лексемы *yer* в ТЯ оказалась достаточно противоречивой ввиду того, что под влиянием внеязыковых факторов происходит «размывание» ее исконного значения.

Факторами изменения значения *yer* являются:

- потребность в создании современных научных понятий и терминов,
- калькирование как средство номинации,
- языковая политика, направленная на замену заимствований тюркскими словами.

Очевидно, что такие «новые» значения не являются элементами «языковой картины мира» или «модели мира».

Сокращения

Языки

англ. – английский
араб. – арабский
нем. – немецкий

русс. – русский
ТЯ – турецкий язык

Глоссы

1 — первое лицо	DAT — дательный падеж (датив)
2 — второе лицо	DRV — словообразовательный показатель
3 — третье лицо	EXS — словообразовательный показатель, указывающий на наличие признака
AVIL — модальность возможности	FUT — будущее время
AVL — отложительный падеж (аблатив)	GEN — родительный падеж (генитив)
ABS — словообразовательный показатель, указывающий на отсутствие признака	IND — показатель изъявительного наклонения
ACC — винительный падеж (аккузатив)	INS — инструментальный падеж (инструменталис)
ADJ — показатель имени прилагательного (адъективизатор)	LOC — местный падеж (локатив)
AOR — аорист (настоящее-будущее время)	NEG — отрицание
AORNEG — негативный аорист	NMLZ — имя действия
AUX — вспомогательный глагол	OPT — желательное наклонение (оптатив)
CAUS — понудительный залог	PASS — пассивный залог (пассив)
COND — условная модальность	PC — причастие
CV — деепричастие (конверб)	PL — множественное число
	POSS — посессивный показатель

PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 Q — вопросительная частица
 RFL — возвратный залог

SAF — показатель субстантивно-адъективной формы (именной отглагольной формы, которая может использоваться в функции как существительного, так и прилагательного)
 SG — единственное число

Литература

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Лetyагина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л.*, 1969. {Old Turkic dictionary / Eds. *Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V., Letyagina N. I., Tugusheva L. Ju. L.*, 1969.}

Дыбо 2013 — *Дыбо А. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013. {*Dybo A. V.* Etymological dictionary of Turkic languages. Volume 9 (additional): Etymological dictionary of base vocabulary of Turkic languages. Astana, 2013.}

Радбиль 2017 — *Радбиль Т. Б.* Язык и мир. Парадоксы взаимоотражения. М., 2017. {*Radbil T. B.* Language and the world. Paradoxes of mutual reflection. Moscow, 2017.}

Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М., 1974 {*Sevortian E. V.* Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with vowels. Moscow, 1974.}

Севортян 1980 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы 'В', 'Г' и 'Д'. М., 1980. {*Sevortian E. V.* Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with letters "V", "G" and "D". Moscow, 1979.}

Севортян, Левитская 1989 — *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы 'Ж', 'Ж', 'Й'. М., 1989. {*Sevortian E. V., Levitskaya L. S.* Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with letters «Dzh», «Zh», «J». Moscow, 1989.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / *Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г. М.*, 2001. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Vocabulary / Ed. *Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodotov I. G.* Moscow, 2001.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Под ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М.*, 2006. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Pre-turkic language-base. Picture of the world of pre-turkic ethnic group according to language data / Eds. *Tenishev E. R., Dybo A. V.* Moscow, 2006.}

Турецко-русский 1977 — Турецко-русский словарь. М., 1977. {Turkish-Russian dictionary. Moscow, 1977.}

Аğakay 1955 — *Agakay M. A.* Türkçe sözlük {Turkish dictionary}. Ankara, 1955.

Altan 2005 — *Altan İ.* Mimarlıkta mekan kavramı {Concept of *mekan* in architecture}. İstanbul, 2017.

Hançerlioğlu 1992 — *Hançerlioğlu O.* Türk Dili Sözlüğü {Turkish dictionary}. İstanbul, 1992.

Langenscheidts 1992 — Langenscheidts Taschenwörterbuch Türkisch-Deutsch, Deutsch-Türkisch {Langenscheidt's pocket dictionary Turkish-German, German-Turkish}. İstanbul, 1992.

Longman 1993 — Longman-Metro Büyük İngilizce-Türkçe Sözlük {The Larger English-Turkish dictionary}. İstanbul, 1993.

Redhouse 1968 — Redhouse Yeni Türkçe-İngilizce Sözlük {Redhouse New Turkish-English dictionary}, 1968.

TDK — Türk Dil Kurumu sözlükleri // tdk.gov.tr

TSC — Корпус турецкого языка // tscorpus.com

Turkcebilgi — www.turkcebilgi.com/yerkure

Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект?

Норманская Юлия Викторовна, Институт системного программирования РАН,
Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Кошелюк Наталья Андреевна, Томский государственный университет;
nkoshelyuk@yandex.ru

Статья посвящена изучению ранее неопубликованного мансийского словаря, обнаруженного в фонде А. М. Шёгрена Санкт-Петербургского филиала архива РАН. Автор словаря, время и место его создания неизвестны. Можно лишь обратить внимание на то, что список слов совпадает со словарями П. С. Палласа, собранными в XVIII веке. Однако в книге П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» (Санкт-Петербург, 1787—1789 гг.) эти материалы по неизвестной причине отсутствуют. В статье представлены результаты анализа диалектно-дифференцирующих черт словаря в сравнении с другими диалектами мансийского языка.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, мансийский язык, мансийские диалекты, архивный материал, диалектная принадлежность, Андрей Михайлович Шёгрэн

THE UNPUBLISHED MANSI DICTIONARY OF P. S. PALLAS — AN EARLIER UNKNOWN MANSI DIALECT?

Julia V. Normanskaja, Institute for System Programming, RAS, Institute of Linguistics, RAS (Moscow);
julianor@mail.ru

Natalia A. Kosheliuk, Tomsk State University; nkoshelyuk@yandex.ru

The article presents an analysis of a previously unpublished Mansi dictionary, which was discovered in A. M. Sjögren holding of St. Petersburg Branch Archive of the Russian Academy of Sciences. Its authorship, the place and time of its creation are unknown. The attention can be drawn to the fact that the wordlist coincides with the dictionaries by P. S. Pallas, which were collected in the 18th century. However, in the book by P. S. Pallas “Comparative Dictionaries of all Languages and Dialects Collected by the Right Hand of the All-Important Person” (Saint Petersburg, 1787—1789), these materials are missing for some unknown reason. The article presents the results of the analysis of the dictionary’s features concerning dialectal differentiation in comparison to other dialects of the Mansi language.

The text was studied according to its graphical and phonetical features as well as according its dialectal differentiation. This fact and the addition of a comparative analysis of the dictionary with the modern information obtained in the fieldwork permit establishing that the language of the dictionary has an affinity with the Konda (earthen) and Middle-Ob (northern) dialect (the transition of Proto-Mansi **k* into *x* before Proto-Mansi back vowels, the reflex of **ɣ* before consonants and at the end of a word). This is confirmed by the lexical isoglosses common with the dialect, recorded near the river Beryozovaya and presented in the dictionary by P. S. Pallas. But in the dictionary a special form of conjugation is marked, which was previously described only for western dialects. The dictionary also shows the archaic preservation of the Proto-Mansi **š* that turns into *s* in the northern Middle-Ob and Sosvinsky dialects, and Proto-Mansi **ɣ* in the intervocal position that turns into *w* in all dialects except for the western Lozvinsky.

Thus, the considered dictionary presents both archaic peculiarities and innovative northern and western features, which does not give us the opportunity to consider it as one of the traditionally distinguished dialect groups. Perhaps, the further study of the Mansi texts of the 18th century will indicate the necessity of the revision of the dialect classification of the Mansi language for that period.

Keywords: comparative linguistics, Mansi language, Mansi dialects, dialectal differentiation, Andreas Johan Sjögren

В течение последних нескольких лет нами было найдено около 10 архивных и не включенных в научный оборот материалов по мансийскому языку. Каждый из обнаруженных источников (словари, переводы богослужебных текстов) содержит ценную информацию о мансийских диалектах. Уникальность этих памятников заключается прежде всего в том, что даже небольшой по объему словарь XVII—XIX столетий способен существенно дополнить имеющиеся сведения о мансийском языке и его диалектах. Так, проведенный нами в 2018 г. графико-фонетический анализ ряда источников привел к интересным выводам, касающимся вопроса верификации словарей Каннисто и Мункачи, ср. [Норманская, Кошелюк 2017; Kosheliuk, Normanskaya 2018; Kosheliuk 2018; Кошелюк 2018]. Примечателен и тот факт, что про некоторые памятники нет указаний, где, кем и на каком диалекте они были созданы.

Словарь, рассмотренный в этой статье, — как раз один из таких случаев. Известно только, что он был переписан в XIX в. А. М. Шёгреном из архива Петра Симона Палласа, получившего во времена правления Екатерины II словники со всей России для создания «Сравнительного словаря всех языков и наречий» [Паллас 1790—1791]¹. Однако по неизвестным причинам данный словник в опубликованный словарь не вошел. Более того, лексически он весьма отличается от представленных у Палласа диалектов². Вот, например, слова, которые у Палласа не представлены ни в одном диалекте: *нуми тормь-кань* ‘небо’, *велть* ‘лицо’, *вү* ‘звезда’. С точки зрения лексики наибольшее сходство было обнаружено с мансийским диалектом по р. Березовой, ср., например:

— *шопь* ‘рот’, ср. *шоб* ‘рот’ (р. Березовая) [в других диалектах: по р. Чюсовой *Тожь*; в Верхотурском округе *Тось*; около Чердыма *Шусь*],

— *мисъ-вить* ‘молоко’ и *мисъ-вить* ‘молоко’ (р. Березовая) [в других диалектах: по р. Чюсовой *Сыртай*; в Верхотурском округе *Суруть*; около Чердыма *Сяхуить*, *Чэхуить*],

— *элымхолсь* ‘человек’, *еллемхолсь* ‘человек’ (р. Березовая) [в других диалектах: по р. Чюсовой *Клась*, *Холлась*; в Верхотурском округе *Колысь*; около Чердыма *Ириголось*],

— *няврамь* ‘мальчик’ и *няуремь-хунь* ‘мальчик’ (р. Березовая) [в других диалектах: по р. Чюсовой *Микько*, *Ушонь*, *Уасунь*; в Верхотурском округе *Уйскумь*, *Гуишарь*; около Чердыма *Усысарпь*].

Для определения диалектной принадлежности данного словаря по его графико-фонетическим особенностям мы создали он-лайн версию словаря <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/29131/perspective/1393/29132/view> с параллелями к словам памятника на сосвинском диалекте и указанием этимологических связей с другими мансийскими диалектами. Словарь был проанализирован с точки зрения диалектно-дифференцирующих изоглоссов, приведенных в [Honti 1988: 149].

Основные диалектно-дифференцирующие изоглоссы мансийских диалектов по [Honti 1988: 149].

	Южные	Восточные	Западные	Северные
1 признак	\bar{a}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}
2 признак	\bar{e}	\bar{a}/\bar{e}	\bar{e}	\bar{a}
3 признак	\bar{aw}	\bar{i}	\bar{aw}	\bar{aw}
4 признак	\acute{c}	\acute{s}	\acute{s}	\acute{s}
5 признак	\check{s}	$s(\check{s})$	\check{s}	$s(\check{s})$
6 признак	k	x/k	k	x
7 признак	k	k	k	k

Рассмотрим эти признаки. При работе с гласными мы опираемся на прамансийскую реконструкцию гласных, предложенную в [Honti 1982], дополненную современными полевыми данными.

1 признак: ПМанс * \bar{a}

Сосвинский диалект	Обской диалект	Юкондинский диалект	Пельымский диалект	Южный диалект
o/\bar{o}	o	o/\bar{o}	o	a

¹ На момент сканирования по нашему заказу рукопись словаря находилась в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в фонде А. М. Шёгрена, который в настоящее время заштателирован.

² Следует отметить, что все словари, собранные П. С. Палласом, были связаны с одним населенным пунктом, который был обозначен в их названии. Рассматриваемый словарь, с нашей точки зрения, также не составляет исключения, потому что рефлексация каждого из фонетических и морфологических прамансийских сегментов является единообразной.

- 1) *кóшхай* ‘муравей’
юконд. *xos’i* ‘муравей’³, пелым. *Кóшшый* ‘муравей’ [Словцов 1905: 18], сосьв. *xõсвой* ‘муравей’⁴, тавд. *kaškāj* ‘муравей’ < ПМанс **kāšyāj*⁵ [Honti 1982] < ПУ **kučV*;
- 2) *хóндаслымь* ‘нахожу’
ср.-обск. *xo:nin-* ‘находить’⁶, юконд. *xonten-* ‘находить’, сосьв. *xõнтуң-* ‘находить’ < ПУ **kunta*;
- 3) *ошъ* ‘овца’
ср.-обск. *of* ‘овца’, юконд. *os* ‘овца’, пелым. *Ошъ* ‘овца’ [Словцов 1905: 19] < ПМанс **āš* [Honti 1982] < ПУ **uče*;
- 4) *хóдалъ* ‘день’
ср.-обск. *xo:täl* ‘солнце, день’, юконд. *xotäl* ‘солнце, день’, пелым. *Кóтоль* ‘солнце’ [Словцов 1905: 24], сосьв. *xõтал* ‘солнце’ < ПМанс **kātäl ~ *kätäl* [Honti 1982] < ПУ **koje*;
- 5) *хóтънанъ* ‘шестьдесят’
ср.-обск. *xotpa:* ‘шестьдесят’, юконд. *xot (xo:t)* ‘шесть’, сосьв. *xom* ‘шесть’, тавд. *kat* ‘шесть’ < ПМанс **kāt* [Honti 1982] < ПУ **kutte*;
- 6) *воттъ* ‘ветер’
ср.-обск. *voť* ‘ветер’, пелым. *Вóтлехтъ* ‘веять’ [Словцов 1905: 6], сосьв. *võт* ‘ветер’, тавд. *wāt* ‘ветер’ < ПМанс **wātz* [Honti 1982];
- 7) (*мисъ*)-*вой* ‘(коровье) масло’
пелым. (*Сай*)*вой* ‘коровье масло’ [Словцов 1905: 18], сосьв. *võй* ‘масло’ < ПМанс **wāj* [Honti 1982] < ПУ **woje*.

Как видно из приведенных примеров, гласный в диалекте памятника совпадает с рефлексам в северных, западных и восточных диалектах мансийского языка, в которых ПМанс **ā > o*, и отличается от рефлексов в южных диалектах, где качество ПМанс **ā* сохраняется (ср. тавд. *kaškāj* ‘муравей’, тавд. *kat* ‘шесть’, тавд. *wāt* ‘ветер’).

2 признак: ПМанс **ĭ*

Сосьвинский диалект <i>a/ā</i>	Обской диалект <i>e</i>	Юкондинский диалект <i>a/ā</i>	Пелымский диалект <i>e⁷</i>	Южный диалект <i>a</i>
--------------------------------------	-------------------------------	--------------------------------------	--	------------------------------

- 1) *хаабъ* ‘лодка’
юконд. *xāp* ‘лодка’, пелым. *Кэпъ* ‘лодка’ [Словцов 1905: 16], сосьв. *xān* ‘лодка’ < ПМанс **kĭpɹz* [Honti 1982] < ПУ **kappV*;
- 2) *тары* ‘журавль’
пелым. *Тэры* ‘журавль’ [Словцов 1905: 10], сосьв. *tāрыг* ‘журавль’, тавд. *tārəw* ‘журавль’ < ПМанс **tĭrəy* [Honti 1982] < ПУ **tarV-kV (*tarkV)*.

В отношении реализации ПМанс **ĭ* по [Honti 1982] в рассматриваемом памятнике мы наблюдаем переход в *a*, который ранее считался характерным для северных (сосьвинского), восточных (юкондинского) и южных диалектов. Однако анализ материалов словаря [Паллас 1790—1791] показывает, что в западных кунгурском, чердынском и верхотурском говорах также представлена рефлексация **ĭ > a*, ср. кунгур. *Салои* ‘молния’, чердын. *Салы* ‘молния’, верхотур. *Сальс* ‘молния’ < ПМанс **sĭl-* [Honti 1982]. Таким образом, велика вероятность, что в этих словах следует реконструировать ПМанс *a*-образный звук, который в XVIII в. был представлен в северных, восточных и западных диалектах, так что наличие *a* в первом слоге соответствующих слов не является в этих диалектах диагностической изоглоссой, а указывает на архаизм.

³ Здесь и далее юкондинские данные приводятся по аудиословарю <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/657/3/perspective/657/4/view>, основанному на современных полевых данных, собранных М. К. Аmeliной в 2015 г.

⁴ Сосьвинские мансийские формы приводятся по словарю [Ромбандеева, Кузакова 1982].

⁵ ПМанс формы приведены только в тех случаях, когда они реконструированы в монографии [Honti 1982].

⁶ Здесь и далее обские мансийские данные приводятся по аудиословарю <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/656/2/perspective/656/3/view>, основанному на современных полевых данных, собранных И. А. Стениным в 2015 г.

⁷ Здесь приведена рефлексация по словарю [Словцов 1905]. Как указывает Л. Хонти, в этой позиции в западных диалектах сохраняется *ĕ*, которое у А. Каннисто записывается как *a*, у К. Словцова как *e*.

3 признак ПМанс *у будет рассмотрен ниже в связи с тем, что он является наиболее диагностически важным для определения диалектной классификации диалекта.

4 признак: ПМанс *ć > ś в начале слова, что совпадает с развитием в восточных, северных и западных диалектах:

сѣнзи ‘воробей’

KU *śāñś* ‘воробей’, тавд. *ćāñćt* ‘воробей’, пелым. *śāñkās* ‘воробей’, ю.-вагил. *śāñkās* ‘воробей’, лозьв. LU *śeñkās* ‘воробей’, LO *śañśi* ‘воробей’, сосьв. *śañśi* ‘воробей’ < ПМанс **ćāñćt* [Honti 1982].

5 признак: ПМанс *š сохраняется в начале слова, что характерно для южных и западных диалектов, но встречается и в некоторых восточных и северных говорах:

1) *шāнжипанѣ* ‘колено’

KU *šā:ns* ‘колено’, КМ КО *sāns* ‘колено’, тавд. *šānš* ‘колено’, пелым. *šanš* ‘колено’, с.-вагил. *šānš* ‘колено’, лозьв. LU *šanš* ‘колено’, LUT *šānš* ‘колено’, LO *sāns* ‘колено’, сосьв. *sāns* ‘колено’, ср.-обск. *sans* ‘колено’ < ПМанс **šānš* [Honti 1982];

2) *шуншь* ‘блоха’

KU *šonš* ‘блоха’, КМ *sons* ‘блоха’, КО *suns* ‘блоха’, тавд. ТЈ ТСН *šoš* ‘блоха’, пелым. *šuš* ‘блоха’, ю.-вагил. *šuš* ‘блоха’, лозьв. LU *šuš* ‘блоха’, LO *sus* ‘блоха’, сосьв. *sus* ‘блоха’ < ПМанс **šunš* [Honti 1982];

3) *шшшь* ‘спина’

KU *šiš* ‘спина’, КМ КО *sis* ‘спина’, тавд. ТЈ ТСН *šiš* ‘спина’, пелым. *šiš* ‘спина’, с.-вагил. ю.-вагил. *šiš* ‘спина’, лозьв. LU *šiš* ‘спина’, LO *sis* ‘спина’, сосьв., ср.-обск. *sis* ‘спина’ < ПМанс **šiš* [Honti 1982];

4) *шйу* ‘туман’

KU *šēx* ‘туман’, тавд. ТЈ *štk_o* ‘туман’, пелым. *šēx_o* ‘туман’, с.-вагил., ю.-вагил. *šiš* ‘туман’, лозьв. LU *šex_o* ‘туман’, сосьв. *sēj_ok_o* ‘туман’, ср.-обск. *senk* ‘туман’ < ПМанс **štk_o*, **šj_ok_o* [Honti 1982];

5) *шāгуляк* ‘сорока’

KU *šāk_oālāx*, КМ *sāk_oālāx* ‘сорока’, тавд. ТЈ *šāk_oālāk* ‘сорока’, ТСН *šākālāk* ‘сорока’, пелым. *šakālāx* ‘сорока’, с.-вагил., ю.-вагил. *šak_oālāx* ‘сорока’, лозьв. LO *sāk_oālāk* ‘сорока’, сосьв. *sāk_oālāk* ‘сорока’ < ПМанс **šāk_oālāk* [Honti 1982];

6) *шāгрынь* ‘топор’

KU *sāyr-*, *sāyr-* ‘рубить, резать’, КМ *sāyr-* ~ *sāyr* ‘рубить, резать’, КО *sāyr-* ‘рубить, резать’, тавд. ТЈ *šāwr-* ‘рубить, резать’, пелым. *šayr-* ‘рубить, резать’, лозьв. LO *sāyr-* ‘рубить, резать’, сосьв. *sāyr-* ‘рубить, резать’, ср.-обск. *sāyrap* ‘топор’ < ПМанс **šāyər-* [Honti 1982];

7) *шемь* ‘глаз’

KU *šām* ‘глаз’, КМ *sām* ‘глаз’, КО *sām* ‘глаз’, тавд. ТЈ ТСН *šām* ‘глаз’, пелым. *šām* ‘глаз’, с.-вагил., ю.-вагил. *šām* ‘глаз’, лозьв. LO *sam* ‘глаз’, LU *šām* ‘туман’, сосьв., ср.-обск. *sam* ‘глаз’ < ПМанс **šām* [Honti 1982];

8) *шимь* ‘сердце’

KU *šim* ‘сердце’, КМ *sim* ‘сердце’, КО *sim* ‘сердце’, тавд. ТЈ ТСН *šām* ‘сердце’, пелым. *šim* ‘сердце’, с.-вагил., ю.-вагил. *šim* ‘сердце’, лозьв. LO *sim* ‘сердце’, LU *šim* ‘сердце’, сосьв., ср.-обск. *sim* ‘сердце’ < ПМанс **šim* [Honti 1982];

9) *шамть* ‘сто’

KU *šāt* ‘сто’, КМ *sēt* ‘сто’, КО *sēt* ‘сто’, тавд. ТЈ ТСН *šāt* ‘сто’, пелым. *šēt* ‘сто’, с.-вагил., ю.-вагил. *šēt* ‘сто’, лозьв. LO *sāt* ‘сто’, LU *šēt* ‘сто’, сосьв. *sāt* ‘сто’, ср.-обск. *sāt* ‘сто’ < ПМанс **šāt* [Honti 1982].

ПМанс *š > ž⁸ в интервокальной позиции: такое развитие не представлено в диалектах по Б. Мункачи и А. Каннисто, но такая рефлексация характерна для пяти словарей **западно-мансийских** диалектов XVIII — начала XX вв., доступных на сайте lingvodoc.ispras.ru (трех словарей из архива П. С. Палласа, словаря С. Черкалова, словаря К. Словцова):

⁸ Как можно видеть из данных словаря А. М. Шёгрена, *ж* встречается как в интервокале (например, в словах *тожимнянь* ‘корка’, *тожимь* ‘сухой’), так и в консонантных кластерах с сонантами (*пунжэйимь* ‘отворяю’, *хонжэйимь* ‘пишу’, *шунжэйимь* ‘вижу’). Встречается оно и в ауслауте: *вотхужь* ‘облака’. Подробнее со словарем можно ознакомиться здесь: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/29131/perspective/1393/29132/view>

кажэй ‘нож’

KU *kāsi*, *kāsī* ‘нож’, КМ *kāsi*, *kāsī* ‘нож’, лозьв. LO *kasaj* ‘нож’, сосьв. *kasaj* ‘нож’ < ПМанс **kāškāj* [Honti 1982].

ПМанс *š сохраняется в конце слова:

ошь ‘овца’

KU *ōš* ‘овца’, КМ *ōs* ‘овца’, КО *ōs* ‘овца’, пелым. *oš* ~ *ōšēy* ‘овца’, с.-вагил. *oš* ~ *ōšija* ‘овца’, ю.-вагил. *oš* ~ *ōšt* ‘овца’, лозьв. LU *oš* ~ *ōšt* ‘овца’, сосьв. *ōs* ‘овца’, ср.-обск. *of* < ПМанс **āš* [Honti 1982].

Сохранение ПМанс *š в исследуемом слове является архаизмом, который представлен в южных, западных и некоторых восточных (КУ) диалектах. Ласло Хонти [Honti 1988] указывает, что такая реализация отмечена и для некоторых северных диалектов. Таким образом, рассматриваемый признак не является релевантным для определения диалектной принадлежности словаря.

6 признак: ПМанс *k > x перед задними прамансийскими гласными, что характерно для северных и части восточных (кондинских) диалектов

хальбвоишь ‘Березово’ (составное слово: *халь* ‘береза’, *воишь* ‘город’) < ПМанс **kīl*

Собственно, этот признак: переход *k > x в позиции перед заднерядными прамансийскими гласными — и позволяет заключить, что в языке памятника присутствуют инновации, характерные одновременно для северных и восточных диалектов. Для получения более однозначного вывода по диалектной принадлежности словаря Шёгрена мы также провели сопоставительный анализ рефлексов ПМанс *y с привлечением полевых данных, собранных И. А. Стениным в 2015 г. в с. Нарынкары и Перегребное, которые представлены в он-лайн словаре <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/656/2/perspective/656/3/view>.

7 признак: ПМанс *k перед переднерядными прамансийскими гласными сохраняется, что характерно для всех мансийских диалектов:

1) *кэлбе* ‘кровь’

KU *kēlap* ‘кровь’, КМ *kēlap* ‘кровь’, КО *kēlap* ‘кровь’, ю.-вагил. *kēlap* ‘кровь’, лозьв. LO *kēlap* ‘кровь’, сосьв. *kēlap* ‘кровь’ < ПМанс **kīlp3-* [Honti 1982];

2) *кóшкеръ* ‘ноготь, коготь, гвоздь’

KU *kōäš* ‘ноготь’, КМ *kōäns* ‘ноготь’, КО *kōäs* ‘ноготь’, тавд. TJ TCH *künš* ‘ноготь’, пелым. *kāš* ‘ноготь’, с.-вагил., ю.-вагил. *kōänš* ‘ноготь’, лозьв. LO *kos* ‘ноготь’, LU *kōäš* ‘ноготь’, сосьв. *kos* ‘ноготь’ < ПМанс **künš* [Honti 1982];

3) *кенъ* ‘легкий’

КО *kīynə* ‘легкий’, тавд. TJ *künkās* ‘легкий’, пелым. *kinna* ‘легкий’, VN *kinna* ‘легкий’, лозьв. LU *kinna* ‘легкий’ < ПМанс **kīnyā* [Honti 1982];

4) *коль* ‘дом’

KU *k'al* ‘дом’, тавд. TJ *kül* ‘дом’, пелым. *kōäl*, *käl* ‘дом’, сосьв. *kol* ‘дом’ < ПМанс **kül*;

5) *кажэй* ‘нож’

KU *kāsi*, *kāsī* ‘нож’, КМ *kāsi*, *kāsī* ‘нож’, лозьв. LO *kasaj* ‘нож’, сосьв. *kasaj* ‘нож’ < ПМанс **kāškāj* [Honti 1982];

6) *кáльвѣитъ* ‘роса’

KU *kǎlǎl: k.wit* ‘роса’, КМ *kǎlǎl: k.wit* ‘роса’, пелым. *kǎlǎl: k.wüt* ‘роса’ < ПМанс **kātǎl* [Honti 1982];

7) *каръ* ‘дятел’

KU *kārǎp* ‘дятел’, КО *kärp* ‘дятел’ < ПМанс **kärǎp* [Honti 1982];

8) *катъ* ‘рука’

KU *kǎt* ‘рука’, КМ КО *kǎt* ‘рука’, тавд. TJ TCH *kāt* ‘рука’, пелым. *kǎt* ‘рука’, с.-вагил., ю.-вагил. *kǎt* ‘рука’, лозьв. LO *kāt* ‘рука’, LU *kǎt* ‘рука’, сосьв. *kāt* ‘рука’ < ПМанс **kāt3* [Honti 1982].

8 признак: ПМанс *y > 0/(u) на конце слова:

1) *тòу* ‘сук’

KU *tāy*, *toy* ‘ветка, ветвь’, КМ *tow* ‘ветка, ветвь’, КО *tow* ‘ветка, ветвь’, тавд. TJ TCH *taw* ‘ветка, ветвь’, пелым. *tāy* ‘ветка, ветвь’, VN *tow* ‘ветка, ветвь’, ю.-вагил. *tay* ‘ветка, ветвь’, лозьв. LO *tow*

‘ветка, ветвь’, LU *taŷ* ‘ветка, ветвь’, LM *taŷ* ‘ветка, ветвь’, сосьв. *tow* ‘сук, ветка’ < ПМанс **tāŷ* [Honti 1982];

В этом слове практически во всех диалектных группах наблюдается развитие ПМанс **ŷ* > *w*, кроме нижнекондинского (восточного) и пельмского (западного) диалектов. Возможно, что в памятнике -*у* также обозначало -*w*.

2) *эны* ‘великий’

тавд. ТЈ *ḡnū*, ТСН *ḡenū*, КУ *ḡāni*, пельм. Р *ḡenij*, *ḡen-*, Со *ḡānij* ‘великий’ [Kannisto 2013: 217], ср.-обск. *ḡān'i* ‘большой’.

В этом слове рефлексация **ŷ* в памятнике совпадает с рефлексиями в **средне-обском северном, южном и восточном** диалектах, в сосьвинском диалекте мы видим сохранение **ŷ*, в западном пельмском встречается дублетная рефлексация -*ŷ*.

3) *ны* ‘сын’⁹

КУ *pōw* ‘сын’, КМ КО *pōw* ‘сын’, тавд. ТЈ *pūw* ‘сын’, ТСН *pāw* ‘сын’, пельм. *pūw* ‘сын’, с.-вагил., ю.-вагил. *pū* ‘сын’, лозьв. LO *piŷ* ‘сын’, LU *pū* ‘сын’, сосьв. *piŷ* ‘сын’.

Выпадение *ŷ* в памятнике в этом слове совпадает с процессом, представленным в **западных** диалектах.

4) *тары* ‘журавль’

тавд. ТЈ ТСН *tārəw* ‘журавль’, пельм. *tēriŷ* ‘журавль’, лозьв. LM *tēri* ‘журавль’, ср.-обск. *tárix* ‘журавль’, сосьв. *tāriŷ* ‘журавль’ < ПМанс **tārəŷ* [Honti 1982];

5) *тары* ‘сосна’

тавд. ТЈ ТСН *tārəw* ‘сосна’, КУ, КО *tāri* ‘сосна’, пельм. *tāriŷ* ‘сосна’, лозьв. LM *tāri* ‘сосна’, ср.-обск. *ta:rix*, *tari:x* ‘сосна’, сосьв. *tariŷ* ‘сосна’ < ПМанс **tārəŷ* [Honti 1982].

В южных диалектах мы видим развитие **ŷ* > *w*, в северных сохранение *ŷ*, для западных характерна дублетная рефлексация с сохранением *ŷ* в пельмском диалекте и выпадением в **лозьвинском**. В средне-обском диалекте представлен переход **ŷ* > *x* (ср. *tárix* ‘журавль’); при этом *x* слышится как легкое придыхание, нельзя исключить, что оно могло быть опущено в фонологической записи. Выпадение, аналогичное зафиксированному в словаре, представлено также для слова ‘сосна’ и в **восточных** диалектах.

В целом, можно отметить, что развитие ПМанс **ŷ* > *θ* в ауслaute, представленное в рассматриваемом словаре, характерно, в первую очередь, для некоторых западных и восточных диалектов, но и в них представлено менее последовательно.

Целесообразно рассматривать этот признак вместе с развитием ПМанс **ŷ* в интервокальной позиции.

ПМанс **ŷ* в памятнике сохраняется в интервокальной позиции:

Югыть ‘лук’

КУ *jowt* ‘лук’, КМ *jowt* ‘лук’, КО *jowt* ‘лук’, тавд. ТЈ *jāwt* ‘лук’, ТСН *jawt* ‘лук’, пельм. *jāyt* ‘лук’, с.-вагил. *jāwt* ‘лук’, ю.-вагил. *jāyt* ‘лук’, лозьв. LO *jowt* ‘лук’, LU *jejt* ‘лук’, ср.-обск. *jowt* ‘лук’, Со *jowt* ‘лук’ < ПМанс **jāŷət* [Honti 1982].

Во всех известных диалектах в этом слове происходит развитие **ŷ* > *w*, только в **западных** диалектах представлена дублетная рефлексация *w/ŷ*.

ПМанс **ŷ* > *u* перед согласной:

1) *пóульнколь* ‘баня’

КУ *pāyl-* ‘купаться’, КМ *pāyl-* ‘купаться’, КО *pāyl-* ‘купаться’, тавд. ТСН *pāwl-* ‘купаться’, пельм. *pāyl-* ‘купаться’, с.-вагил., ю.-вагил. *pāyl-* ‘купаться’, лозьв. LO *puwl-* ‘купаться’, LU *pāyl-* ‘купаться’, ср.-обск. *peutānk'e* ‘купаться’, сосьв. *puwl-* ‘купаться’ < ПМанс **pāyl-* [Honti 1982];

Во всех диалектах в слове ‘баня’ **ŷ* либо сохраняется, либо переходит в *w*, однако в **средне-обском диалекте** **ŷ* > *u* (ср. ср.-обск. *peutānk'e* ‘купаться’).

2) *неурь* ‘жеребенок’

КУ *nāwr* ‘жеребенок’, КМ *nāwr* ‘жеребенок’, КО *nāwr* ‘жеребенок’, тавд. ТЈ *nāwər* ‘жеребенок’, ТСН *nāwər* ‘жеребенок’, пельм. *nāwər* ‘жеребенок’, с.-вагил., ю.-вагил. *nāwər* ‘жеребенок’, лозьв. LO *nāwər* ‘жеребенок’, LU *nāŷr* ‘жеребенок’, LM *nāwər* ‘жеребенок’ < ПМанс **nāwər* [Honti 1982];

⁹ Прамансийская реконструкция для этого слова у Хонти [Honti 1982] отсутствует, так как для него нет параллели с хантыйскими диалектами, но тот факт, что во всех диалектах, кроме северных, в ауслaute представлены фонемы -*w*/*θ*, не исключает вероятности, что в прамансийском в конце слова была *-*w*.

Как мы видим, практически во всех диалектах *у > w, за исключением нижнелозьвинского диалекта (LU), где *у сохраняется. В средне-обском диалекте слово ‘жеребенок’ не представлено.

3) *нюль* ‘мясо’

KU *nowl*, *nuwl* ‘мясо’, тавд. TJ TCH *nüwl* ‘мясо’, пелым. *nowl* ‘мясо’, VN *nowl* ‘мясо’, ю.-вагил. *nawl* ‘мясо’, лозьв. LO *nowl* ‘мясо’, LU *nowl* ‘мясо’, LM *nowl* ‘мясо’, сосьв. *nöwl* ‘суп из мяса’ < ПМанс **näyäl* [Honti 1982];

Во всех диалектах *у > w.

Следующее слово отсутствует в словаре [Honti 1982], но мы можем реконструировать в нем ПМанс *у, исходя из рефлексов в мансийских диалектах, представленных в словаре [Kannisto 2013]:

4) *áумы* ‘больной’

тавд. TJ TCH *ǵümi-l't-*, KU *ǵümäl't-*, пелым. P *ām-l't-*, *āym-l't-*, So *āym-l-* ‘болезнь’ [Kannisto 2013: 59—60], ср.-обск. *ávma-* ‘болеть’.

На основании анализа рефлексов ПМанс *у можно сделать вывод, что для диалекта памятника характерна весьма последовательная рефлексация этой фонемы, зависящая от ее положения в слове; единственным исключением является ее переход в *и*, которое могло быть графическим вариантом *w*, в слове *тоу* ‘сук’ при стандартном выпадении на конце слова. Интересно, что ни в одном из диалектов, отраженных в [Kannisto 2013; Honti 1982], не представлено столь последовательной рефлексации ПМанс *у. Возможно, это различие связано с процессами, произошедшими в мансийских говорах в XIX и XX веках.

Таким образом, говор, легший в основу рассматриваемого словаря, отличается от всех известных диалектов. Чтобы дополнить сведения об особых чертах памятника, рассмотрим признаки, которые проф. Ласло Хонти не считает диалектно-дифференцирующими и не отмечает для мансийских диалектов вообще, но тем не менее они являются уникальными признаками рассматриваемого словаря.

I. *w > u¹⁰

1) *тбуле* ‘туда’

пелым., конд. *tow*, сосьв. *tyw* ‘туда’ < ПМанс **tuw* [Honti 1982];

2) *шау* ‘много’

ср.-обск. *sav* ‘много’, KU *s'uow* ‘много’, пелым. *šaw* ‘много’, конд. KU *ššw* ‘много’ [Kannisto 2013: 401], сосьв. *cāv* ‘много’ < ПМанс. **šāw* [Honti 1982] < ПУ **čukkV*;

3) *тбуль* ‘перо’

ср.-обск. *tóvil* ‘крыло’, пелым., конд. *towl* ‘крыло’ [Kannisto 2013: 401], сосьв. *товыл* ‘крыло’ < ПМанс. **tōwāl* (~ -a) [Honti 1982];

4) *неулену* ‘пух’

сосьв. *нявлак пун* ‘пух’;

5) *ода* ‘копье’

сосьв. *бвта* ‘штык’, пелым. *Оутэ* ‘копье’ [Словцов 1905: 13], пелым. *ǵfti* ‘копье’, конд. KU *ǵftā* ‘копье’ [Kannisto 2013: 5];

6) *лу* ‘кость’

ср.-обск. *lov* ‘кость’, юконд. *losum* ‘кость’ ю.-вагил. *lušm* ‘кость’, пелым. *Лушемь* ‘кость’ [Словцов 1905: 14], конд. KU *лф.šam* ‘кость’ [Kannisto 2013: 401], лозьв. *lušm* ‘кость’ [МК 1986: 277], сосьв. *лув* ‘кость’ < ПМанс **lūw* [Honti 1982] < ПУ **luwe*;

7) *вèу* ‘дерево’

ср.-обск. *jiv* ‘дерево, палка’, юконд. *jiw* ‘дерево, дрова’, сосьв. *йив* ‘дерево’ < ПМанс **jīw* [Honti 1982] < ПУ **juwV*;

8) *лу* ‘десять’

ср.-обск. *lo:v* ‘десять’, юконд. *low* ‘десять’, пелым. *Лоупэнгь* ‘десятник’ [Словцов 1905: 8], сосьв. *лов* ‘десять’ < ПУ **luke*;

9) *сóу* ‘кожа’

сосьв. *сов* ‘кожа’ < ПМанс **sōw* (~-a) [Honti 1982].

II. Особенности спряжения глаголов в 1 л. ед. ч. наст. вр.

- 1) *узинтеймь* ‘зеваю’; 2) *люлеймь* ‘стою’; 3) *аеймь*, сосьв. *аэгум* ‘пью’; 4) *пунжэймь* ‘отворяю’; 5) *пендэймь* ‘запираю’; 6) *пéлымтеймь* ‘зажигаяю’; 7) *холэймь* ‘умираю’; 8) *егіеймь* ‘пляшу’; 9) *еріеймь*

¹⁰ Но нельзя исключить, что у являлось способом записи w.

‘пою’; 10) *ратеймь* ‘бью’; 11) *лоутеймь* ‘мою’; 12) *хунзеймь* ‘хожу в туалет’; 13) *позеймь* ‘хожу в туалет’; 14) *пoneyмь* ‘pedere’; 15) *хонжзеймь* ‘пишу’; 16) *луунтеймь* ‘читаю’; 17) *шунжзеймь* ‘вижу’; 18) *ашталеймь* ‘молчу’; 19) *уеймь* ‘плыву’; 20) *минеймь* ‘еду’; 21) *танзеймь* ‘хочу’; 22) *шагреймь* ‘рублю’; 23) *ронзеймь* ‘кричу’; 24) *теймь* ‘ем’; 25) *хуеймь* ‘сплю’; 26) *улымеймь* ‘брежу’ и др.

Согласно [Munkácsi 1894], спряжение глаголов в 1 л. ед. ч., представленное в памятнике, характерно именно для западных диалектов. В северных и южных диалектах сохраняется -g-, в большинстве восточных говоров согласный выпадает, в юкондинском представлены окончания с -g- в качестве варианта.

В памятнике есть два исключения из западномансийской модели: в первом представлен восточномансийский тип рефлексии — выпадение согласной: *хондаслымь* ‘нахожу’, во втором архаичный, характерный для северных и южных диалектов — сохранение -g-: *атвагмь* ‘не знаю’.

Таким образом, становится ясно, что наиболее архаичный вариант — это окончания с -g-, переход -g- > -j- — инновационный, характерный для западных диалектов. Но, как было показано выше, по признаку ПМанс *k > x перед заднерядными гласными рассматриваемый словарь отличается от западных диалектов, в которых такого перехода не происходит.

Заключение

Изучение текста памятника по графико-фонетическим диалектно-дифференцирующим признакам и добавление сравнительного анализа словаря с современным полевым материалом позволило нам установить, что язык памятника имеет сходство с кондинским (восточным) и средне-обским (северным) говором (переход ПМанс *k > x перед прамансийскими заднерядными гласными, рефлексия *y перед согласными и на конце слова). Это подтверждают общие лексические изоглоссы с говором, записанным у р. Березовая и представленным в словаре П. С. Палласа. При этом в памятнике отмечена особая форма спряжения, описанная ранее только для западных диалектов. В словаре также представлено архаическое сохранение ПМанс *š, которое в северных сосьвинском и средне-обском диалектах переходит в s, и ПМанс *y в интервокальной позиции, которое во всех диалектах, кроме западного лозьвинского, переходит в w.

Таким образом, в рассматриваемом словаре представлены как архаические особенности, так и инновационные северные и западные черты, что не дает нам возможности отнести его к одной из традиционно выделяемых диалектных групп. Возможно, дальнейшее изучение мансийских текстов, датированных XVIII в., даст указания на необходимость пересмотра диалектной классификации мансийского языка для того периода.

Сокращения

КМ — среднекондинский диалект

КО — верхнекондинский диалект

KU — нижнекондинский диалект

LM — среднелозьвинский диалект

LO — верхнелозьвинский диалект

LU — нижнелозьвинский диалект, деревня Кузина

LUT — нижнелозьвинский диалект, деревня Тынзьяна

P — пелымский диалект

So — сосьвинский диалект

TCH — тавдинский диалект деревни Чандыри (ныне Тавдинский район Свердловской области)

TJ — тавдинский диалект деревни Янычкова (ныне Тавдинский район Свердловской области)

VN — северовагильский западный диалект, деревня Сотникова

Верхотур. — верхотурский диалект

конд. — кондинский диалект

кунгур. — кунгурский диалект

лозьв. — лозьвинский диалект

пелым. — пелымский диалект

ПМанс — прамансийский

ПУ — прауральский

ПФУ — прафинно-угорский

с.-вагил. — северновагильский диалект

сосьв. — сосьвинский диалект
 ср.-обск. — среднеобской диалект
 тавд. — тавдинский диалект
 чердын. — чердынский диалект
 ю.-вагил. — южновагильский диалект
 юконд. — юкондинский диалект

Литература

Кошелюк 2018б — *Кошелюк Н. А.* Графико-фонетический анализ архивного словаря пельмского диалекта мансийского языка о. Константина Словцова // Урало-алтайские исследования. 2018, 4 (31). С. 218—227. {*Kosheliuk N. A.* Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slotvsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkacsi // Ural-Altai Studies. 2017, 3 (26). P. 151—161.}

Норманская, Кошелюк 2017 — *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Архивный пельмско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 151—161. {*Kosheliuk N. A., Normanskaya Yu. V.* Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slotvsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkacsi // Ural-Altai Studies. 2017, 3 (26). P. 151—161.}

Паллас 1790—1791 — *Паллас П. С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1787—1789. {*Pallas P. S.* Comparative dictionary of all languages and dialects. St. Petersburg, 1787—1789.}

Ромбандеева, Кузакова 1982 — *Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А.* Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1982. {*Rombandeeva E. I., Kuzakova E. A.* Mansi-Russian and Russian-Mansi dictionaries. Elementary school textbook. L., 1982.}

Словцов 1905 — Опыт русско-вогульского словаря и переводов на вогульский язык / Сост. свящ. Верхнепельмского (Спасского) прихода о. Константин (Словцов). Тобольск, 1905. {An attempt of a Russian-Vogul dictionary and translations to the Vogul language / Compiled by the priest of Verhnepelymskij (Spasskij) parish father Konstantin (Slotvsov). Tobolsk, 1905.}

Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Honti 1988 — *Honti L.* Die wogulische Sprache // Sinor Denis (ed.), The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences. Handbuch der Orientalistik. E. J. Brill, Leiden — New York — København — Köln, 1988. P. 147—171.

Kannisto 2013 — Wogulische Volksdichtung. Bd. VII. Wörterverzeichnis / Gesammelt und übersetzt von Kannisto A. Bearb. von Liimola M., Eiras V. Hrsg. Eiras V. Helsinki, 1982. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 180.)

Kosheliuk 2018 — *Kosheliuk N. A.* Archival Pelym dictionaries of the Mansi language and their value for the verification of accuracy of Kannisto and Munkachi dictionaries. Proceedings of SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts, Vienna, Austria, 19—21 March, 2018. Vol. 5. P. 27—35.

Kosheliuk, Normanskaya 2018 — *Kosheliuk N. A., Normanskaya Yu. V.* Graphic features of the archival Mansi language dictionary, compiled by archpriest Simeon Cherkalov (1783). Proceedings of NORDSCI Conference on Social Sciences, Helsinki, Finland, 17—19 July, 2018. Vol. 1. P. 293—301.

МК 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von Munkácsi B. Geordnet, bearb. und hrsg. von Kálmán B. Budapest, 1986.

Munkácsi 1894 — *Munkácsi B.* A Vogul Nyelvjárások szóragozásukban ismertette. Budapest, 1894.

**Рецензия на книгу: Элементы татарского языка
в типологическом освещении. Мишарский диалект**
Ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. —
М.: «Буки Веди», 2017. xxviii + 761 с. ISBN 978-5-4465-1693-3.

Дьячков Вадим Викторович, Институт языкознания РАН (Москва); hyppocentaurus@mail.ru

В статье представлен обзор коллективной монографии «Элементы татарского языка в типологическом освещении» (Москва, 2017). В этой книге описывается широкий спектр грамматических и семантических явлений мишарского диалекта татарского языка (< тюркские) как с типологической, так и с формальной точки зрения. Монография содержит также фонологический очерк и тексты на мишарском диалекте. Основное внимание уделяется морфологическим и синтаксическим явлениям, которые представляют особый интерес для лингвистической типологии. В разделе 2 подробно исследуется семантика трех будущих времен. В разделе 3 рассматриваются семантика двойного каузатива и ассоциатива, а также аргументная структура отыменных и отадъективных глаголов. В главе 4 исследуются различные типы генитивных конструкций и факторы, определяющие их дистрибуцию. Глава 5 посвящена проблемам дифференциального объектного маркирования, сложных глагольных комплексов и синтаксиса сравнительных конструкций. Индексикальный сдвиг описывается в главе 6. Также с той или иной степенью подробности рассматриваются другие морфологические категории и синтаксические конструкции, и каждое описываемое явление сопровождается обширным иллюстративным материалом. В рецензии дается краткий обзор содержания каждого раздела и подробно освещаются несколько тем, которые представляют особый интерес с типологической точки зрения, с акцентом на их вклад в лингвистическую теорию.

Ключевые слова: тюркские языки, татарский язык, рецензия, будущее время, двойные каузативы, отыменные глаголы, сравнительные конструкции, дифференциальное объектное маркирование, индексикальный сдвиг

ELEMENTY TATARSKOGO YAZYKA V TIPOLOGICHESKOM OSVESHCHENII
[ELEMENTS OF THE TATAR LANGUAGE IN A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE]
(MOSCOW, 2017. XXVIII + 761 PAGES)

Vadim V. Dyachkov, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); hyppocentaurus@mail.ru

The article provides a review of the collective monograph “Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of the Tatar language in a typological perspective]” (Moscow, 2017). This book describes a wide range of grammatical and semantic phenomena in the Mishar dialect of the Tatar language (< Turkic), both from a typologically and a formally oriented perspective. The monograph is supplemented with a phonological sketch and texts in the Mishar dialect. However, the book primarily focuses on morphological and syntactic phenomena that are of special interest to linguistic typology. The semantics of three future tenses is thoroughly investigated in Chapter 2. Chapter 3 examines in detail the semantics of double causatives and associative derivation as well as the argument structure of denominal and deadjectival verbs. Chapter 4 investigates different types of genitive constructions and factors determining their distribution. Chapter 5 is dedicated to the problems of differential object marking, complex verb predicates and syntax of comparative constructions. Indexical shift is described in Chapter 6. Other morphological categories and syntactic constructions are also covered in greater or lesser detail, and much empirical data are provided for every phenomenon mentioned. The review gives a brief description of all chapters and highlights several topics which are particularly significant typologically, with focus on their contribution to linguistic theory.

Keywords: Turkic languages, Tatar language, review, future tense, double causatives, denominal verbs, comparative constructions, differential object marking, indexical shift

1. Введение

Рецензируемая книга представляет собой собрание исследований мишарского диалекта татарского языка, выполненных коллективом авторов, большинство из которых непосредственно связаны с отделением теоретической и прикладной лингвистики (ТиПЛ) филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Книга является результатом традиционных для отделения ТиПЛ студенческих экспедиций, которые проводились в 1999—2000 и в 2011—2012 гг. Она логически продолжает серию публикаций отделения, посвященных тюркским языкам, которая представлена книгами [Лютикова и др. 2006], [Лютикова и др. (ред.) 2007] и [Татевосов (ред.) 2009]. Рецензируемая работа существенно отличается от ранее вышедшего сборника статей о мишарском диалекте [Лютикова и др. (ред.) 2007], который опирается только на материалы экспедиций 1999—2000 гг. Это обусловлено двумя фактами — во-первых, существенно изменился состав авторского коллектива, а во-вторых, имевшиеся в сборнике 2007 г. сведения значительно дополнены с учетом достижений современной лингвистической науки.

На страницах данного издания вряд ли имеет смысл лишний раз напоминать, что в науке не имеется недостатка в исследованиях татарского языка, подтверждением чему является хотя бы фундаментальная грамматика [ТГ 1992—1995]. Мишарский диалект исследован несколько хуже, хотя ему посвящены как минимум две монографии [Махмутова 1978; Ахатов 1980]. Вместе с тем стоит отметить, что исследования татарского языка, ориентированные не только на дескрипцию языковых данных, но и на осмысление их в контексте современной типологии и лингвистической теории, не столь многочисленны. Именно эту лаку и призвана заполнить рецензируемая книга.

Монография не может быть названа в прямом смысле этого слова грамматическим описанием мишарского диалекта, хотя по определенным признакам она стремится к этому статусу. В Предисловии открыто говорится, что издание не является грамматикой в привычном понимании этого слова и ставит своей целью прежде всего подробное описание некоторых фрагментов грамматической системы, в первую очередь тех, которые представляют особый интерес с точки зрения типологии и теории языка. Декларируется, что «участники проекта пользуются полной свободой в осмыслении и анализе данных, в выборе теоретической парадигмы и даже в отказе от этого выбора. Отсутствие ограничений, связанных с теоретическим самоопределением авторов, — принципиальная позиция редакторов этой книги» (Предисловие: ix). Рецензируемая книга, однако, явно ориентирована на формальные модели описания языка — в частности, на генеративный синтаксис и формальную семантику. Авторы честно предупреждают, что для понимания соответствующих теоретических построений необходимо «обратиться к соответствующей литературе». Вместе с тем, во многих разделах информация, необходимая для понимания теоретических положений, используемых в тексте, дается максимально подробно — см., например, детализированное изложение конкурирующих подходов к анализу семантики будущего времени в разделе 2.1.3.2.

Стоит отметить, что исследования, изложенные в монографии, выполнены на высоком научном уровне, чему способствует наличие в авторском коллективе ведущих специалистов в различных областях лингвистики. Так, автором многих разделов о семантике глагольных категорий является С. Г. Татевосов, один из лучших в России специалистов по глагольной морфологии, автором раздела о вариативном маркировании объекта — Е. А. Лютикова, видный специалист по синтаксису, на счету которой большое количество работ на соответствующую тематику. Глава «Финитные сентенциальные дополнения» написана А. В. Подобрываемым, диссертация которого непосредственно связана с темой индексального сдвига, рассматриваемого в этой главе (см. [Podobryaev 2014]), а глава «Сравнительные конструкции» — Е. Г. Былининой, автором одной из самых значительных за последнее время диссертаций о синтаксисе прилагательных [Bylinina 2014]. Остальные авторы разделов монографии — студенты или выпускники отделения ТиПЛ, многие из которых продолжают сейчас обучение в престижных вузах Европы и США.

Несмотря на то что многие авторы монографии не являются опытными тюркологами, изданию, как представляется, удалось достичь заявленной цели, а именно — создать описание мишарского диалекта, которое ориентировано на современный уровень развития лингвистической науки. В первую очередь это удастся благодаря разумному использованию формальных подходов. В самом деле, не секрет, что большое количество работ, выполненных в парадигме генеративной лингвистики, отличается выборочным подходом к привлечению языкового материала и, как следствие, игнорированием сути проблемы во имя формальной безупречности теории. Подобных проблем рецензируемая книга, к счастью, лишена. Авторы не игнорируют проблематичные примеры и предлагают альтернативные варианты анализа в тех случаях, когда имеющиеся данные не могут указывать на однозначное решение. Именно поэтому большинство выдвигаемых в книге утверждений, даже если они потенциально ошибочны, могут быть в дальнейшем верифицированы на новом материале.

Как представляется, именно использование формальных теорий для объяснения существующих научных проблем является сильной стороной книги. Благодаря привлечению научных разработок последних лет удается предложить объяснение таким явлениям, как дифференцированное объектное маркирование, двойная каузативизация и др. Типологический контекст в монографии представлен в основном другими тюркскими языками, материал которых активно привлекается для аргументации, однако ограничивается в основном ими, в то время как многие описываемые явления имеют также очевидные типологические параллели за пределами семьи (о чем см. ниже).

Монография состоит из шести глав (Фонология и морфология, Система глагольных категорий, Актантная структура и актантные преобразования, Синтаксис именной группы, Синтаксис предикации и Синтаксис сложного предложения), а также из предваряющих их Предисловия с благодарностями и раздела «Руководство пользователя», в котором изложены принципы представления языкового материала. В конце монографии представлены тексты на мишарском диалекте, сбалансированные по жанровому признаку: в разделе есть исторические нарративы (3), бытовые рассказы (9), сказки (4) и литературные произведения (2). Все тексты раздела снабжены поморфемной аннотацией и переводом. Далее мы кратко охарактеризуем содержание книги.

2. Краткая характеристика разделов

Разделение монографии на главы соответствует традиционному подразделению на языковые уровни (фонетика — морфология — синтаксис). Главы весьма неравноправны с точки зрения структуры книги. **Глава 1**, посвященная фонетике и морфологии, носит явно справочный характер. Фонологии в книге отводится незначительное место (всего 7 страниц): в **разделе 1.1** приводятся лишь самые базовые сведения об инвентаре фонем и базовых фонологических процессах. В **разделе 1.2** приводятся основные сведения о структуре словоформ, парадигмах и частях речи. Все сведения о семантике грамматических показателей, выбранных авторами для подробного обсуждения, обобщены в **главе 2**.

В **разделе 2.1** характеризуется инвентарь грамем времени и аспекта. Изложение строится по принципу «от значения к форме»: сначала дается описание основных аспектуальных значений (перфективное, актуально-длительное, хабитуальное), затем говорится, какие мишарские глагольные формы могут выражать то или иное значение. Результаты представлены в виде таблицы (с. 65), из которой становятся ясными основные различия между Претеритом, Плюсquamперфектом, Имперфектом, Презенсом и двумя Футурумами. Так, в мишарском диалекте Претерит, но не Плюсquamперфект может выражать хабитуальное значение, в то время как Имперфект и Презенс могут выражать как хабитуальное, так и актуально-длительное значение. Принципиальная разница между двумя последними формами становится ясна из таблицы на с. 67, где характеризуются доступные для глагольных форм временные интерпретации: Имперфект, в отличие от Презенса, не употребляется в контекстах настоящего и будущего. Отдельно обсуждается проблема конкуренции двух показателей Футурума. Для решения этой проблемы привлекаются разработки проекта EuroTurp под руководством известного аспектолога Э. Даля, в рамках которого была предпринята наиболее масштабная попытка исследовать дистрибуцию показателей будущего времени в языках мира. Автор раздела, впрочем, приходит к выводу, что типологические исследования не позволяют объяснить данные мишарского диалекта. Однако позволяет сделать это (по крайней мере, частично) крайне интересная формальносемантическая теория Б. Копли, излагаемая на страницах книги. Привлечение этой теории позволяет выявить, что мишарские футуральные формы на *-açak* плохо совместимы с речевыми актами предложения («Давай я приготовлю кофе»). Это хорошо согласуется с уже высказанными по поводу татарского языка предположениями, что формы на *-açak* обладают большей «категоричностью», поскольку обозначают действия, которые субъект будет делать вне зависимости от взятых на себя обязательств (см. обсуждение и ссылки на литературу на с. 71). Однако эти формы, по-видимому, также требуют присутствия в контексте скрытого условия, которое можно приблизительно передать как «при любых обстоятельствах».

В **разделе 2.2** глагольные лексемы характеризуются с точки зрения их акциональности. В этом разделе последовательно применяется методология, детально обоснованная в [Татевосов 2010, 2015, 2016]. Эта методология обосновывает расширение акциональной классификации З. Вендлера, согласно которой все глагольные лексемы по своим аспектуальным свойствам делятся на четыре базовых класса — стативы, деятельности, свершения и достижения. Подход, предлагаемый С. Г. Татевосовым, основывается на признании неуниверсальности подобного деления и опирается на эмпирическую процедуру выделения спектра аспектуальных значений, которую можно применить к любому естественному языку. В разделе делаются эмпирические обобщения относительно того, какие лексемы относятся к разным ак-

циональным классам, а также описываются случаи, когда мишарский материал нарушает предсказания теории акциональности.

В разделе 2.3 обсуждаются формы, способные выражать значения из семантической зоны эвиденциальности и адмиративности — Перфект (*-gan*) и аналитические адмиративные формы, выражаемые причастными формами с показателем *ikän*. Дистрибуция Перфекта характеризуется с помощью логического понятия абдукции — логической операции, с помощью которой делается причинное объяснение наблюдаемой ситуации: «опираясь на наличествующее положение вещей *a*, мы даем им причинное объяснение *b*, предполагая, что *b* в нашем мироздании влечет за собой *a*» (с. 129). С помощью тестов с минимальными парами становится ясно, что формы Перфекта допустимы в предложениях, описывающих ситуации, для которых возможна обусловленная общими знаниями о мире абдукция, при этом параметр прямой/непрямой засвидетельствованности ситуации не имеет решающего значения. Адмиративные формы отличаются от перфектных тем, что для них решающее значение имеет параметр неожиданности, которая понимается как несовместимость между полученным знанием о ситуации и контекстным знанием, в соответствии с которым это знание кажется маловероятным.

Далее в разделе рассматривается Репортатив — аналитическая форма с перфектным причастием и связочным глаголом *imeš*. Употребление Репортатива, в отличие от Перфекта и адмиративных форм, допустимо при указании на источник информации. Таким образом, три описываемые формы различаются по независимым логическим параметрам: употребление Перфекта определяется общими знаниями о контексте, Адмиратива — несоответствием полученного знания ассимилированной говорящим контекстуальной базе, а Репортатива — источником знания (оно должно быть деперсонифицированным). Такое противопоставление, однако, характерно для описания прошедших событий. В разделе, кроме того, характеризуются особенности этих трех форм в контекстах настоящего и будущего, а также в контекстах снятой утвердительности — например, в составе вопросительных предложений.

В разделе 3.1 рассматриваются свойства повышающих актантных дериваций — каузатива и ассистива. В начале главы строится исчисление каузативных предикатов исходя из семантико-синтаксических типов предикатов, от которых они образованы: отдельно описываются свойства каузативов от переходных, непереходных, эмотивных, экспериенциальных и др. глаголов. Для показателей пассива (*-l-*) и депациентива (*-n-*) описывается спектр значений.

Отдельно в главе обсуждается так называемый каузативный пассив — явление, при котором субъект клаузы является не волитивным каузатором, а участником, претерпевающим действие, обозначаемое глаголом. Примером может служить следующее мишарское предложение:

(1) *alsu renat-tan üp-ter-te*

Алсу Ренат-ABL целовать-CAUS-PST

‘Алсу позволила Ренату поцеловать (себя)’. (с. 174)

Проблема полисемии показателей, которые совмещают значения понижающей и повышающей актантной деривации, получила широкое освещение в литературе — см., например, [Yap, Shoichi 2003; Rhee, Koo 2014] о корейском языке, [Say 2013] о калмыцком и [Haspelmath 1990] о типологии феномена. Вместе с тем нельзя сказать, что попытки объяснить механизмы возникновения данной полисемии отличались убедительностью. В рецензируемой книге объяснение базируется на двух фактах. Во-первых, пассивное прочтение каузатива возникает только у переходных глаголов с невыраженным пациенсом (в примере выше им является ‘Алсу’). Во-вторых, каузатив должен выступать в пермиссивном значении. Таким образом, пассивная интерпретация обуславливается контекстной поддержкой и не выводима из ингерентных семантических свойства каузативного показателя. Можно отметить, что подобное рассуждение, которое в тексте не формализуется, следует идеям М. Хаспельмата, согласно которым развитие пассива из каузатива происходит через стадию рефлексивного каузатива.

В центре раздела 3.2 находится подробный формальный анализ одной актантной деривации, а именно, ассистива (показатель *-š-*), или суффикса, обозначающего сопровождение ситуации дополнительным участником (‘помогать X-у делать V’). Для анализа автор привлекает декомпозиционный анализ глагольных предикатов, который базируется на допущении о том, что глагольная словоформа может содержать в своем семантическом представлении более одного подсобытия. Декомпозиционный анализ хорошо себя зарекомендовал при анализе залоговых дериваций, поскольку оказался способен объяснить факты вариативной сферы действий ряда операторов, которые могут по-разному модифицировать глагольную словоформу (см., например, [Shibatani, Pardeshi 2002] о каузативах). В (2) показатель отрицания может либо отдельно модифицировать показатель ассистива (интерпретация 1), либо модифицировать все событие целиком (интерпретация 2):

(2) *marat zexrā-ga išek-ne ač-x-š-m-a-dx*

Марат Зухра-DAT дверь-ACC открывать-ST-REC-NEG-ST-PST

1. 'Марат не помог Зухре открыть дверь {= Зухра открыла дверь сама}'. (с. 204)

2. 'Марат не помог Зухре открыть дверь {= ни Марат, ни Зухра не пытались открыть дверь}'.

Обе интерпретации объяснимы, если принять предположение о том, что ассистив является отдельной вершиной, вводящей ассистирующее подсобытие. В таком случае показатель отрицания может модифицировать его отдельно.

Интересным представляется рассуждение о порядке аффиксов в мишарских словоформах, в которых содержатся одновременно суффиксы каузатива и ассистива. Так, в (3) нарушается известный принцип зеркальности (см. [Baker 1985]), согласно которому показатели, стоящие в самой правой позиции в словоформе, должны иметь самую широкую сферу действия. Напротив, каузатив имеет в (3) более широкую сферу действия, чем ассистив:

(3) *marat min-nän ruslan-ga čap-tr-x-š-tr*

Марат я-DAT Руслан-DAT косить-CAUS-ST-REC-PST

'Марат заставил меня помочь Руслану косить'. (с. 206)

Автор справедливо отмечает, что в этом отношении система мишарского диалекта напоминает систему многих языков банту, в которых наблюдаются аналогичные нарушения принципа зеркальности. В банту, впрочем, порядок, при котором этот принцип нарушается, признается архаичным и не воспроизводится в речи носителей младших поколений (см., например, [McPherson, Paster 2009])¹.

В разделе 3.3 «Одинарный, двойной и фальшивый каузатив» в центре внимания оказывается двойная каузативизация. Основная проблема состоит в том, что в некоторых случаях глагольные формы, имеющие один показатель каузатива, не отличаются по значению от форм, в которых имеется два показателя, ср. (4) и (5):

(4) *trener marat-nx jeger-t-te.*

тренер Марат-ACC бегать-CAUS-PST

'Тренер заставил Марата бегать'.

(5) *trener marat-nx jeger-t-ter-de.*

тренер Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST

'Тренер заставил Марата бегать'. (с. 227)

¹ В этой связи, однако, интересно, что суффикс *-š-* является полисемичным и имеет в мишарском диалекте также значения из зоны глагольной множественности — в частности, реципрокальное и ассоциативное. В полной мере соглашаясь с автором насчет того, что вопрос о причине нарушения принципа зеркальности не может быть на данный момент решен окончательно, мы, тем не менее, укажем на некоторые другие типологические параллели. Нарушение принципа зеркальности зафиксировано для аффиксов множественности в некоторых языках — например, в горномарийском. Так, в (i) суффикс каузатива имеет более широкую сферу действия по сравнению с суффиксом множественности *-al-*, поскольку высказывание обозначает каузацию незначительно выраженного состояния 'быть испуганным':

(i) *pet'a vas'a-m lüd-äkt-äl-än*

Петя Вася-ACC испугаться-CAUS.D-ATT-PRET

'Петя припугнул Васю {= заставил Васю испугаться несильно}'. (полевые материалы автора, с. Кузнецово)

Суффикс *-al-* должен располагаться в крайней правой позиции в словоформе, однако может иметь в своей сфере действия одно или несколько подсобытий. В случае (i) суффикс «пропускает» каузативное подсобытие, обозначаемое каузативным маркером, и модифицирует напрямую глагольную основу. Причина этого, как представляется, в том, что каузативный маркер недоспецифицирован в своих дескриптивных свойствах — иными словами, он может обозначать любой тип каузации, и эта информация не задается напрямую суффиксом. В свою очередь, суффикс *-al-* требует, чтобы эта дескриптивная информация была специфицирована, и в силу семантического конфликта прямая модификация суффиксом множественности суффикса каузатива становится невозможна. Таким образом, кажущееся нарушение принципа зеркальности становится объяснимым именно в силу того, что более правый модификатор в словоформе берет в свою сферу действия подсобытие, которое локализовано в структуре более низко, чем аффикс каузатива. Как следует из текста рецензируемой монографии, мишарские каузативы так же недоспецифицированы по своим дескриптивным свойствам, как и горномарийские, поэтому, на наш взгляд, можно предполагать наличие определенных параллелей в глагольных системах двух языков.

Автор главы предлагает убедительное решение проблемы, которое базируется на понимании того, что каузативная деривация обозначает не введение в структуру глагола каузатора, а добавление каузирующего подсобытия, которое может быть разделено с самим каузатором. Этот подход впервые опробован в [Pulkkänen 2002], благодаря чему удалось объяснить, например, некоторые некаузативные эффекты употребления каузатива в финском языке. При подобном подходе двойной каузатив сопровождается добавлением двух каузирующих подсобытий, но не двух каузаторов, и, таким образом, двойная каузация обозначает не наличие промежуточных каузаторов, а в некотором роде «удлинение» причинно-следственной цепочки, приводящей к событию, обозначаемому глагольной основой. Мы вернемся к обсуждению данного раздела в п. 3 рецензии.

В разделе 3.4 описываются отыменные и отадективные глаголы, которые в мишарском диалекте образуются с помощью суффикса *-la*. Для их описания привлекается известная теория, изложенная в [Hale, Keyser 2002]. Основная цель этой теории — объяснить, по каким именно принципам значение глагола выводимо из значения существительного или прилагательного, от которого он образован. Для отыменных глаголов таких возможностей на самом деле немного: теория Хейла и Кейсера предсказывает, что, например, от существительного *седло* ни в каком языке нельзя образовать глаголы со значением ‘быть седлом’, ‘стать седлом’, однако можно образовать глагол со значением ‘поместить в седло’ (*оседлать*). Несколько упрощая картину, можно сказать, что в мишарском диалекте любые отыменные глаголы обозначают каузацию такой сущности, которая характеризуется исходным существительным, или, возможно, группой существительного с (выраженным нулем) предлогом/послелогом. Так, например, глагол *maj-l-xj* ‘маслить’ может быть представлен в виде определения ‘каузировать так, чтобы X был в масле’, *naz-l-xj* ‘ласкать’ — в виде ‘каузировать ласку’, *jara-l-xj* ‘ранить’ = ‘каузировать рану’ и т. д. Если тот же суффикс прибавляется к прилагательному, результирующий глагол получает значение ‘стать A’: *jäsel* ‘зеленый’ — *jäsel-l-i* ‘позеленить, покрасить в зеленый цвет’.

В разделе тестируются предсказания существующих теоретических обобщений — в частности, о взаимозависимости типа исходного существительного и акциональности образованного от него глагола. Важное обобщение для мишарского диалекта состоит в том, что если группа существительного, которую можно представить в виде исходной по отношению к глаголу, обозначает состояние, то у глагола обязательно должна иметься интерпретация вхождения в состояние. К примеру, в случае глагола *maj-l-xj* ‘маслить’ исходной группой существительного является ‘в масле’, поэтому глагол обязательно должен иметь предельную интерпретацию. В качестве других источников предельности называется также инкрементальность пациенса: у отыменных глаголов типа *suka-l-xj* ‘пахать плугом’ предельность возникает благодаря инкрементальному отношению между этим предикатом и его пациенсом. Наконец, предельность может обеспечивать и т. н. минимальный стандарт сравнения: в случае предиката *tir-l-i* ‘вспотеть’ глагол может иметь предельную интерпретацию ‘вспотеть’, которая будет уместна, если этот глагол описывает появление хотя бы минимальной порции пота.

В разделе 4.1 рассматривается структура именной группы (ИГ). Вначале дается краткая информация об основных категориях имени (числе, посессивности и падеже), затем рассматривается базовый порядок модификаторов в ИГ. Интересным фактом является то, что распространенные причастные обороты и одиночные причастия занимают разные структурные позиции, хотя их грамматическая дистрибуция одинакова. Для распространенных причастных оборотов характерно расположение на левой периферии, в то время как одиночные причастия располагаются правее, то есть ближе к вершине ИГ. Предлагаемое объяснение заключается в том, что более распространенные («тяжелые») составляющие склонны выдвигаться влево в ИГ, поскольку это создает меньше проблем при парсинге высказывания (объяснение такого рода фактов см. в [Hawkins 1994]). Чем раньше при восприятии высказывания будет «закрыта» распространенная составляющая, тем более экономным будет анализ, и автор раздела высказывает гипотезу, что именно экономность анализа послужила главной причиной грамматикализации наблюдаемого порядка составляющих в ИГ. Информация о структуре ИГ также суммируется в виде иерархии составляющих в разделе 4.3.

В центре внимания раздела 4.2 находится вариативное маркирование приименных модификаторов в ИГ. Имя, которое модифицирует вершину ИГ, может быть аппозитивным (то есть получать нулевое маркирование) либо выступать в составе изафетных конструкций двух типов: в первом случае зависимое имя маркируется генитивом, во втором — нет. Различие между двумя типами изафетных конструкций не может быть сведено к наиболее типологически частым факторам вроде семантических отношений между составляющими или их референциального статуса. Поэтому для анализа феномена автор раздела предлагает многофакторную модель, которая определяет весовые коэффициенты для таких характеристик имени, как референциальный статус и выделенность участника дискурса, обозначаемого именем, а также вводит фактор простоты синтаксического анализа, отражающий принцип экономии (см. замеча-

ния к разделу 4.1). Модель предсказывает, что генитивное кодирование предпочитается в изафетной конструкции тем чаще, чем больший суммарный весовой коэффициент имеет составляющая. Особым достоинством раздела является тот факт, что модель проверяется на материале сконструированного автором эксперимента на перевод связного текста. Несмотря на то что в исследовании отражается материал, полученный всего от трех носителей, эксперимент в силу эксплицитности его постановки может быть воспроизведен и на гораздо большей выборке.

В разделе 4.4 рассматриваются фокусные частицы, и особое внимание уделяется клитике *gɾna/genä* (переводящейся в книге как ‘только, лишь бы, только что, именно’), которая, в отличие от других частиц этого класса, может располагаться не только справа от фокусируемой ИГ, но и внутри нее. В некоторых случаях, располагаясь после составляющей внутри ИГ, частица может иметь, тем не менее, широкую сферу действия:

- (6) *matur gɾna kɾz kitap uk-ɾ-dɾ, ä ŧɾk-sɾz malaj xat jaz-dɾ.*
красивый ФОС девочка книга читать-ST-PST а красота-CAR парень письмо писать-PST
‘КРАСИВАЯ ДЕВУШКА читала книгу, а некрасивый парень писал письмо’. (с. 348)

Как следует из материала раздела, идентичными свойствами обладают также причастия и относительные предложения. В структуре ИГ они располагаются слева от имени, но могут присоединять справа от себя фокусную частицу, в сфере действия которой они бы оказывались. В таком случае эта частица модифицирует ИГ целиком. Указательные местоимения, генитивные зависимые и числительные такого эффекта не имеют — если к ним присоединяется фокусная частица, узкий фокус возможен:

- (7) {Вопрос:сколько у тебя книг?}
(*min*) *ike genä kitap (bar-ɾm).*
я два ФОС книга есть-1SG
‘(У меня) ДВЕ книги’. (с. 365)

Авторы раздела выдвигают гипотезу о том, что разная сфера действия характерна для составляющих разного типа: составляющие-спецификаторы (то есть генитивные зависимые) могут иметь только узкий фокус, а прилагательные и причастия, являющиеся адьюнктами, не могут его иметь вообще. Составляющие-вершины (указательные местоимения и числительные) могут иметь как узкий фокус, так и широкий. К сожалению, эти утверждения в разделе никак не развиваются, поскольку авторы ограничиваются изложением эмпирического материала.

В разделе 5.1 даются базовые сведения о простом предложении. Этот раздел носит справочный характер и содержит информацию об основных типах простого предложения и некоторых ограничениях на их образование. В разделе 5.2 рассматривается явление, известное как дифференцированное объектное маркирование (ДОМ). В мишарском диалекте прямой объект может опционально маркироваться показателем аккузатива, при этом именные группы могут иметь достаточно большое количество зависимых. Модификация зависимыми зачастую коррелирует с определенным референциальным статусом ИГ, однако определенность не является главным фактором, требующим аккузативного маркирования. Автор раздела последовательно развивает и доказывает следующую гипотезу: в конструкциях двух типов — с показателем аккузатива и без — представлены структуры двух видов, соответственно DP и NP. Это рассуждение проистекает из представления о том, что именные группы в языках мира имеют оболочку, ответственную за референциальные свойства ИГ, и эта оболочка (DP) может быть выявлена различными синтаксическими тестами даже в том случае, если в конкретном языке у нее нет ненулевого выражения (см. в первую очередь [Abney 1987]). В мишарском диалекте ИГ, маркированные аккузативом, не могут сочиняться с ИГ, которые не маркированы им, и, следовательно, эти два типа составляющих представляют собой структуры разного уровня. Автор отвергает гипотезу, согласно которой немаркированные ИГ (NP) инкорпорируются в глагол — именно так анализируются немаркированные ИГ в некоторых языках. Вместо этого для мишарского материала предлагается анализ, основанный на идее о том, что падеж может быть приписан только структурам уровня DP, и такие структуры, получив падеж от глагольной группы, далее могут подвергаться передвижениям, связанным с коммуникативной структурой (то есть могут быть выдвинуты влево, например, в топиальную позицию). Напротив, структуры уровня NP не могут выдвигаться влево, поскольку никакая позиция в левой периферии не способна приписать падеж, и это объясняет, почему такие группы в мишарском диалекте всегда расположены строго в предглагольной позиции. В конце раздела рассматриваются некоторые различия между говорами мишарского диалекта: в частности, в сергачском говоре именные группы, не маркированные аккузативом, могут выдвигаться влево, чему дается в разделе некоторое формальное объяснение.

В разделе 5.3 рассматриваются сложные предикаты (конструкции со вспомогательными глаголами) — неразрывные комплексы глаголов, которые состоят из предиката с лексическим значением и легкого глагола, или сериализатора, который модифицирует аспектуальные свойства лексического глагола. Семантика таких конструкций в большинстве тюркских языков неоднократно обсуждалась в литературе, однако в разделе рассматривается формальная сторона явления. Сериализаторы анализируются как модификаторы событийной структуры исходного глагола, которые частично потеряли свое лексическое значение. С формальной точки зрения, они являются функциональными проекциями, позиция которых локализована над проекцией *vP*. К сожалению, в такой формулировке это обобщение кажется малоинформативным, поскольку позволяет объяснить отдельные факты — к примеру, тот факт, что сериализатор не проецирует собственных аргументов — но не отвечает на целый ряд вопросов. Во-первых, как именно сериализатор модифицирует лексический глагол? Автор раздела признает, что между семантическими свойствами сериализаторов и глаголов, которые послужили их лексическим источником, наблюдается явная связь, и описывает также некоторые существующие различия между разными сериализаторами (см. также обобщающие таблицы, суммирующие эти различия, в [Гращенков 2015: 59—92]). Объяснимы ли эти факты в терминах упоминаемой автором структуры события Дж. Рэмчанд [Ramchand 2008]? По этому поводу сказано следующее: «Если исходить из того, что лексическое значение обычного глагола представимо как сумма некоторых (не имеющих самостоятельного фонологического выражения) атомарных синтаксических проекций, можно предположить, что в случае сериализаторов основная часть этой лексической структуры выветрилась — произошел, так сказать, “распад лексического ядра”. Новообразованные вспомогательные глаголы, тем не менее, все же сохранили некоторое незначительное количество структуры исходных лексических единиц, благодаря чему мы и наблюдаем все перечисленные выше свойства, в первую очередь — способность принимать деривационную морфологию» (с. 424). В то же время, верно ли, что если лексическая структура сериализатора выветривается, то событийная остается? (Отметим, что иногда семантика сериализаторов действительно анализируется именно в терминах событийной структуры Рэмчанд, см., например, [Wiklund 2008; Balusu 2014; Ozarkar, Ramchand 2018]).

К сожалению, структуру раздела в целом нельзя признать удачной, поскольку в ходе изложения читатель сначала узнает, что сериализаторы частично сохраняют свои лексические свойства, затем предлагается некоторая формализация этого наблюдения, а большая часть раздела посвящена простому перечислению сочетаемостных свойств сложных предикатов с различными грамматическими показателями. В результате остается неясным, почему эта сочетаемость имеет такое важное значение. Справедливости ради отметим, что анализ был развит автором раздела в последующих работах (см. [Гращенков 2015, 2017]), где способность сериализатора присоединять деривационные и словоизменительные показатели получает интересное объяснение в терминах просачивания признака, поэтому тем, кому интересна данная проблематика, можно рекомендовать указанные работы для прояснения картины.

В разделе 5.4 обсуждается синтаксис сравнительных конструкций, которые в мишарском диалекте образуются тремя способами — с помощью исходной формы прилагательного, сравнительной степени, маркируемой показателем *-rak*, или аналитической конструкции с послелогом *karaganda*. Показатель *-rak* может выступать не только как показатель сравнительной степени, но и как модификатор прилагательных, который обозначает невысокую степень проявления признака (‘глуповатый’, ‘мокроватый’). В связи с этим возникает вопрос: сводимы ли эти два употребления к единому инварианту? Автор дает на этот вопрос отрицательный ответ, поскольку в сравнительных конструкциях показатель *-rak* может употребляться и тогда, когда два объекта значительно отличаются друг от друга по сравниваемому признаку (‘X намного более А, чем Y’). Однако такое решение может вызвать возражение сразу по нескольким причинам. Во-первых, *-rak*, как это следует из изложения, в большинстве сравнительных конструкций необязателен, и, следовательно, не его присутствие определяет наличие в клаузе компаративной семантики. Во-вторых, постулирование двух разных значений суффикса представляется неэкономным. Поэтому закономерен вопрос: нельзя ли анализировать суффикс *-rak* как маркер отклонения от стандарта, что было бы приемлемо как в случае компаративных конструкций, так и в случае форм со значением ‘мокроватый’? Впрочем, даже утвердительный ответ на этот вопрос требует проработки формального описания того, как семантика суффикса взаимодействует с семантикой адъективной основы и контекстом.

Возможные возражения вызывает и трактовка начальной формы прилагательного в сравнительной конструкции как формы с «нулевым показателем» компаратива. Среди языков мира засвидетельствованы такие, в которых компаративная форма прилагательного является основной и может проецировать собственные аргументы — к их числу можно отнести, к примеру, волоф, см. [McLaughlin 2004]. Несмотря на выбор той или иной трактовки, однако, стоит признать, что в разделе отмечена важная особенность мишарских компаративов — их аргументы имеют ограничения на передвижение. Например, вы-

нос группы стандарта сравнения, маркированной аблативом, в крайнюю правую позицию невозможен, если в предложении есть наречия, модифицирующих структуру уровня клаузы:

- (8) a. *kičä marat ruslan-nan küñelle(-räk) i-de.*
вчера Марат Руслан-ABL радостный-COMP быть-PST
- b. *?ruslan-nan kičä marat küñelle(-räk) i-de.*
Руслан-ABL вчера Марат радостный-COMP быть-PST
'Вчера Марат был радостнее Руслана'. (с. 452)

Передвижение именных групп внутри клаузы ограничено именно в силу их аргументного статуса, точно так же как ограничено, к примеру, и передвижение базовых аргументов глагола. В то же время аналитическая конструкция с послелогом *karaganda* таких ограничений не имеет, поскольку является адьюнктом сентенциального уровня.

Далее в разделе обсуждается непосредственно семантика сравнительных конструкций. В языках мира они могут различаться по параметру того, сущности какого типа могут сравниваться — сущности, обозначаемые именными группами, пропозиции, степени и др. Интерес представляет тот факт, что в мишарском диалекте в качестве основания для сравнения не могут употребляться финитные клаузы ('Джон выше, чем я думал'), и язык для преодоления этого ограничения использует стратегию с нефинитными глагольными формами. В (9) в качестве основания для сравнения выступает клауза, возглавляемая перфектной формой в функции номинализации:

- (9) *min ujla-gan-ga karaganda bu malaj ɣɣɣn(-rak)*
я думать-PFCT-DAT по.сравнению.с этот мальчик высокий-COMP
'Этот мальчик выше, чем я думал'. (с. 461)

Вместе с тем допустимость подобных клауз снижается, если предложение с перфектной формой маркируется аблативом. Из этих фактов автор делает вывод, что послелог *karaganda* «допускает больше возможностей по извлечению информации о релевантной степени реализации параметрического свойства из выражения с событийной референцией, чем аблативный сравнительный оператор» (с. 463). Иными словами, послелог, модифицирующий клаузу, можно представить как оператор, выделяющий некоторую степень из ее пропозиционального содержания. Аблативный показатель такими свойствами не обладает: он может связывать между собой только две сущности (сравниваемый объект и стандарт сравнения), но не оперировать степенями, которые характеризуют эти сущности.

Раздел 6.1 посвящен типологически ориентированному описанию различных классов обстоятельственных предложений. Это предложения времени, условия, причины, места, цели и др. Для каждого семантического типа обстоятельственных предложений указываются формальные средства его выражения и наиболее важные особенности синтаксиса, причем если для одного типа клауз типологически выделяется несколько подтипов, то характеризуется каждый такой подтип: например, отдельно описываются условные предложения с реальным, контрфактическим и гипотетическим условием.

Отдельно описываются также два особых класса деепричастий — деепричастия на *-p* и редуцированные деепричастия. Особенность деепричастий первого класса состоит в том, что их значение недоспецифицировано и они могут выражать как предшествование, так и одновременность. В разделе показано, как эти значения могут быть предсказаны, исходя из принятых в монографии представлении об акциональности глаголов (подробнее о которой говорится в разделе 2.2.2). Редуцированные деепричастия по своим свойствам сходны с деепричастиями на *-p*, однако они могут выражать только действие, одновременное с действием, обозначаемым главной клаузой.

Далее в разделе отдельно обсуждаются синтаксические отношения в предложениях, содержащих деепричастия на *-p*. В мишарском диалекте субъект деепричастия на *-p* может быть коиндексирован с субъектом главной клаузы в том случае, если между ними можно установить отношение «часть-целое» или если между клаузами существует определенное семантическое отношение (в числе таких отношений в разделе называются каузальное и уступительное). Пример предложения с разносубъектными клаузами представлен в (10).

- (10) *minem bärel-e-p ɣɣɣn-ɣm kan-a-dɣ.*
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
'Я ударился, и у меня из носа пошла кровь'. (с. 520)

Теоретическую проблему в случае примеров такого рода представляют генитивные подлежащие, которые семантически относятся к зависимой клаузе, но одновременно выступают как посессор подлежа-

щего главной клаузы. Среди нескольких вариантов анализа таких конструкций выбирается анализ, согласно которому на начальном этапе деривации генитивное подлежащее на самом деле является модификатором именной группы ('мой нос' для примера выше), однако потом подвергается передвижению влево. После передвижения генитивная группа контролирует *pro* в зависимой клаузе, однако этот контроль, предположительно, необязателен. В разделе изложены аргументы за и против такого решения.

В разделе 6.2 описываются стратегии образования относительных предложений: типичная для тюркских языков преноминальная (зависимое предложение находится в препозиции) и финитная, при которой в относительной клаузе, расположенной справа от модифицируемого имени, используется финитная форма глагола. При стратегии первого типа в относительной клаузе могут использоваться причастия четырех видов — с показателем Перфекта *-gan*, с показателем имперфективного деепричастия *-a tırğan*, производного от перфектного причастия, футурального причастия на *-açak* и причастия одновременности на *-uçr*. Последние две формы употребляются редко и отмечаются, как правило, в речи старших поколений. Стратегии охарактеризованы с точки зрения доступности позиций на иерархии Кинэна — Комри: наиболее распространенная стратегия с причастием на *-gan* покрывает все позиции на иерархии, однако для релятивизации тех позиций, которые для нее менее доступны, используется финитная стратегия. Отдельно в разделе рассматриваются безвершинные относительные конструкции, которые в мишарском диалекте образуются с помощью глагольных форм на *-gan*, то есть с тем же самым показателем, который образует перфектные формы и номинализации. Синтаксис причастий на *-gan*, однако, отличается от синтаксиса номинализаций: в первом случае субъект оформляется номинативом, а во втором — обычно генитивом. Это не позволяет считать два типа конструкций идентичными. В разделе также кратко рассматриваются два типа коррелятивных конструкций, которые могут образовываться либо с помощью вопросительных местоимений, либо с помощью глагольных форм кондиционалиса.

В разделе 6.3 рассматриваются сентенциальные дополнения. Отдельно характеризуется синтаксис номинализаций, инфинитивов, деепричастий и конструкций с формами дезидератива и облигатива. Следует отметить явную незавершенность этого раздела: из него читатель узнает некоторые факты о синтаксисе этих конструкций, в частности о падежном кодировании и особенностях согласования, а также о вариантах анализа — однако во всех случаях окончательного выбора анализа не происходит в силу недостатка данных.

В центре внимания раздела оказываются сентенциальные дополнения с союзом *di(je)p*. Этот союз вводит дополнения при глаголах речи, ментальных процессов и психического восприятия, однако совершает при этом нетривиальные семантические операции с пропозициональным содержанием клаузы. Так, в (11) местоимение *min* 'я' может интерпретироваться как относительно произносящего этого высказывание, так и относительно субъекта главной клаузы:

- (11) *marat [min alsu-nx sej-ä-m dijep] ujl-ıj.*
 Марат [я Алсу-ACC любить-ST.IPFV-1SG SUB думать-ST.IPFV
 1. 'Марат думает, что я люблю Алсу'.
 2. 'Марат думает, что он любит Алсу'. (с. 548)

Предлагаемое решение заключается в том, что в синтаксической структуре между позицией подлежащего зависимой клаузы и финитной клаузы находится особый семантический оператор, ответственный за реинтерпретацию местоимений в своей сфере действия. Это явление известно в литературе как индексикальный сдвиг, и анализ в подобных терминах позволяет не постулировать омонимию обычных и логофорических местоимений (подробнее мы обратимся к этому разделу в п. 3).

В конце раздела 6.3 приводится таблица, в которой обобщены сведения о моделях управления 57 глагольных предикатов, присоединяющих сентенциальные дополнения.

В разделе 6.4 описывается номинализация с показателем *-u*. Приводятся сведения о том, предикаты с какими деривационными показателями могут образовывать номинализации, какие синтаксические позиции номинализации могут заполнять, как номинализации могут сочетаться с именными модификаторами, каково падежное оформление аргументов. Отдельно дается информация о том, какие семантические эффекты могут наблюдаться при присоединении показателя множественного числа к номинализованному глаголу. Эти наблюдения представляются интересными, особенно в свете исследований последнего времени о введении семантики глагольной множественности за пределами глагольной группы (см., в частности, работы А. Алексиаду и Дж. Иордакьоайа). Однако для полноценного описания феномена критически не хватает данных о том, какую семантику имеет собственно глагольная множественность (которая, как следует из раздела 6.4.1, может быть введена в номинализацию показателем фреквентатива) и в чем состоят семантические различия при использовании двух разных стратегий. В целом можно сказать, что в разделе не хватает последовательности и четкой магистральной линии исследова-

ния, и поэтому представленные в нем разрозненные факты не складываются в единую картину, хотя в нем представлено достаточно много разрозненных эмпирических данных о синтаксисе номинализаций.

В разделе 6.5 обсуждаются анафорические отношения в сложноподчиненном предложении — в первую очередь поведение рефлексивных местоимений. Рассматриваются не только собственно рефлексивные, но также и типологически распространенные интенсификаторные употребления. Раздел представляет собой типологически ориентированное описание употреблений рефлексивов, прономинатов и нулевых местоимений (PRO) в различных типах контекстов, в частности в подчинительных клаузах нескольких типов. Ценным наблюдением является то, что рефлексивные местоимения в мишарском диалекте не обязаны быть строго локальными и могут быть коиндексированы как с подлежащим зависимой клаузы, так и с антецедентами, расположенными в главной клаузе.

Наконец, в разделе 6.6 на примере нескольких видов конструкций обсуждается проблема сочинения и подчинения. Конструкции с союзом *čenki* проявляют одновременно свойства сочинительных и подчинительных. По большинству известных критериев эти конструкции ведут себя как сочинительные, однако по некоторым — как подчинительные. Так, в сочинительных конструкциях во второй клаузе возможно подвергнуть эллипсису глагол 0, однако в конструкциях с *čenki* это опущение невозможно:

(12) *min čistaj-ga kit-te-m, ä marat kazaŋ-ga* ____.
я Чистополь-DAT уезжать-PST-1SG а Марат Казань-DAT
'Я уехал в Чистополь, а Марат (уехал) в Казань'.

(13) **min čistaj-ga kit-te-m, čenki marat kazaŋ-ga* ____.
я Чистополь-DAT уезжать-PST-1SG потому.что Марат Казань-DAT
'Я уехал в Чистополь, потому что Марат (уехал) в Казань'. (с. 644)

В разделе описываются также другие конструкции, и, пожалуй, главным выводом является предположение о том, что мишарские конструкции представляют собой разные феномены с точки зрения семантики и синтаксиса: они являются подчинительными на семантическом уровне, но сочинительными на синтаксическом.

Из всего сказанного можно увидеть, что рецензируемая монография вносит значительный вклад в изучение татарского языка — прежде всего потому, что в ней затрагиваются проблемы, которые исследователи предыдущих поколений просто не ставили перед собой. При этом помещение мишарских данных в типологический контекст позволяет по-новому взглянуть на некоторые явления и найти оригинальные решения. Стоит отметить, что книгу отличает бережный подход к работам предшественников — практически во всех случаях ясно, что нового вносят исследования авторов по сравнению с классическими описаниями татарского языка, поскольку авторы приводят наблюдения предшественников и подробно анализируют их (несколько выбивается из этого ряда разделы 6.4 и 6.5, исследовательская программа которых не вполне ясна). В следующем пункте мы подробно разберем наиболее существенные, с нашей точки зрения, выводы, сделанные в книге, которые представляют большой интерес не только для тюркологии, но и для теории языка в целом.

3. Общее обсуждение

Кратко охарактеризовав содержание рецензируемой монографии, в заключительной части мы выскажем некоторые общие критические замечания и отметим самые ценные, на наш взгляд, теоретические наблюдения, высказанные авторами.

Как было сказано выше, в некоторых своих частях монография детализированностью напоминает фундаментальное грамматическое описание. К примеру, раздел, посвященный глагольной морфологии, снабжен детальными схемами, иллюстрирующими образование глагольных форм. Так, на с. 10 приведена схема, на которой проиллюстрировано образование глагольных форм от основ разного типа. Затем отдельно рассматриваются синтетические и аналитические формы, для каждой клетки парадигмы приводятся примеры словоформ. Очень удобным кажется решение разместить парадигмы в одном разделе — таким образом, у читателя нет необходимости разыскивать нужные словоформы в разных главах книги. Подробная таблица приведена и для именных парадигм (с. 39—41). В конце раздела 6.3, посвященного синтаксическим дополнениям, имеется сводная таблица моделей управления. Таблицы, обобщающие сведения о синтаксических актантах с такой подробностью, встречаются в грамматиках нечасто.

Использование книги как грамматического справочника, однако, осложняется выборочным подходом к описанию фрагментов языковой системы. Несмотря на включение в текст большого количества

справочного материала вроде парадигм, который характерен в большей степени для грамматических описаний, чем для сборников статей, в монографии практически отсутствуют важные данные сразу о нескольких важных фрагментах языковой системы, в частности о падежной системе, о синтаксисе послелогов, об отрицании. Нельзя не отметить и некоторую рассогласованность между главами. В разделе о сравнительных конструкциях (с. 453) выдвигается гипотеза о том, что группы с аналитическим показателем стандарта сравнения «присоединяются синтаксически выше, чем сентенциальное отрицание, и поэтому оно не может лицензировать отрицательно-полярные единицы внутри таких групп», что, строго говоря, нуждается в дополнительном обосновании. Однако в книге ничего не говорится ни о синтаксисе отрицания, ни о лицензировании указанных единиц. В разделе 6.4, где говорится о семантике множественности, возникающей при номинализованных предикатах, читатель впервые узнает о существовании глагольных суффиксов множественности, о которых в книге ранее ничего не сообщалось. В разделе 3.4 описываются семантические эффекты, возникающие при присоединении детранзитивизирующего показателя *-n-*, который ассоциируется с вершиной *vP*. С одной стороны, такое решение выглядит логичным; с другой стороны, в разделе 3.1.4, посвященном показателю *-n-*, никакого формального анализа не проводится, поэтому утверждения о синтаксической позиции показателя не выглядят самоочевидными.

Не всегда структура книги представляется логичной. Вызывает некоторое недоумение решение разместить информацию о структуре ИГ между разделами 4.1 и 4.3, последний из которых называется «Иерархическая структура именной группы». Среди других недостатков книги можно отметить редкое обращение к корпусным данным в некоторых разделах, из-за чего данные о некоторых фрагментах грамматической системы основаны только на элицированных примерах, иногда достаточно неестественных.

Нельзя не признать, что некоторые главы монографии уже успели устареть в научном плане. Это обусловлено в том числе и тем, что специалисты, являющиеся авторами некоторых разделов, успели выпустить работы с гораздо более проработанным анализом описанных ими явлений. В первую очередь это касается раздела 5.3, в котором речь идет о сериальных конструкциях: его автор, П. В. Гращенков, предложил гораздо более развернутый анализ в своей докторской диссертации [Гращенков 2017], а также в монографии [Гращенков 2015]. Непроработанным кажется и анализ сочинительных и подчинительных конструкций в разделе 6.6: главный вывод состоит в том, что критерии сочинения и подчинения не позволяют однозначно определить синтаксический статус некоторых типов клауз. Вместе с тем, как представляется, в лингвистической науке имеются удовлетворительные теоретические решения этой проблемы (см. хотя бы [Belyaev 2015]).

Вместе с тем, повторимся еще раз, рецензируемая монография в целом вносит весомый вклад в изучение грамматической системы татарского языка. Это становится возможно благодаря привлечению формальных теорий, которые оказываются способны ответить на многие не решенные ранее теоретические вопросы. В этой связи, как нам кажется, выдающимся можно назвать раздел, посвященный глагольным категориям. Ниже мы охарактеризуем самые интересные наблюдения, высказанные в рамках этого раздела, а также некоторые наблюдения из других разделов.

Прежде всего, стоит особо отметить раздел 3.4, в котором исследуется проблема деривации отыменных и отадъективных глаголов. Эта проблема в теоретической литературе не исследована достаточно хорошо, и со времен классической работы [Hale, Keyser 2002], о которой уже было сказано выше, выдающихся исследований в этой области появилось крайне мало. Более того, грамматические описания различных языков обычно содержат только самые общие сведения о том, какие в языках существуют отыменные глаголы, но не содержат сведений о том, по каким принципам происходит их деривация. Между тем, для теории языка интересен вопрос, чем ограничены возможности деривации отыменных и отадъективных глаголов в конкретных языках. Это можно проиллюстрировать следующей парой примеров: в английском языке допустимо построить предложение *John shelved the books* 'Джон поставил книги в шкаф', но в русском языке его возможный аналог **Иван ушкафил книги* неграмматичен. Вопрос же о том, что именно регулирует деривационные процессы подобного типа, остается открытым, и исследование межъязыкового варьирования в этой области еще только предстоит.

В мишарском диалекте, как уже было указано в разделе 2 настоящей рецензии, есть показатель, который деривирует каузативные глаголы как от прилагательных, так и от существительных. В теории Хейла и Кейсера, однако, между двумя классами глаголов существует значительная разница: прилагательные на первом этапе деривации образуют переходные (инхоативные) глаголы, в то время как существительные — переходные (каузативы). В мишарском диалекте это, однако, не так — в обоих случаях в первую очередь образуются каузативы. Строго говоря, это нуждается в дополнительном объяснении. Почему, к примеру, отадъективные глаголы на первом этапе деривации должны обязательно содержать в своей структуре агенса (что, вообще говоря, противоречит исходным допущениям Хейла и Кейсера)? Связан ли этот факт каким-то образом с семантикой деривационного суффикса *-la*? Почему система

мишарского диалекта коренным образом отличается от системы английского языка, на основе которой и была построена теория Хейла и Кейсера? Ответы на эти вопросы вряд ли можно дать, что еще раз говорит о том, насколько не разработана эта область исследований. В то же время имеющиеся данные позволяют объяснить, по каким принципам происходит деривация отыменных глаголов: ключевым здесь является вывод о том, что суффикс *-la* кодирует процесс, в ходе которого наступает состояние, обозначаемое исходной основой. Таким образом, без дальнейшего семантического дробления оказываются единообразно объясненными все употребления суффикса.

Важным является обобщение, согласно которому отыменные глаголы, обозначающие способ осуществления действия (в частности, инструментальные глаголы вроде ‘пахать плугом’ и др.), не могут при присоединении детранзитивного маркера *-n* иметь декаузативную интерпретацию, т. е. интерпретацию, при которой из структуры ситуации удаляется агенс. В то же время ситуации, которые кодируют переход в состояние и не специфицируют способ, которым это достигается (‘мучить’, ‘ранить’), при присоединении того же самого показателя декаузативную интерпретацию иметь могут. Обобщение отражает интуитивно верное соображение о семантической связи между агентивностью и ролью инструмента. Другим важным микросюжетом представляется рассуждение о неэргативных отыменных глаголах (‘разбойничать’), которые получают теоретическое осмысление едва ли не впервые в литературе.

Анализ, предложенный в разделе 3.3, представляется важным в свете проблемы двойных каузативов, обобщения о которой были сделаны в известной статье [Kulikov 1993]. Л. Куликов выделяет некоторые семантические типы двойных каузативов — в частности, каузативы со значением интенсификации, дистантные каузативы, каузативы, обозначающие множество каузируемых событий, и некоторые другие. Однако эти типологические обобщения не могут объяснить ни данные мишарского диалекта, ни данные большого количества языков, в том числе и Волго-Камского ареала. Основным вопросом, требующим решения, является то, что каузативная деривация обычно интерпретируется как введение нового участника (каузатора). Однако в случае мишарского диалекта новый каузатив при добавлении второго показателя каузатива не вводится.

Предлагаемое решение заключается в следующем. Делается важное допущение о том, что показатель каузатива вводит не каузатора, а каузирующее подсобытие. Однако два показателя каузатива вводят разные семантические отношения: показатель, который находится ближе к корню, обозначает обычную каузацию, а появление в словоформе второго каузатива сигнализирует о наличии некоторого отличного от первого отношения между каузирующим и каузируемым подсобытиями. (Более подробное формальное обоснование анализа приводится в тексте раздела.) Второе важное допущение состоит в том, что отношение, вводимое вторым показателем каузатива, может быть описано как инкрементальное, т. е. такое, при котором некоторое действие изоморфно отображается в результат этого действия. Если сделать подобное допущение, легко объяснимыми становятся следующие ограничения на интерпретацию двойных каузативов:

(14) *trener marat-nx jeger-t-ter-de.*

тренер Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST

‘Тренер заставил Марата бегать’.

- a. ‘Тренер велел Марату бежать и сам бежал вместе с ним, давая указания в процессе бега’.
- b. ‘Пока Марат бежал, тренер устранял с его пути всевозможные препятствия’.
- c. ‘Тренер велел Марату бежать и наблюдал за процессом бега’.
- d. ‘#Тренер велел Марату заниматься на беговой дорожке, а сам ушел по делам’. (с. 245)

При интерпретациях (a), (b) и (c) предполагается, что намерения тренера каузировать ситуацию ‘Марат бежит’ инкрементально отображаются в действия тренера, что предполагает импликацию вовлеченности тренера во всю ситуацию. Этой импликации нет при интерпретации (d), поскольку в этом случае тренер, каузивав некоторую ситуацию, самоустраняется от ее дальнейшего протекания. Таким образом, анализ двойных каузативов в терминах характера отношений между подсобытиями лучше объясняет ограничения на интерпретацию каузативных словоформ, чем стандартный анализ в терминах повышающей актантной деривации, и хочется верить, что окажется способен объяснить семантику двойных каузативов в тех языках, которые не подчиняются типологическим обобщениям. С помощью понятия инкрементального отношения можно объяснить и некоторые уже известные эффекты двойной каузативизации — в частности, интенсификационное значение, которое также предполагает приложение агенса дополнительных усилий для осуществления ситуации.

Особый интерес для типологии представляет и раздел 6.3, где идет речь об индексикальном сдвиге. Это явление хорошо известно, к примеру, в африканских языках, где для сдвига используются особые

логофорические местоимения, однако только в последнее время оно детально исследуется на материале тюркских языков. Как мы уже отметили, наличие оператора индексикального сдвига позволяет без дополнительных допущений объяснить логофорическую интерпретацию местоимений, попадающих в сферу действия этого оператора. В то же время в мишарском диалекте подлежащее клаузы, содержащей оператор индексикального сдвига, не может интерпретироваться логофорически, то есть не попадает в сферу действия оператора, если оно выражено аккузативной именной группой. Это можно проиллюстрировать следующей парой:

- (15) *alsu [berkem-ne dä miŋa bag-m-a-s dijer] kurk-a.*
 Алсу никто-ACC EMPH я.DAT смотреть-NEG-ST-POT SUB бояться-ST.IPFV
 1. ‘Алсу боится, что никто на меня {т. е. на говорящего} не посмотрит’.
 2. ‘*Алсу_i боится, что никто на нее_i не посмотрит’.

- (16) *alsu [berkem dä miŋa bag-m-a-s dijer] kurk-a.*
 Алсу никто EMPH я.DAT смотреть-NEG-ST-POT SUB бояться-ST.IPFV
 1. ‘Алсу боится, что никто на меня {т. е. на говорящего} не посмотрит’.
 2. ‘Алсу боится, что никто на нее не посмотрит [= «На меня никто не посмотрит»]’. (с. 572)

Анализ, приведенный в разделе, содержит допущение, согласно которому подлежащее зависимой клаузы может либо находиться, либо не находиться в сфере действия оператора индексикального сдвига и занимать разные структурные ранги. Такое обобщение может объяснять самые разные факты языков мира: к примеру, в некоторых африканских языках логофорические местоимения не могут связывать рефлексивы, поскольку находятся, по-видимому, в более высокой структурной позиции, чем собственно подлежащее.

Книга содержит некоторое количество опечаток и неточностей. Так, на с. 174 упоминается несуществующий «язык догон», который на самом деле, как известно, является языковой семьей с хорошо дифференцируемыми и невзаимопонятными идиомами. Впрочем, в данном случае ошибка явно обусловлена неточностью в цитируемом источнике.

Суммируя, можно сказать, что рецензируемая монография безусловно достойна внимания как тюркологов, так и специалистов по типологии, синтаксису и семантике. Точные и высокопрофессиональные наблюдения авторов делают книгу своего рода справочником, который будет весьма полезен при исследовании как тюркских языков, так и других языков, ареально близких к ним.

Сокращения

1 — 1 лицо	GEN — генитив
ABL — аблатив	IPFV — имперфектив
ACC — аккузатив	NEG — отрицание
ATT — аттенуатив	PFCT — перфект
CAR — каритив	POT — потенциалис
CAUS — каузатив	PRET — претерит
CAUS.D — дистантный каузатив	PST — прошедшее время
COMP — сравнительное степень	REC — реципрок
CONV — деепричастие	SG — единственное число
DAT — датив	ST — производная основа
EMPH — эмфатическая выделительная частица	SUB — союзное слово
FOC — фокусная частица	

Литература

Ахатов 1980 — *Ахатов Г. Х.* Мишарский диалект татарского языка. Уфа, 1980. {*Akhatov G. Kh.* Mishar dialect of the Tatar language. Ufa, 1980.}

Гращенков 2015 — *Гращенков П. В.* Тюрские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М., 2015. {*Grashchenkov P. V.* Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization. Moscow, 2015.}

Гращенков 2017 — *Гращенков П. В.* Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков. Дисс. ... доктора филологических наук. М., 2017. {*Grashchenkov P. V.* Compositionality in lexical and syntactic derivation. Doctoral dissertation. Moscow, 2017.}

Лютикова и др. (ред.) 2006 — Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке / Ред. Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Шлуинский А. Б., Пазельская А. Г. М., 2006. {Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar / Eds. Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Shluinsky A. B., Pazelskaya A. G. Moscow, 2006.}

Лютикова и др. (ред.) 2007 — Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике / Ред. Лютикова Е. А., Казенин К. И., Соловьев В. Д., Татевосов С. Г. Казань, 2007. {Mishar dialect of the Tatar language: essays on syntax and semantics / Eds. Lyutikova E. A., Kazenin K. I., Soloviev V. D., Tatevosov S. G. Kazan, 2007.}

Махмутова 1978 — Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978. {Makhmutova L. T. Exploring the Turkic dialects. Mishar dialect of the Tatar language. Moscow, 1978.}

Татевосов (ред.) 2009 — Тубаларские этюды / Ред. Татевосов С. Г. М., 2009. {Tubalar etudes / Ed. Tatevosov S. G. Moscow, 2009.}

Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... доктора филологических наук. М., 2010. {Tatevosov S. G. Aktionsart in lexicon and grammar. Doctoral dissertation. Moscow, 2010.}

Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М., 2015. {Tatevosov S. G. Aktionsart in lexicon and grammar. Verb and event structure. Moscow, 2015.}

Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М., 2016. {Tatevosov S. G. Verb classes and typology of aktionsart. Moscow, 2016.}

ТГ 1992—1995 — Татарская грамматика / Ред. Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Зиннатуллина К. З. Казань, 1992—1995. {A Grammar of Tatar / Eds. Zakiev M. Z., Ganiev F. A., Zinnatullina K. Z. Kazan, 1992—1995.}

Abney 1987 — Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. Doctoral Dissertation, Cambridge, MA, 1987.

Baker 1985 — Baker M. The Mirror Principle and Morphosyntactic Explanation // Linguistic Inquiry. 1985. Vol. 16. № 3. P. 373—415.

Balusu 2014 — Balusu R. Lexical semantics of transitivizer light verbs in Telugu // Eds. Chandra P., Srishti R. The Lexicon—Syntax Interface: Perspectives from South Asian languages. Linguistik Aktuell / Linguistics Today. 2014. P. 101—126.

Belyaev 2015 — Belyaev O. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar // Journal of Linguistics. 2015, 51 (2). P. 267—326.

Bylinina 2014 — Bylinina L. The grammar of standards: Judge-dependence, purpose-relativity and comparison classes in degree constructions. PhD. diss. Utrecht, 2014.

Hale, Keyser 2002 — Hale K. L., Keyser S. J. Prolegomenon to a Theory of Argument Structure. Cambridge, 2002.

Haspelmath 1990 — Haspelmath M. The Grammaticization of Passive Morphology // Studies in Language. 1990. Vol. 14. № 1. P. 25—72.

Hawkins 1994 — Hawkins J. A. A Performance Theory of Order and Constituency. Cambridge, 1994.

Kulikov 1993 — Kulikov L. I. The “second causative”: A typological sketch // Causatives and transitivity / Eds. Comrie B., Polinsky M. Amsterdam, 1993. P. 121—154.

McLaughlin 2004 — McLaughlin F. Is there an adjective class in Wolof? // Adjective classes: A cross-linguistic typology / Eds. R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. Oxford, 2004. P. 242—262.

McPherson, Paster 2009 — McPherson L., Paster M. Evidence for the Mirror Principle and Morphological Templates in Luganda Affix Ordering / Eds. Ojo A., Moshi L. Selected Proceedings of the 39th Annual Conference on African Linguistics. Somerville, 2009. P. 55—66.

Ozarkar, Ramchand 2018 — Ozarkar R., Ramchand G. Structure matching and structure building in Marathi Complex Predicates // Journal of South Asian Linguistics. 2009, 8. P. 3—28.

Podobryaev 2014 — Podobryaev A. Persons, imposters and monsters. Doctoral Dissertation, Cambridge, MA, 2014.

Pylkkänen 2002 — Pylkkänen L. Introducing Arguments. Ph.D. dissertation. Cambridge, MA, 2002.

Ramchand 2008 — Ramchand G. C. Verb Meaning And The Lexicon. Cambridge, 2008.

Rhee, Koo 2014 — Rhee S., Koo H. J. Grammaticalization of causatives and passives and their recent development into stance markers in Korean // Poznań Studies in Contemporary Linguistics. 2014, 50(3). P. 309—337.

Say 2013 — Say S. Kalmyk causative constructions: case marking, syntactic relations and the speaker's perspective // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja (Journal de la Société Finno-Ougrienne). 2013, 94. P. 257—280.

Shibatani, Pardeshi 2002 — Shibatani M., Pardeshi P. The Causative Continuum // Ed. Shibatani M. The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam, 2002.

Wiklund 2008 — Wiklund A. L. Creating surprise in complex predication // Eds. Svenonius P., Tolskaya I. Tromsø Working Papers on Language and Linguistics: Nordlyd 35, special issue on Complex Predication. 2008. P. 163—187.

Yap, Shoichi 2003 — Yap F. H., Shoichi I. From causative to passive: A passage in some East and Southeast Asian languages // Eds. Casad E., Palmer G. Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages [Cognitive Linguistics Research 18]. Berlin, 2003. P. 419—446.

**Рецензия на книгу: Элементы мокшанского языка
в типологическом освещении**

Ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов,
Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. —
М.: «Буки Веди», 2018. — xxiv + 1014 с. — ISBN 978-5-4465-2097-8.

Соловьева Анита Вячеславовна,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; nit-sol@mail.ru

Рецензируемая книга — один из ярких примеров систематизации результатов полевого исследования, построенного на взаимодействии разных поколений и подходов к описанию языкового материала. В основе книги лежат диалектные данные, которые были собраны в мордовских селах Лесное Цибаево, Лесное Ардашево и в деревне Лесные Сиялы. Согласно [Феоктистов 1990], их говоры относятся к северной группе центрального диалекта мокшанского языка. Изложение в монографии строится от типологически ориентированного описания языкового материала до анализа в рамках функциональных и формальных подходов, от изложения морфонологических данных до описания семантико-синтаксического интерфейса.

Автор рецензии ставит перед собой цель проанализировать достоинства и недостатки каждой из тридцати шести глав монографии, отмечая их значимость в сравнении с уже существующими описаниями языка.

Ключевые слова: грамматика, полевая лингвистика, финно-угорские языки, мокшанский язык

**ELEMENTY MOKSHANSKOGO YAZYKA V TIPOLOGICHESKOM OSVESHCHENII
[ELEMENTS OF THE MOKSHA LANGUAGE IN A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE]
(MOSCOW, 2018. XXIV + 1014 PAGES)**

Anita V. Solovyeva,
Lomonosov Moscow State University; nit-sol@mail.ru

The reviewed book is a striking example of systematization of fieldwork research results based on the interaction of different generations and approaches to the description of language material. In the heart of the book lie dialectal data that were collected during fieldwork with speakers of the Central dialect of the Moksha language in the Mordovian villages of Lesnoje Cibajevo, Lesnoje Ardashevo, and Lesnyje Sijaly. The book consists of not only a typologically oriented description of language material, but also an analysis within both functional and formal approaches. It provides a broad description of Moksha morphology, semantic and syntactic interface.

The author of the review aims to analyze the advantages and disadvantages of each of the thirty-six chapters of the monograph, noting their significance in comparison with existing studies on Moksha.

Keywords: grammar, linguistic fieldwork, Finno-Ugric languages, the Moksha language

1. Вводные замечания

Как благоприятное сочетание внешних факторов играет ключевую роль в адаптации приобретенных изменений у живых организмов, так совместный труд и поддержка старших поколений влияет на успешное сохранение традиций. Безусловно, одной из таких традиций по праву можно считать студенческие лингвистические экспедиции, созданные в 1967 г. на ОТиПЛе (в то время ОСиПЛе) и продолжающиеся до сих пор. Полевая работа, так гармонично встроившаяся в жизнь российских лингвистов благодаря А. Е. Кибрику (1939—2012) и его последователям, запечатлена в обширном ряде работ (см. в первую очередь [Рахилина, Тестелец (ред.) 1999: 11—16, 623—627; Борщёв 2001; Кибрик 2005, 2007, 2008, 2010, 2011; Плунгян, Фёдорова 2017]). Результаты данных исследований (проводимых как на ОТиПЛе, так и в других учреждениях) также отражены в большом количестве публикаций. Среди них хотелось бы особенно отметить книги по целому ряду нахско-дагестанских [Кибрик и др. 1972; Kibrik 1996; Кибрик 1999, 2001], адыгейскому [Тестелец (отв. ред.) 2009] и алюторскому [Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000] языкам; монографию, посвященную глагольной системе карачаево-балкарского языка [Лютикова и др. 2006], а также сборники и монографии по финно-угорским языкам [Кузнецова и др. (ред.) 2012], мишарскому диалекту татарского языка [МДТЯ 2007], тубаларскому диалекту алтайского языка [Татевосов (ред.) 2009], калмыцкому языку [Сай и др. (ред.) 2009].

Рецензируемая книга — также яркий пример систематизации результатов полевого исследования, построенного на взаимодействии разных поколений и подходов к описанию языкового материала. Монография содержит восемь частей, разбитые на тридцать шесть глав, посвященных описанию мокшанского языка во внутригенетической, ареальной и широкой типологической перспективе. Работа была выполнена в рамках долгосрочного проекта в 2013—2018 гг. Его руководителями в 2013—2014 гг. были А. И. Кузнецова и С. Ю. Толдова. С 2014 г. С. Ю. Толдова полностью взяла на себя руководство проектом. Немалую роль в организации экспедиций и редактировании глав сыграли М. А. Холодилова, выступившая, наряду с С. Ю. Толдовой, ответственным редактором монографии, а также С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева и И. А. Стенин.

За продолжительную историю изучения мордовских языков уже было издано несколько синхронных [Орнатова 1838; Евсевьев 1929/1963; Колядёнков, Заводова (ред.) 1962; Цыганкин 1980], а также исторических [Бубрих 1953; Серебренников 1967] грамматик. Немалое количество работ посвящено диалектным описаниям, см. в частности [Бабушкина 1966; Плаксина 2002]. Рецензируемая книга основана на диалектных данных, которые были получены в мордовских селах Лесное Цибаево, Лесное Ардашево и в деревне Лесные Сиялы. Соответствующие говоры относятся, согласно [Феоктистов 1990], к северной группе центрального диалекта мокшанского языка.

Изложение в монографии строится от типологически ориентированного описания языкового материала к анализу в рамках функциональных и формальных подходов, от изложения морфонологических данных к описанию семантико-синтаксического интерфейса, что представляется логичным переходом от мелких единиц к более крупным. Первая часть содержит информацию о методах и материалах исследования, социолингвистическом положении мокшанского языка и его носителях, существующих описаниях и доступных источниках. Во второй части уделяется внимание фонологическому инвентарю и морфонологическим особенностям. Третья и четвертая части посвящены морфосинтаксису именной и глагольной групп соответственно. Далее, в пятой части синтаксический анализ разворачивается до уровня клаузы, а в шестой — до связи нескольких клауз (полипредикации). В седьмой части представлен анализ ряда лексико-семантических полей мокшанского языка. В заключительную восьмую часть выделены образцы текстов (включенные в корпус мокшанских текстов — сокращенно КМТ), которые были получены экспериментальным путем или спонтанно порождены самими носителями. Тексты, как и примеры в монографии, сопровождаются поморфемной нотацией (глоссированием) и переводом.

Монография также содержит список глосс, список сокращений, библиографию, терминологический указатель и сведения об авторах и редакторах.

2. Краткая характеристика глав

Первая часть книги начинается главой **М. А. Холодиловой «Принципы исследования и конвенции представления материалов»**. В ней раскрываются базовые подходы к исследованию: внутриязыковой; генетический и ареальный, рассматриваемые в рецензируемой книге неразрывно, и типологический. Обсуждаются также используемые в монографии материалы: языковые примеры, собранные путем анкетирования, расшифрованные устные тексты и для сравнения литературные мокшанские тексты: статьи из газеты «Мокшень правда» (<http://www.mokshen-pr.ru/>) и художественные произведения.

В той же главе отмечается ориентация на лейпцигские правила глоссирования при оформлении примеров. Единственное упомянутое отклонение от них — игнорирование знака «=», предназначенного для отделения клитик, из-за спорного статуса некоторых единиц. Однако, как можно заметить из списка глосс, необъясненным остается неполное соответствие общепринятым сокращениям (ср. хотя бы CONV вместо CVB, NZR вместо NMLZ). Непонятны и условия применения знака «Ø». Утверждение о его использовании в значении «синтаксический ноль» порождает ряд вопросов: «Какие случаи рассматриваются как нулевой элемент, а какие как эллипсис?», «Что такое “синтаксический ноль”: подлежащее в нефинитных клаузах, глагол-связка при референции к настоящему (очевидно нет, как можно видеть из главы 23, посвященной именной предикации, где отсутствует упоминание “Ø”)?». На с. 581 данный символ предлагается использовать уже как обозначение невыраженного аргумента при наличии согласовательного показателя на вершине. Далее, однако, эта установка не соблюдается, и на с. 584 «Ø» обозначает PRO при инфинитивном предикате, не маркированном согласовательными показателями.

Глава Ю. Б. Корякова и М. А. Холодиловой «Общие сведения о мокшанском языке и исследованием говоре» посвящена мокшанскому этносу, географическому распространению самого языка, его диалектному членению и влиянию на него близкородственного эрзянского и ареально близких русского, татарского и других языков.

В главе также отводится специальное место для «типологического портрета» мокшанского языка: кратко, но достаточно емко представляются его базовые морфосинтаксические особенности (тип ролевого кодирования, локус маркирования в различных составляющих и др.). Соответствующую информацию можно извлечь и из существующих грамматик, однако в них не приводятся сжатые очерки подобного рода, удобные для типологов при изучении важнейших грамматических особенностей языка. В некоторых случаях, однако, кажутся желательными дополнительные пояснения. Так, было бы естественно провести различие между падежным маркированием (*flagging*) и предикативным согласованием (*indexing*) не только в сводной таблице, но и в тексте, не объединяя эти явления под одним ярлыком «тип кодирования» (с. 17). Информацию о взаимодействии различных семантических и морфосинтаксических факторов правильнее было бы не только сообщать, но и отражать в строке перевода примеров (так, влияние определенного/неопределенного статуса прямого дополнения на его тип маркирования не отражено в переводе (4a—b) на с. 15).

Вторая часть открывается главой А. В. Кухто «Фонология», представляющей собой весьма подробное описание мокшанского сегментного инвентаря. По утверждению автора, он включает в себя 32 согласные фонемы и 7 гласных. В то время как в [Цыганкин 1980: 26, Феоктистов 1966: 202] выделяется 33 согласных фонемы, А. В. Кухто не выделяет фонему /x/, т. к. она употребляется только в заимствованиях из русского и татарского языков.

В главе отмечается существование оппозиции по мягкости / твердости у зубных и альвеолярных переднеязычных согласных, а по глухости / звонкости — у всех согласных, кроме аффрикат. Выделяя в качестве отдельных фонем аффрикаты /t͡s/, /t͡sʲ/, /t͡ʃ/, автор не отводит место обсуждению статуса таких единиц, как $\widehat{d}z$, $\widehat{d}zʲ$ и $\widehat{d}ʒ$, определяя их как аллофоны /t͡s/, /t͡sʲ/, /t͡ʃ/ перед звонкими согласными соответственно. Такое решение требует комментария, поскольку хотя бы после зубных носовых согласных $\widehat{t}ʃ$ и $\widehat{d}z$, $\widehat{t}ʃ$ и $\widehat{d}ʒ$ противопоставлены, согласно данным словарей, что представляет возможный аргумент за наличие между ними фонологической оппозиции: *сётеньшии* [Щанкина, Кочеваткин, Мишина 2011: 388] ‘прихоть’ и *шиньжаромань* [там же: 361] ‘подсолнечный’, *пӧнсемс* [там же: 154] ‘заплетать’ и *цӱнзе* [Поляков 1993: 147] ‘цепь’ (с учетом утверждения автора о том, что /s/ и /z/ проявляются как $\widehat{t}ʃ$ и $\widehat{d}z$, а /ʃ/ и /z/ — как $\widehat{t}ʃ$ и $\widehat{d}ʒ$ после зубных носовых).

В системе вокализма наблюдается различие наборов фонем первого и непервого слогов. Так, гласный среднего ряда /e/ встречается только в первом слоге, а безударные гласные в непервом слоге подвергаются централизации (сведения о том, подвергается ли централизации /o/, расходятся в основном тексте и таблице, см. с. 30—31). В главе представлено две таблицы набора гласных: общий и непервого слога. Представляется, что демонстрация в первой таблице гласных первого слога вместо полного инвентаря позволила бы читателю быстрее увидеть позиционные противопоставления двух типов слогов.

Глава также содержит информацию о структуре слога и фонетического слова. Отмечается, например, наличие отсутствующей в эрзянском возможности словесного ударения не на первом слоге. Завершает главу обсуждение практической транскрипции, отличающейся от МФА и традиционной финно-угроведческой транскрипции [Collinder 1957: ix—xiii; Sinor (ed.) 1988].

Следующая глава А. А. Козлова и Л. С. Козлова «Морфонология» посвящена попытке систематизации сегментных процессов в мокшанском языке, действующих в диапазоне морфологических явлений. В главе описываются как автоматические, так и неавтоматические (межкатегориальные и внутрикатегориальные) чередования в глагольных и именных формах.

Все подходы к системному анализу морфонологии языка в целом сводимы к двум: выделению большого количества единиц и нескольких тривиальных правил или определению длинного ряда чередований, с помощью которых из малого количества изначальных единиц выводятся остальные. Авторы главы выделяют в мокшанском огромное число чередований, описание большинства из которых, к счастью для читателя, сопровождается примерами. Противоположный путь анализа авторы выбирают в случае показателей фреквентатива, и путь этот, пожалуй, не самый удачный. В главе постулируется наличие пяти разных фреквентативных маркеров. Выделение такого множества показателей невозможно оправдать и действием строго в рамках ранее сформулированных в сборнике правил, т. к., например, для объяснения чередования алломорфов одного из показателей (*-ənd*) используется ранее не упомянутое выпадение *-k*, а также выпадение взрывного зубного в позиции, не регулярной для этого процесса в мокшанском. Более того, авторы книги непоследовательны в решении о количестве показателей фреквентатива: в главе **А. А. Козлова «Фреквентатив»** выделяется уже четыре маркера (*-šənd* и *-ənd* рассматриваются как алломорфы одного показателя).

Вторая часть книги начинается главой **М. А. Холодиловой «Морфология имени»**, в которой описан инвентарь именных грамматических категорий и устройство различных типов именных словоформ. Автор главы выделяет в мокшанском языке 16 падежей, почти все из которых также последовательно приводятся в ранее существующих мордовских грамматиках, правда, с альтернативными названиями (необходимые соответствия терминов отмечены на с. 81). Статус же четырех образований: темпоралиса на *-nda*, атрибутива на *-u/-v* и *-i*, локатива *-ə* и комитатива на *-(ə)n'ək* подробно обсуждается в рамках подхода [Corbett 2012], согласно которому выделяются определённые критерии канонического падежа. Хотя в тексте эксплицитно не сказано о невозможности наделения их падежным статусом, далее они не рассматриваются наравне с другими падежами. В главе отмечается типичное для финно-угорских языков неполное соответствие морфологического числа семантическому. Так, наличие форм, противопоставленных по числу в неопределённом склонении, отмечается только у номинатива (см. таблицу на с. 69), далее (с. 71) формулируются ограничения на числовую референцию у форм вокатива и датива. Возможность последнего в единственном числе реферировать как к единичному предмету, так и к множеству признаётся у ИГ при интерпретации предназначения и цели, а также у аргумента глагола *maksəms* 'дать'. Рассмотрение этих условий раздельно кажется странным, ведь хотя бы в русском различие в семантике между данным глаголом и глаголом *подарить* заключается главным образом в том, что последний предполагает действие как желание сделать что-то приятное, а не передачу предмета, предназначенного/необходимого для чего либо [Селиверстова 2004].

Рассмотрение именных категорий продолжает глава **Е. В. Кашкина «Определенность»**, начинающаяся с обсуждения того, что в данной монографии понимается под определенностью. Эта вводная часть представляется, действительно, необходимой в силу существования множества подходов к употреблению данного термина [Russell 1905, Hawkins 1978, Lyons 1999]. Неясным остается отсутствие рассмотрения подхода к определенности через выделенность в контексте (*salience*) [Lewis 1979], объединяющего упомянутые автором главы подходы через единственность (*uniqueness*) и известность (*familiarity*).

Интересно отметить, что данные мокшанского языка — еще одно подтверждение типологического обобщения, сделанного в [Dayal 2004, 2006]: наличие в языке выраженного маркера определенности, употребляющегося с конкретно-референтными ИГ, подразумевает и его способность появляться в родовых ИГ с вершиной, маркированной показателем единственного числа, реже множественного. Так, в мокшанском родовые подлежащие и прямые дополнения требуют оформления показателем определенности, а не прямые и косвенные дополнения допускают вариативность. Здесь также стоит отметить, что суждение автора главы и указанные примеры относительно косвенных дополнений расходятся: в конце соответствующего раздела (с. 146) делается вывод о том, что определенно маркированные косвенные дополнения могут иметь только определенный, не родовой статус, а на этой же странице пример (92) демонстрирует возможность показателя определенности на косвенном дополнении, которое не может интерпретироваться конкретно-референтно.

Глава **Л. С. Козлова «Локативные падежи»** посвящена функциям мокшанских падежей с локативной семантикой: инессива, латива, иллатива, датива определенного склонения, элатива и пролатива. Вопросы у читателя могут возникнуть в связи с описанием функций инессива. Во-первых, рассмотрение возможности инессивных ИГ кодировать участников сочинительных комитативных конструкций сопровождается примером (с. 164), не отражающим одно из двух свойств таких конструкций согласно работе [Архипов 2005], на которую ссылается автор главы, а именно, согласование глагола по множественному числу «по сумме» двух ИГ. Во-вторых, в обобщающей таблице в конце главы (с. 182) проиллюстрирована только одна из четырех упомянутых ранее в тексте комитативных функций инессива (с. 165): конфертив (неодушевленный спутник).

Заметим, что в главе не упоминаются предыдущие исследования семантики мокшанского инессива. Несмотря на то, что большинство его функций рассмотрено Л. С. Козловым более детально, чем в грамматике [Цыганкин 1980: 166—168] (отмечается, например, его возможность обозначать нахождение на поверхности ориентира только в случае, когда такая локализация наиболее частотна для данного ориентира), функция психологического/физического состояния совсем не обсуждается автором главы, но представлена в более ранней работе.

В следующих главах Д. А. Бикиной «Неопределенные местоимения» и Е. С. Захаровой «Универсальные кванторные слова» обсуждается морфосинтаксис и семантика двух классов именных зависимых, набор функций которых нередко пересекается в языках мира [Татевосов 2002]. В предшествующих работах функции этих единиц описываются не столь подробно [Феоктистов 1966: 207, Цыганкин 1980: 263—265] — во многом потому, что типологический инструментарий для их исследования был разработан только в последние десятилетия.

В первой из этих глав делается смелое заявление о наличии разрыва на семантической карте при распределении функций редуцированных местоимений: утверждается, что они появляются в ирреальных и референтных контекстах с семантикой известности говорящему, однако невозможны в референтных контекстах со значением неизвестности говорящему. Такой вывод иллюстрируется одним неграмматичным примером с немаркированным местоимением *mez'ə mez'ə* 'что-то' в позиции прямого дополнения (с. 201). Нелишней была бы проверка невозможности этого местоимения в референтных контекстах при неизвестности говорящему также и в случае его маркирования показателем неопределенного генитива, ведь, например, в нереперентных контекстах общих вопросов в позиции прямого дополнения оно оформляется данным маркером (с. 199).

В главе Е. С. Захаровой показано, что мокшанские универсальные кванторные слова, действительно, имеют ряд общих функций с неопределенными местоимениями, а именно *l'ubovaj* может употребляться в контекстах свободного выбора и непрямого отрицания, а *(f)s'akaj* — только в последнем. При обсуждении морфосинтаксиса универсальных кванторных слов автор главы предполагает, что единицы *tarn'ək* и *optəm* 'целиком' имеют не приименную, а приглагольную природу. Такой вывод делается на основе их свободной линейной позиции и употребления в предложении при отсутствии выраженной квантифицируемой ИГ. Выбор именного анализа для других кванторных слов не обосновывается эксплицитно, даже без обсуждения их способности к дрейфу и поведения при нем, тогда как эти характеристики, согласно [Fitzpatrick 2006; Madariaga 2007], играют важную роль в определении синтаксического статуса кванторных слов.

Глава А. М. Муравьевой и М. А. Холодиловой «Послелого и реляционные имена» включает описание морфологии и синтаксиса послелогов и реляционных имен, границу между которыми авторы главы проводят согласно тому, насколько их парадигмы соответствуют парадигме существительного: у послелогов она редуцирована. Несмотря на подробный анализ данных единиц, хотелось бы отметить непрозрачность выбора глосс для них. Например, реляционное имя *jotkə* от существительного со значением 'промежуток' имеет глоссу 'между', а послелог *kuvalmə* имеет глоссу 'длина'.

Внимание привлекает описание морфонологических и морфосинтаксических особенностей единицы *t'eja*, ранее только упомянутой в грамматиках [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962: 229, 234; Цыганкин 1980: 256, 266] в качестве части особой дативной формы личных и рефлексивного местоимений: *es' t'ejan* ('свой PRON.DAT-1SG.POSS'). Авторы главы приходят к выводу, что по большинству свойств эта единица ближе к падежным показателям, нежели к послелогам.

Главы «Числительные» и «Количественные конструкции», написанные М. А. Сидоровой, посвящены анализу количественных числительных, их дериватов и числовому маркированию существительных в конструкциях с ними (неясно, однако, почему эта информация разделена между двумя главами). Стоит отметить, что, в отличие от традиционного подхода [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962; Цыганкин 1980], выделяющего в качестве одного из классов дериватов «собирательные числительные», автор главы делит их на три подкласса: собирательные, агрегативные и групповые. При наличии анализа и кратких дефиниций каждого из них, в главе не приводится большого количества языковых примеров, которые бы четко иллюстрировали семантические противопоставления между ними. Возникают следующие вопросы: что понимается под «собирательностью»: синонимична ли она «коллективности», противопоставляясь «дистрибутивности»; рассматривается ли значение «собирательности» относительно участников во время самого действия или в момент результирующего состояния; имеют ли собирательные числительные так же, как агрегативные, исчерпывающую семантику?

В главе П. С. Плешак и М. А. Холодиловой «Именная группа» рассматривается возможное морфологическое оформление вершины мокшанской ИГ и ее зависимых. Последний раздел посвящен попытке формализовать это описание.

Достаточное внимание в главе уделяется особенностям разных семантических классов номинативных именных зависимых. Среди них выделяются следующие: «целое—часть», «субстанция», «место», «атрибут» и «псевдопартитивное значение». Такая классификация, как представляется, не отражает общих представлений о псевдопартитивных конструкциях, к которым, согласно [Kortjevskaja-Tamm 2001: 525, 530], относятся любые структуры с партитивной интерпретацией, в том числе выделяющиеся в главе в качестве отдельной группы конструкции «целое—часть». Однако даже в случае признания самостоятельности последней группы, критерии отнесения некоторых примеров к тому или иному классу остаются неясными. Например, определение *mar' ked'* 'яблочная кожура' (с. 284) как части целого, а *kusok kši* 'кусочек хлеба' (с. 285) как псевдопартитивной конструкции неочевидно. Более того, в семантику псевдопартитивных конструкций заложено «мерное», нереферентное значение ('Налей два стакана воды!'), в отличие от «контейнерного», при котором мы рассматриваем референтный контейнер с какой-либо сущностью ('Там стоит стакан воды'). Различие между этими значениями в языках мира нередко влияет на морфосинтаксические особенности конструкций [Kortjevskaja-Tamm 2001; Alexiadou et al. 2007; Борщёв, Парти 2011]. Авторы главы игнорируют это и рассуждают о свойствах псевдопартитивных конструкций без опоры на значение.

В рамках формального описания мокшанской ИГ постулируется наличие проекции DP, в пользу чего предлагаются следующие аргументы: запрет на вынос прилагательного из полной DP (маркированной определенным склонением), а также возможное наличие всех типов зависимых, кроме посессоров, вызывающих согласование на вершине. Вопрос о порядке следования данной проекции и посессивной проекции авторы оставляют пока открытым, рассмотрев аргументы за и против различных вариантов анализа.

Глава **М. Ю. Привизенцевой «Эллипсис существительного»** посвящена морфологическому оформлению именных конструкций с элидированной вершиной. Примеры такого типа упоминались и в предшествующих работах (см. ссылки на сс. 317—318, 321 рецензируемой монографии). Однако, несмотря на то что в последние годы эта область теоретического синтаксиса активно развивается и ставит перед исследователями конкретных языков новые вопросы, системного исследования эллиптических конструкций для мокшанского языка ранее не проводилось. В главе (с. 321—322) отмечается и ряд отличий в наборе внутренних и внешних падежных показателей, доступных для элементов конструкции, по сравнению с описаниями предшественников.

Вопреки названию, в главе рассматривается не только именной эллипсис, но и эллипсис с участием глагола и других компонентов предложения. Автор главы отмечает обязательное удаление предиката в случае отсутствия именной вершины при зависимых, оформленных показателем определенного генитива. Немаловажным было бы проанализировать и остальные упомянутые в главе примеры, в которых удаление вершины ИГ сопровождается эллипсисом другого материала, на предмет возможных закономерностей.

В главе также сообщается о различном поведении универсальных кванторных слов *s'emba* и *er'* относительно эллипсиса вершины квантифицируемой ИГ: первое допускает ее удаление во всех падежах единственного числа, второе же запрещает при любых условиях. При этом анализ их позиции (внутри ИГ / адьюнкт к глагольной группе), как и в главе «**Универсальные кванторные слова**», даже не рассматривается как возможный путь объяснения различного поведения данных единиц.

Четвертую часть монографии открывает глава **А. А. Козлова «Морфология глагола»**, излагающая общую систему построения положительных и отрицательных форм мокшанского глагола. Рассматриваются как финитные (индикатив, императив, оптатив, кондиционал), так и нефинитные формы. Конъюнктив, морфологически идентичный имперфекту, рассматривается в главе бегло и даже в общей таблице наклонений (с. 349) записывается в скобках. Несмотря на это, автор главы все же предлагает выделять его в качестве одного из наклонений вслед за традиционными описаниями мордовских языков.

В качестве интересного наблюдения в изучаемом говоре отмечается вариативность некоторых показателей субъектно-объектного спряжения: формы первого лица субъекта, оканчивающиеся на гласный, и формы 3PL.O.3SG.S. имеют также второй вариант с конечным *n/n'*. Выбор между двумя вариантами подчиняется правилу дистантной палатализации, упомянутому в главе «**Морфонология**» (см. NPST.3PL.O.1SG.S *sajn'an'* наряду с *sajn'a*).

Глава **А. А. Козлова и Е. С. Новиковой «Финитные формы индикатива»** посвящена в основном конкуренции форм претерита и имперфекта, а также презенса и конструкции с глаголами *karmams*, *osnavams* и *ušədams* 'стать' (как утверждается, не имеющими семантических различий) при референции к плану прошедшего и будущего соответственно.

Авторы главы предполагают, что имперфект — маркированный член оппозиции, употребляющийся в контекстах прошедшего времени имперфективного видového ракурса. Претерит же используется во всех ситуациях, имеющих место до момента речи. Авторы главы также отмечают, что единственное от-

личие мокшанского имперфекта от имперфекта в романских языках и латыни — отсутствие у первого вторичных употреблений типа французского *imparfait pittoresque* или латинского *imperfectum de conatu*. Это утверждение, однако, в тексте никак не аргументируется.

При референции к будущему маркированный член оппозиции — конструкции с глаголами, переводящимися на русский как ‘стать’. Основным ограничением для них признается неопределенность ситуации. Презенс же может использоваться во всех ситуациях референции к будущему.

Завершает главу обсуждение причастия, называемого в монографии результативным. В начале отмечается его способность занимать позицию вторичного предиката, что кажется логичным, т. к. результатив традиционно признается одним из двух видов вторичных предикатов наряду с депиктивом [Himmelmann, Schultze-Berndt 2005]. Ранее в монографии, однако, не обсуждалась позиция вторичных предикатов, а приведенный в главе пример (с 409), который переводится на русский как ‘И она легла спать усталая’, скорее можно рассматривать как имеющий прозрачное (*transparent*) значение в терминах [Geuder 2000] (а не депиктивное или результативное), т. е. состояние усталости — мотивация для того, чтобы лечь спать.

Утверждается также, что в имперсональных клаузах результативное причастие утрачивает семантику результата и интерпретируется как перфективное прошедшее (ср. рус. ‘Вчера в клубе кто-то танцевал’). В таком случае оно образуется только от неопределенных основ.

Глава А. А. Козлова «Акциональная семантика основ и деривационный вид» имеет своей целью представить данные об акциональных характеристиках мокшанских глаголов. Автор выделяет в языке восемь основных акциональных классов. Сильные и слабые предельные глаголы, имеющие в числе интерпретаций процесс, теряют это прочтение при маркировании прямого дополнения генитивом определенного или посессивного склонения, вызывающим субъектно-объектное согласование. Таким образом, предельная / неопределенная интерпретация в мокшанском фиксируется оформлением именной, а не глагольной группы.

В главе также рассматривается семантика аспектуальных показателей *-əz'əv*, *-kst*, *-ijə* и *-gəd*. Несмотря на то что в грамматиках [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962: 258—270; Цыганкин 1980: 335—344] имеется краткое описание всех указанных маркеров, кроме последнего, А. А. Козлов не упоминает ни существующего обзора данных показателей, ни соответствия их названий, используемых в главе, названиям в работах предшественников.

Хотелось бы также отметить, что данная глава несколько выбивается из общего ряда. С одной стороны, она представляет собой современный взгляд на акциональную систему мокшанского языка в рамках методологии [Татевосов 2010, 2015], ранее не представленный в работах по мокшанскому языку. С другой, использование некоторых терминов в главе спорно. В силу того, что одно и то же понятие в разных лингвистических работах нередко получает различное толкование, и особенно это заметно по отношению к терминам аспектуальных интерпретаций, читателю не всегда ясно, вслед за кем автор главы использует тот или иной термин. Почему для показателя *-əz'əv* в качестве одного из значений постулируется инхоативное, а для маркера *-gəd* — инцептивное? Следует ли автор главы работе [Недялков 1987], в которой инхоатив — начало процесса, а инцептив — начало состояния, или же работе [Плунгян 2011], где инхоатив вводится для любого начала ситуации, а инцептив — для начала процесса или состояния? Однозначно судить о решении автора главы мы не в силах, т. к. для инцептивного показателя приводятся примеры только начала состояния, про начало же процесса ничего не говорится.

В следующей главе А. А. Козлова «Фреквентатив» обсуждаются четыре показателя *-(š)ənd*, *-n'ə*, *s'ə*, *kšn'ə*, объединенных под указанным в названии термином. В главе «Морфонология» их, однако, выделялось пять: *-šənd* и *-ənd* рассматривались как два разных маркера, накладывающие морфонологические ограничения на основу, к которой они присоединяются. Все эти показатели имеют широкий диапазон употреблений, включающий как внутрисобытийные, так и общефактические, хабитуальные и ателисизирующие (превращение предельного предиката в неопределенный) контексты. Гипотеза о наличии дистрибутивного значения у данных показателей опровергается автором из-за запрета на их использование в примере с единственностью временного референта (‘сейчас’, с. 442):

- (1) *kaf̩tə traks-n'ə ud-ij-t' / #ut̩c'-ij-t' saraj-sə*
 два корова-DEF.PL спать-NPST.3-PL спать.FREQ-NPST.3-PL сарай-IN
 ‘Две коровы спят в сарае’ {сейчас}.

Автор утверждает, что данные показатели не могут самостоятельно создавать дистрибутивное прочтение в этих контекстах. Такой вывод весьма противоречив, поскольку именно единственность референта времени и места вызывает коллективную интерпретацию [Gil 1982]. Поэтому обсуждаемый запрет

на использование этих маркеров может говорить только об их дистрибутивной семантике, несовместимой с идеей коллективности.

Глава **А. А. Козлова «Наклонения»** представляет описание семантики четырех из пяти выделяемых в мокшанском языке наклонений: императива, оптатива, конъюнктива и кондиционала (индикатив обсуждался ранее в главе «**Финитные формы индикатива»**). Относительно выделяемого набора наклонений автор полемизирует со своими предшественниками (с. 458—461). Расположение главы в монографии кажется не вполне логичным. Исходя из общего устройства системы глагольных категорий, анализ мокшанских наклонений органичнее встроился бы после обсуждения пассива или сразу после рассмотрения индикативных форм.

В главе **С. О. Никифоровой «Каузатив»** по большей части обсуждается семантика и событийная структура чрезвычайно продуктивного морфологического каузативного показателя *-ft*. Единственное ограничение на каузативизацию с ним, отмеченное автором, — предложения, в которых субъект переходного глагола имел роль эффектора, инструмента или стимула. Ранее каузативные конструкции мордовских языков описывались весьма кратко, вопросы их событийной структуры при этом не затрагивались вовсе: см., например, [Чинаева 2012] и приводимую в этой работе литературу.

При обсуждении действия операторов по отношению к каузирующему и каузируемому подсобытиям автор главы утверждает, что отрицание может модифицировать оба. В пользу этого на с. 484 приводится пример:

- (2) *al'ε-s'* *iz'-εz'ə* *luv-ft-ə* *kn'iga-t'* *s'ora-nc* *kεctə*
 мужчина-DEF.SG NEG.PST-PST.3SG.O.3SG.S читать-CAUS-CN книга-DEF.SG.GEN парень-3SG.POSS.SG.GEN рука.EL
 'Отец не стал заставлять сына читать книгу' / 'Отец заставил сына не читать книгу'.

Однако при учете того, что *-ft* имеет также прочтение пермиссива, вполне вероятно, что отрицание на самом деле модифицирует только каузирующее подсобытие, которое допускает интерпретации как фактитива 'не заставил читать', так и пермиссива 'не разрешил читать' = 'заставил не читать'.

Интересным наблюдением в главе стала особенность, казалось бы, типологически не уникального феномена повторного использования морфологического механизма, кодирующего каузатив [Kulikov 1993]: мокшанские предложения с двойным показателем каузатива допускают интерпретацию одинарной, а не двойной каузативации без каких-либо семантических отличий от соответствующих предложений с единичным маркированием. Типологически же распространено возникновение дополнительной семантики принудительности/интенсивности или многократной каузативации при дублировании показателя.

Автор следующей главы «**Пассив» И. А. Стенин** останавливается на рассмотрении многофункционального пассивного показателя *-εv/-u*, который, как утверждает автор, помимо употреблений в функциях продвигающего и безличного пассива может функционировать как декаузативизатор, а в пассивных конструкциях способен иметь сатуративное, комплетивное, неконтролируемое рефлексивное, инхоативное, автокаузативное значения или модальную семантику возможности. И. А. Стенин также отмечает список основных функций, выделенных ранее в единственной существующей работе, специально посвященной данному показателю [Цигельман 2006]. Несмотря на это упоминание, сравнения двух классификаций в главе не предлагается. Стоит, однако, отметить, что анализ значений, представленный в главе, намного подробнее. Например, И. А. Стенин показывает, что выбор функции показателя зависит не только от контекста и переходности глагола, но и от его предельности.

Кратко коснемся условий дативного маркирования синтаксических актантов конструкции с продвигающим пассивом. В главе утверждается, что при наличии нескольких участников, каузирующих изменение состояния пациенса, одушевленный получает датив, а неодушевленный — инессив (с. 504). Это, однако, несколько противоречит приведенным в тексте примерам. Неодушевленный каузатив может получать дативное оформление вместе с одушевленным, если каузируемый участник и одушевленный каузатив находятся в отношении «часть—целое», как в примере на с. 503:

- (3) *pr'a-c* *pet'-u-s'* *irə'ctə al'ε-t'i* *senger'ε čej-t'i*
 голова-3SG.POSS.SG исправить-PASS-PST.3[SG] пьяный.мужчина-DEF.SG.DAT зеленый чай-DAT
 'Пьяный мужчина опохмелился зеленым чаем (букв.: Голова была опохмелена пьяным мужчиной с помощью зеленого чая)'.

Таким образом, одушевленность не может рассматриваться как главный фактор, влияющий на маркирование побочного каузатива. Конкуренция за оформление дативным показателем при пассивизации должна возникать и при дитранзитивных глаголах, у которых изначальные непрямые дополнения не могут продвигаться в позицию подлежащего и маркируются дативом, как и в активном залоге (с. 497).

В главе, однако, не рассматриваются такие примеры с выраженным агентивным участником, который при одноместных и двухместных предикатах может также получать дативное оформление.

Пятую часть монографии «Клауза» открывает глава С. Ю. Толдовой «Предикации с глагольным сказуемым», сконцентрировавшая в себе описание ряда аспектов синтаксиса клаузы, не изученных подробно ранее. В главе охватывается широкий спектр вопросов. Структура изложения, однако, кажется несколько хаотичной. Из-за многочисленного обращения в разных разделах главы к обсуждению кодирования О-участника читателю весьма сложно понять, какие конструкции помимо немаркированных ИГ и маркированных определенным/посессивным генитивом занимают, по мнению автора, позицию прямого дополнения. В таблице на с. 576 конструкции с ИГ в аблативе, неопределенном генитиве и с послелогом *esə* также постулируются как кодирующие прямой объект. Далее, однако, первые две из этих структур не обсуждаются детально, а для последней в обобщении предлагается периферийный синтаксический статус.

В главе повторно рассматривается разрывное положение зависимых и вершины ИГ. Ранее о нем упоминалось в главе «Именная группа» в качестве доказательства того, что мокшанские ИГ определенного склонения — DP-структуры, запрещающие вынос прилагательного. (Не)возможность выноса зависимых из ИГ анализируется здесь как синтаксическое свойство, характерное только для немаркированных субъекта и объекта. Предположение, высказанное в [Pereltsvaig 2013], о том, что в некоторых языках мы имеем дело вовсе не с выносом зависимых, а с эллипсисом повторяющихся компонентов, даже не обсуждается, как и не обсуждается вопрос о существовании в таких случаях отдельно располагающихся зависимых, которые согласовывались бы с вершиной.

Обращает на себя внимание анализ порядка слов, приведенный дважды: кратко в начале главы и подробно в конце. С опорой на размеченный корпус автор главы замечает, что прямые дополнения, оформленные по определенной модели, располагаются в препозиции глагола чаще, чем прямые дополнения, оформленные по неопределенной модели. Само маркирование этого аргумента связывается с его референциальным и информационным статусом. Для выявления последнего, как утверждается, рассматривались только однозначные примеры. Некоторые из них (с. 606—607), однако, кажутся спорными. Так, в предложении ‘Картошку осенью копают. {А ягоды собирают летом}’, где отмечается наличие контрастного топика, графически выделена ИГ *s'oks'ənda* ‘осенью’, являющаяся скорее фокусом (о взаимном расположении контрастного топика и фокуса см. [Neeleman et al. 2010]).

Глава М. А. Холодиловой «Именная предикация» основана на статье [Kholodilova 2016], посвященной правилам числового и лично-числового маркирования именных предикатов. Ранее эта проблематика существенно более подробно рассматривалась для эрзянского языка (см. в частности [Tugunen 2009]), чем для мокшанского. В мокшанском существуют как аналитические номинативные и транслативные именные предикаты со связкой *ul'əms* ‘быть’, так и синтетические именные предикаты с глагольными согласовательными маркерами и именным числом. Эти показатели, как отмечает автор главы, способны смещаться на другие составляющие, если те находятся в фокусе. Кажется, однако, нельзя точно утверждать, что решающую роль в расположении согласовательных маркеров играет именно фокус, а не контраст. Автор главы не указывает, на какую систему понятий опирается описание информационной структуры. При этом в понимании [Lee 2003; Büring 2016 и др.] общие вопросы при контекстно подразумеваемом множестве ответов могут задавать контрастный топик (с. 619):

- (4) — *kijə ul'-s' kusə?*
кто быть-PST.3[SG] дом.IN
a. — *mon kusə-l'-ən'*
я дом-IMPF-PST.1SG
b. — *mon-əl'-ən' kusə*
я-IMPF-PST.1SG дом.IN
{‘Кто был дома?’; ‘Я был дома’}

В данном примере *mon* ‘я’ выбирается из предполагаемых обитателей и может нести согласовательные показатели, в отличие от случая контрастного фокуса на именном предикате, где маркирование *mon* ‘я’ приводит к неграмматичности предложения (с. 619):

- (5) — *ton ul'-ət lavka-sə?*
ты быть-PST.2SG магазин-IN
a. — *mon kusə-l'-ən'*
я дом-IMPF-PST.1SG
b. — **mon-əl'-ən' kusə*
я-IMPF-PST.1SG дом.IN
{‘Ты был в магазине?’; ‘Я был дома’}

В главе также обсуждаются правила допустимости и обязательности числовых и личных показателей на именных предикатах в зависимости от контекста и типа предиката. Стоит отметить особую полезность таблицы (с. 632), обобщающей ряд нетривиальных правил.

Заключительная глава части «Клауза» **С. Ю. Толдовой** и **Т. А. Шалгановой** («Рефлексив») посвящена морфосинтаксическим особенностям синтаксических анафоров. Данные некоторых других уральских языков, включая эрзянский (на материале шокшинского диалекта), были рассмотрены в [Волкова 2012], однако для мокшанского языка свойства рефлексивных конструкций подробно не анализировались. Особенно интересными кажутся некоторые выводы о составном посессивно оформленном возвратном местоимении *es' pr'anc*. Во-первых, в отличие от русского, оно возможно в контекстах расщепленного антецедента ((6), с. 650). Во-вторых, в пассивных конструкциях *es' pr'anc* может контролироваться смещенным в дативную позицию субъектом:

- (6) *maša_i az-ənd-əz'ə* *pet'ε-n'd'i_j es' pr'a-snə-n_{i+j} kolga*
 Маша сказать-FREQ-PST.3SG.O.3SG.S Петя-DAT свой голова-3PL.POSS-GEN про
 'Маша рассказала Пете о себе', где 'о себе' — 'о них самих (Маше и Пете)'.

Глава **М. А. Холодиловой** «Типы полипредикативных конструкций» открывает шестую часть монографии «Полипредикация» и содержит общие сведения о сложных предложениях как с нефинитными структурами, так и с финитными при наличии союза и его отсутствии. Автор главы делает утверждение о сходстве системы полипредикации мокшанского языка и языков средневропейского стандарта (SAE), основываясь, в частности, на [Haspelmath 2001]. Ранее в работах по мордовским языкам упоминалось только влияние русского языка на синтаксис мокшанских полипредикативных конструкций [Лыткин и др. 1974: 337], однако сравнения с набором признаков языков SAE нигде не приводилось. М. А. Холодилова, опираясь на корпусные данные и литературные тексты, основывает свое мнение на симилятивном использовании лексемы со значением 'как' (ср. мокш. *koda*) и наличии относительных местоимений. Остальные характерные особенности полипредикации в языках SAE, упомянутые М. Хаспельматом, однако, не обсуждаются для мокшанского. Такие признаки, как наличие постпозитивных относительных предложений с вершинами, оформленными падежными показателями, а также сравнительной конструкции с союзом со значением 'чем' (ср. мокш. *ċem < рус.*), в свою очередь, также свидетельствуют о сходстве мокшанского с языками SAE.

Таблицы в начале главы (с. 656—657), представляющие инвентарь полипредикативных конструкций, могут ввести читателя в некоторое заблуждение, т. к. сначала отмечается финитность всех относительных структур и нефинитность обстоятельственных, а затем приводятся конструкции (с результированными причастиями и коннегативом), кодирующие оба типа структур.

В главе **А. Д. Егоровой** «Сентенциальные актанты» (СА) уделяется пристальное внимание аргументам, имеющим клаузальную структуру. Один из главных выводов, сделанный после рассмотрения возможных модификаторов нефинитных СА, позиции актантов относительно их вершины и т. д., заключается в наибольшем тяготении номинализации на *-əta* к «именному» полюсу, а формы на *-əms* к «глагольному». Промежуточный статус получают инфинитивы на *-ətə* и *-əmdə*.

Немаловажную роль при анализе синтаксических отношений клауз играет допустимость субъектно-объектного спряжения на матричном предикате как показателя согласования с зависимой клаузой. Автор главы сначала (с. 682) постулирует его запрет при нефинитных СА, не являющихся номинализациями, самостоятельно вызывающими согласование. В последующих разделах, однако, утверждается, что при определенных условиях допустимо и субъектно-объектное спряжение главного предиката с формами на *-əms* и *-əmdə*, которое вызывают их актанты.

Следующая глава **М. Ю. Привизенцевой** «Финитные относительные предложения» (ОП) посвящена как ОП с внешней вершиной, так и коррелятивам, которые не образуют составляющей с главной клаузой и располагаются на левой периферии предложения. В некоторое замешательство вводят рассуждения относительно конструкций с аппозитивной интерпретацией. В начале (сноска на с. 708) говорится только о возможности их анализа (в зависимости от теоретического подхода) в качестве ОП с внешней вершиной. Затем, однако, наличие аппозитивного прочтения у конструкций *attractio inversa* в мокшанском и у похожих конструкций в ингерманландском финском и удмуртском выдвигается как главный аргумент против того, чтобы считать их ОП с внутренней вершиной. Интересно, что коррелятивы в мокшанском так же, как в шокшинском эрзянском и бесермянском удмуртском, допускают отсутствие коррелята, несмотря на предположение о его обязательности в языках мира, выдвинутое в [Srivastav 1991: 648—650].

В главе **Н. А. Муравьевой** «Деепричастные конструкции» описывается семантика и морфосинтаксических структур с пятью мокшанскими глагольными формами, которые могут быть вершинами обстоятель-

ственных клауз: элативной *-əms̥tə*, иллативной *-əms* и эквативной *-əms̥ka* форм инфинитива и форм на *-əmtək* и *-əz'*. Автор главы подробно обсуждает распределение данных единиц по функциям семантической зоны таксиса. Отличие значения 'одновременности', выявленного у посессивного варианта иллативной формы, от значения 'сопровождающее обстоятельство' у *-əz'* предполагается в наличии у первого функции возможности зависимой ситуации задавать временную рамку для главной. Для некоторых из приведенных мокшанских примеров, однако, был бы полезен дополнительный комментарий о том, почему в них выделено соответственно первое значение в ((7), с. 734) и второе значение в ((8), с. 735):

- (7) *mus'k-əmtə-zə-nzə* *son mora-s'*
стирать-INF-ILL-3SG.POSS он петь-PST.3[SG]
'Она, пока стирала, пела'.
- (8) *son mol'-s'* *ki-t'* *ezga vešk-ən'd'-əz'*
он идти-PST.3[SG] дорога-DEF.SG.GEN в.PROL свистеть-FREQ-CONV-ATD
'Он шел по дороге, насвистывая'.

Из морфосинтаксических характеристик рассматриваемых конструкций хотелось бы отметить возможность разносубъектности в главной и зависимой клаузах у всех форм, кроме конверба на *-əz'*. Наличие в языке двух типов единиц, противопоставленных по этому признаку, автор главы отмечает в своей диссертации [Муравьев 2017] также в некоторых других уральских языках: хантыйском (на материале западных диалектов) и коми-зырянском.

А. Н. Закирова в главе «**Номинализации**» подробно останавливается на глагольных дериватах с показателем *-əta*. Ранее в [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962 : 170—172; Цыганкин 1980: 105—106] была упомянута только продуктивность таких образований и описаны основные значения. Автор главы, в свою очередь, анализирует их синтаксический статус при различных интерпретациях. При событийной номинализации проявляет больше именных свойств: во всех склонениях она изменяется по падежам, может оформляться именными зависимыми, ей доступны все позиции обычной ИГ. При дебитивной же, напротив, номинализация занимает предикативную позицию, присоединяет лично-числовые показатели и сочетается только с глагольными модификаторами.

Автор главы также сравнивает номинализации с результативными дериватами на *-f*, показывая, что последние не употребляются в событийных контекстах за исключением образований от глаголов звука и говорения. Остается, однако, неясным, почему эти образования, а конкретно пример с имперсональным пассивом от глагола *kul'əms* 'слышать', рассматривается как имеющий событийную структуру, а не обозначающий состояние даже при эксплицитно заданной временной референции (с. 767):

- (9) *kodamə bəd'ə kaštər-f* *kul'-əv-s'* *kolmə čast-t*
какой INDEF шелестеть-PTCP.RES слышать-PASS-PST.3[SG] три час-PL
'Какой-то шорох было слышно три часа'.

Глава **М. А. Холодиловой** «**Сравнительные конструкции**» завершает часть, посвященную полипредикации в мокшанском. Среди основных выводов, к которым приходит автор, можно выделить широкую частеречную сочетаемость сравнительных и суперлативных конструкций: с некоторыми ограничениями они употребляются как с прилагательными, так и с существительными, глаголами, наречиями. Несмотря на подробное рассмотрение контекстов различных показателей компаратива и стандарта сравнения, автор даже не обсуждает причины помещения данной главы в часть про полипредикацию и не анализирует возможные механизмы эллипсиса в сравнительных конструкциях [Lechner 2004; Corver 2006].

Результат изучения лексики в мокшанском языке, над которым работало большинство участников экспедиции, а именно **Е. В. Кашкин, У. Ю. Багрянская, М. А. Бибаева, Д. А. Бикина, А. А. Бобрёнова, А. Д. Егорова, Д. О. Жорник, А. Н. Закирова, А. А. Козлов, А. А. Мельник, А. М. Муравьева, С. О. Никифорова, Е. С. Новикова, М. Ю. Привизенцева, М. А. Сидорова, Т. А. Шалганова**, воплотился в седьмую часть монографии «**Лексика**», где приводится целый ряд новых сведений о сочетаемости и семантике лексем мокшанского языка по сравнению с данными, доступными в опубликованных источниках, в первую очередь в словарях. Эту часть открывает глава **Е. В. Кашкина** «**Принципы описания лексики: теоретические подходы**». Преимущественно в ней обсуждаются основные положения и достоинства выбранного подхода описания лексики, а именно сочетаемостного [Апресян 1974; Рахилина, Резникова 2013]. Автор главы также отмечает, что данный подход предполагает изучение не только прямых употреблений, но и семантических сдвигов (метонимических, метафорических и др.).

Большое внимание уделяется **признаковой лексике** (соответствующая глава написана коллективом из 14 авторов), некоторые семантические зоны которой содержат типологически нетривиальные проти-

вопоставления. Авторы отмечают, например, использование одной лексемы *od* для значений ‘молодой’ и ‘новый’, лексемы *ser'i* для значений ‘высокий’ и ‘глубокий’, но не для водоемов, заполненных водой. Это ограничение кажется, однако, несколько неоправданным.

(10) *al'ε-s'* *šuv-s'* *kərka* / *ser'i* *lotka*
 мужчина-DEF.SG рыть-РСТ.3[SG] глубокий глубокий яма
 ‘Мужик вырыл глубокую яму’.

(11) *volga-s'* *kərka* / **ser'i* *l'ej*
 Волга-DEF.SG глубокий глубокий река
 ‘Волга — глубокая река’.

Опираясь только на приведенные примеры (с. 817): (10), где *ser'i* возможно, и (11), где это прилагательное не используется, можно также заключить, что различие сводится к наличию/отсутствию функциональности, как между контекстами ‘острый нож’ с прилагательным *orža* и ‘острый нос’ с прилагательным *pika* (с. 825).

Итоги главы «Глаголы звука» (ее авторы — **Е. В. Кашкин** и **С. О. Никифорова**) лишней раз показывают эффективность именно сочетаемостного анализа в сравнении со стимульным, не рассматривающим контекст. Так, незвуковые элементы ситуации влияют на развитие значения ‘грозить кому-то кулаком/пальцем’ у глагола *torams*, описывающем в первом значении звук грома.

Следующая глава данной части, написанная **Д. О. Жорник** и **А. Д. Егоровой**, посвящена глаголам падения. Для противопоставления основных глаголов этого поля (*prams*, *pejer'ams*, *vel'ams* и *put'ks'ams*) достаточным кажется выявление типа субъекта, начальной и конечной точек. Различие периферийных глаголов, как предполагают авторы, обусловлено весьма нетривиальными параметрами: наличием сильного удара, специфичного звука при падении — и требует дальнейшего изучения.

Особую значимость имеет обсуждение мокшанских **терминов родства** (автор главы — **А. А. Мельник**), ведь система обозначений родственных отношений в финно-угорских языках очень богата и активно изучается на протяжении многих лет. Несмотря на тщательный анализ номенклатуры в соответствии с критериями, выделенными в [Kroeger 1909], в главе несколько не хватает хотя бы краткого сравнения с существующими данными в родственных языках, например эрзянском [Арискина, Фомина 2016].

Заключительная часть представляет собой восемь образцов текстов и ряд фотографий, на которых изображены как экспедиционеры, так и информанты, в том числе за работой.

3. Общие замечания

3.1. Структура изложения

Рецензируемая монография затрагивает впечатляющее множество аспектов мокшанского языка, которые ранее не обсуждались или были рассмотрены в недостаточной мере. Кажется, однако, что сокращение некоторых пассажей, содержащих повторяющиеся рассуждения, не повлияло бы на качество работы. Например, на с. 464 и с. 466 почти дословно повторяется информация о способности конъюнктива и оптатива оформлять целевые придаточные с союзом *štobə* ‘чтобы’, который в случае оптатива можно опустить.

Обобщающие таблицы, присутствующие почти в каждой главе, невероятно облегчают усвоение основного текста. Тем не менее, уменьшение числа критериев, обозначающих одно и то же, также бы улучшило восприятие. В таблице, представляющей характеристики некоторых матричных предикатов при именных прямых дополнениях и сентенциальных актантах (с. 703—706), графы ‘первичный/вторичный предикат’ (P/S) и ‘ИГ как оформление зависимого’ устанавливают тривиальное соответствие: если предикат вторичный, в графе ИГ ‘—’, иначе указан ее возможный падеж. Таким образом, удаление первой из упомянутых граф не повлияло бы на содержание. Опущение глосс и перевода в некоторых таблицах (с. 368—374), напротив, кажется поспешным и может оттолкнуть читателя.

3.2. Согласованность суждений

При написании одной книги большим количеством исследователей, использующих порой различные подходы, весьма сложно сохранить описание единообразным. Помимо уже упомянутого выделения разного количества фреквентативных показателей, хотелось бы отметить игнорирование кватернарной классификации исчисляемости, выделенной в главе «**Морфология имени**» вслед за [Сердюкова 2017].

Единожды упомянув наличие четырех классов в мокшанском, авторы глав все равно продолжают использовать бинарную классификацию (исчисляемый/неисчисляемый объект: с. 169, 206, 210, 316).

3.3 Статистика

Нельзя не отметить, что многие утверждения аргументируются не только элицитированными примерами, но и корпусными данными, подвергнутыми статистической обработке. В некоторых подсчетах, однако, допущены неточности: значение χ^2 связи оформления прямого дополнения и его информационного статуса — 27.56 (не 24,864, как указано на с. 607), а процент вхождений местоимения *kona* 'который' с посессивным оформлением в относительных предложениях по КМТ — 10,5% (не 12%: с. 717). Тем не менее указанные погрешности статистически не значимы.

3.4 Редактура

Необходимо отдельно отметить объем работы редакторов монографии, с которым они справились успешно. Опечатки встречаются редко и не мешают восприятию текста. Вызывает сомнения использование помет ^{'?}' и ^{'??'} вместо применяемой во многих работах пометы ^{'%'} при обозначении расхождения во мнениях у носителей касательно того или иного суждения.

Несмотря на указанные выше недостатки и неточности, рецензируемая книга — ценный материал как для специалистов по уральским языкам, так и для типологов, занимающихся фонологией, морфологией, синтаксисом, семантикой и информационной структурой. В этот результат внесли свой вклад более 60 студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, а также более 30 информантов, которым мы можем только выразить огромную благодарность за помощь в сохранении многолетней традиции полевых исследований и постижении загадок их родного языка.

Сокращения

Глоссы

1, 3 — 1, 3 лицо	NEG — отрицание
ATD — сопутствующее обстоятельство	NMLZ, NZR — номинализатор
CAUS — каузатив	NPST — непрошедшее время (презент)
CN — коннегатив	O — объект
CONV, CVB — деепричастие	PASS — пассив
DAT — датив	PL — множественное число
DEF — определенность	POSS — посессивный показатель
EL — элатив	PROL — пролатив
FREQ — фреквентатив	PRON — основа личных местоимений
GEN — генитив	PST — прошедшее время (претерит)
ILL — иллатив	PTCP — причастие
IMPF — имперфект	RES — результатив
IN — инессив	S — субъект
INDEF — неопределенность	SG — единственное число
INF — инфинитив	

Литература

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. (Перепечатано в 1995). {*Aprasyan Ju. D.* Lexical semantics. Means of synonymy in Russian. Moscow, 1974.}
- Арискина, Фомина 2016 — *Арискина Т. П., Фомина А. М.* Система терминов родства в эрзянском и венгерском языках (на материале эпоса «Масторава» / «Masztorava») // Финно-угорский мир. № 1 (26). Саранск: 2016. С. 6—11. {*Ariskina T. P., Fomina A. M.* The system of kinship terms in the Erzya and Hungarian languages (based on the epic "Masztorava") // The Finno-Ugric world. 1(26). Saransk, 2016. P. 6—11.}

- Архипов 2005 — *Архипов А. В.* Типология комитативных конструкций: дис. ... канд. филол. н. М., 2005. {*Arhipov A. V.* Typology of comitative constructions. PhD thesis. Moscow, 2005.}
- Бабушкина 1966 — *Бабушкина Р. В.* Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Ред. *М. Н. Колядёнков, С. З. Деваев.* Очерки мордовских диалектов. Т. IV. Саранск, 1966. С. 16—225. {*Babushkina R. V.* Temyashevsky dialect of the Moksha-Mordovian language // Essays on Mordovian dialects. Vol. IV / Eds. *M. N. Kolyadenkov, S. Z. Devaev.* Saransk, 1966. P. 16—225.}
- Борщёв 2001 — *Борщёв В. Б.* За языком. М., 2001. {*Borsh'ov V. B.* Za jazykom. Moscow, 2001.}
- Борщёв, Парти 2011 — *Борщёв В. Б., Парти Б. Х.* Генитив меры в русском языке, типы и сорта // Ред. *И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин.* Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 95—137. {*Borsh'ov V. B., Partee B. H.* The genitive of measure in Russian, types and sorts // Eds. *I. M. Boguslavskij, L. L. Iomdin, L. P. Krysin.* Word and language: Collection of articles for the 80th anniversary of academician Yu. D. Apresyan. Moscow, 2011. P. 95—137.}
- Бубрих 1953 — *Бубрих Д. В.* Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953. {*Bubrih D. V.* Historical grammar of the Erzya language. Saransk, 1953.}
- Волкова 2012 — *Волкова А. А.* Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках // Ред. ред. *А. И. Кузнецова.* Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. М., 2012. С. 543—590. {*Volkova A. A.* Syntactic features of reflexive pronouns in Finno-Ugric languages // Ed. *A. I. Kuznetsova.* Finno-Ugric languages: Fragments of grammatical description. Moscow, 2012. P. 543—590.}
- Евсеев 1929 / 1963 — *Евсеев М. Е.* Избранные труды. Т. 4. Основы мордовской грамматики. Саранск, 1963. (1-е изд. — 1929). {*Evsev'jev M. E.* Selected works. Vol. 4. The basis of the Mordovian grammar. Saransk, 1963. (1st ed. — 1929).}
- Кибрик 1999 — Элементы цахурского языка в типологическом освещении // Ред.-сост. *А. Е. Кибрик.* М., 1999. {*Elements of the Tsakhur language in a typological perspective* // Ed. *A. E. Kibrik.* Moscow, 1999.}
- Кибрик 2001 — Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари // Ред.-сост. *А. Е. Кибрик.* М., 2001. {*Bagvalal language: Grammar. Texts. Dictionaries* // Ed. *A. E. Kibrik.* Moscow, 2001.}
- Кибрик 2005 — *Кибрик А. Е.* Опыт ОТиПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Ред. *А. Е. Кибрик.* Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М., 2005. С. 53—71. {*Kibrik A. E.* OtiPL experience in studying little-described languages // Ed. *A. E. Kibrik.* Minor languages and traditions: Existence on the edge. Iss. 1. Linguistic problems of preservation and documentation of small languages. Moscow, 2005. P. 53—71.}
- Кибрик 2007 — *Кибрик А. Е.* Диалог лингвиста с носителем: В поисках полевого метода и формата лингвистического описания // Сост. *Л. О. Зайонц.* «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 308—328. {*Kibrik A. E.* Dialogue of a linguist and native speaker: in search of a fieldwork method and format for linguistic description // Comp. *L. O. Zayonts.* “Between the Voice and the Echo”. Collection of articles in honor of Tatyana Vladimirovna Tsivyan. Moscow, 2007. P. 308—328.}
- Кибрик 2008 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 2: Начало дагестанских сопоставительных штудий (1973) // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 23—32. {*Kibrik A. E.* Expedition stories 2: Beginning of Dagestan studies (1973) // Phonetics and non-phonetics: To the 70th anniversary of Sandro V. Kodzasov. Moscow, 2008. P. 23—32.}
- Кибрик 2010 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 3: Продолжение дагестанских сопоставительных штудий (1974—1977) // Отв. ред. *В. З. Демьянков, В. Я. Порхомовский.* В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М., 2010. С. 807—842. {*Kibrik A. E.* Expedition stories 3: Continuation of Dagestan studies (1974—1977) // Eds. *V. Z. Demyankov, V. Ya. Porkhomovsky.* In the space of language and culture: Sound, sign, meaning. Collection of articles in honor of the 70th anniversary of V. A. Vinogradov. Moscow, 2010. P. 807—842.}
- Кибрик 2011 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 4: Завершение дагестанских сопоставительных штудий (1978—1984) // Отв. ред. *И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин.* Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 422—445. {*Kibrik A. E.* Expedition stories 4: Completion of Dagestan studies (1978—1984) // Eds. *I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, L. P. Krysin.* Word and language. A collection of articles on the 80th anniversary of academician Yu. D. Apresyan. Moscow, 2011. P. 422—445.}
- Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алуторцев. М., 2000. {*Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Muravyeva I. A.* Language and folklore of the Alutor. Moscow, 2000.}
- Кибрик и др. 1972 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловьянникова И. П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972. {*Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P.* Fragments of the grammar of Khinalug. Moscow, 1972.}
- Колядёнков, Заводова (ред.) 1962 — *Колядёнков М. Н., Заводова Р. А.* (ред.) Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1. Фонетика и морфология. Саранск, 1962. {*Kolyadyonkov M. N., Zavadova R. A.* (eds.). Grammar of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages. Part 1. Phonetics and morphology. Saransk, 1962.}

Кузнецова и др. (ред.) 2012 — Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / Отв. ред. А. И. Кузнецова. Ред. Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. М., 2012. {Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches / Ed. A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova, S. S. Saj, E. Yu. Kalinina. Moscow, 2012.}

Лыткин и др. 1974 — Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеи К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. [ОФУЯ] {Lytkin V. I., Majtinskaja K. E., Rédei K. (eds.). Basics of Finno-Ugric linguistics. Moscow, 1974. [OFUJA]}

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. {Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Ju., Pazel'skaja A. G., Shluinskij A. B. Event structure and verb semantics in the Karachay-Balkar language. Moscow, 2006.}

МДТЯ 2007 — Мишарский диалект татарского языка: Очерки по синтаксису и семантике / Ред. Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов. Казань, 2007. {Mishar dialect of the Tatar language: syntax and semantics. / Eds. E. A. Lyutikova, K. I. Kazenin, V. D. Solovuev, S. G. Tatevosov. Kazan, 2007.}

Муравьев 2017 — Муравьев Н. А. Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. {Muravyov N. A. Taxis and taxic forms in the world's languages : taxonomy and typology. PhD thesis. Moscow, 2017.}

Недялков 1987 — Недялков В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Ред. А. В. Бондарко. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 30—39. {Ned'alkov V. P. Inchoative aspect and its means of expression in different types of languages // Ed. A. V. Bondarko. Theory of functional grammar. Introduction. Aspects. Temporary localization. Taxis. L., 1987. P. 30—39.}

Орнатова 1838 — Орнатова П. Мордовская грамматика. М., 1838. {Ornatov P. Mordovian grammar. Moscow, 1838.}

Плаксина 2002 — Плаксина Т. А. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. {Plaksina T. A. Areal research of North-Western dialects of the Moksha-Mordovian language. PhD thesis. Saransk, 2002.}

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М., 2011. {Plungian V. A. Introduction to grammatical semantics. Moscow, 2011.}

Плунгян, Фёдорова 2017 — Плунгян В. А., Фёдорова О. В. Жизнь как экспедиция: сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова. Т. 1—2. М., 2017. {Plungian V. A., Fjodorova O. V. Life as an expedition: a collection of articles for the 50th anniversary of A. E. Kibrik and S. V. Kodzasov school of field linguistics. Vol. 1—2. Moscow, 2017.}

Поляков 1993 — Поляков О. Е. Русско-мокшанский разговорник. Саранск, 1993. {Poliakov O. E. Russian-Moksha Phrase Book. Saransk, 1993.}

Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2. С. 3—31. {Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology // Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language). 2013, 2. P. 3—31.}

Рахилина, Тестелец (ред.) 1999 — Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М., 1999. {Typology and theory of language: from description to explanation. To the 60th birthday of A. E. Kibrik / Eds. E. V. Rakhilina, Ya. G. Testelecs. Moscow, 1999.}

Сай и др. (ред.) 2009 — Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб., 2009. (=Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Часть 2. СПб., 2009.) {Studies on the grammar of the Kalmyk language / Eds. S. S. Saj, V. V. Baranov, N. V. Serdobol'skaya. SPb., 2009. (=Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of Institute for Linguistic Studies, RAS. Vol. V. Part 2. SPb., 2009.)}

Селиверстова 2004 — Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М., 2004. {Seliverstova O. N. The studies on semantics. Moscow, 2004.}

Сердюкова 2017 — Сердюкова А. И. Именное число в мокшанском языке в типологическом освещении. Дипломная работа бакалавра. М., 2017. {Serd'ukova A. I. Nominal number marking in Moksha in typological perspective. Bachelor thesis. Moscow, 2017.}

Серебренников 1967 — Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967. {Serebrennikov B. A. Historical morphology of the Mordovian languages. Moscow, 1967.}

Татевосов 2002 — Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002. {Tatevosov S. G. Semantics of noun phrase constituents: quantifier words. Moscow, 2002.}

Татевосов (ред.) 2009 — Тубаларские этюды / Ред.-сост. С. Г. Татевосов. М., 2009. {Tubalar studies / Ed. S. G. Tatevosov. Moscow, 2009.}

Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Труды института лингвистических исследований. Т. VI. Ч. 2. СПб., 2010. С. 299—321. {Tatevosov S. G. Primary and secondary in the structure of imperfectives // Proceedings of Institute for Linguistic Studies, RAS. Vol. VI. Part 2. SPb., 2010. P. 299—321.}

- Татевосов 2015 — *Tatevosov S. G.* Акциональность в лексике и грамматике: Глагол и структура события. М., 2015. {*Tatevosov S. G.* Actionality in vocabulary and grammar: Verb and event structure. Moscow, 2015.}
- Тестелец (отв. ред.) 2009 — Аспекты полисинтезизма: Очерки по грамматике адыгейского языка // Отв. ред. Я. Г. Тестелец. М., 2009. {*Aspects of polysynthesisism: Essays on the grammar of the Adyghe language* // Ed. *Ja. G. Testelec.* Moscow, 2009.}
- Феоктистов 1966 — *Феоктистов А. П.* Мордовские языки // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. III. С. 199—220. {*Feoktistov A. P.* The Mordovian languages // *Languages of the Peoples of the USSR. Finno-Ugric and Samoyedic languages.* Moscow, 1966. Vol. III. P. 199—220.}
- Феоктистов 1990 — *Феоктистов А. П.* Диалекты мордовских языков // Paasonens H. *Mordwinisches Wörterbuch.* Bd, I: A—J. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. LX—LXXXVI, 1990. С. 178—189. {*Feoktistov A. P.* Dialects of the Mordovian languages // Paasonens H. *Mordwinisches Wörterbuch.* Bd, I: A—J. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. LX—LXXXVI, 1990. P. 178—189.}
- Цигельман 2006 — *Цигельман К.* Mokšan kielen v-johtimesta // Финно-угристика — 7: Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков. Материалы научной конференции «Актуальные вопросы восточных финноугорских языков», посвященной 80-летию профессора Цыганкина Д. В. (г. Саранск, 25—27 октября 2005 г.). Саранск, 2006. С. 303—309. {*Ziegelmann K.* Mokšan kielen v-johtimesta // *Finno-Ugristic studies 7: Topical issues of Eastern Finno-Ugric languages. Materials of the scientific conference “Topical issues of Eastern Finno-Ugric languages”, dedicated to the 80th anniversary of Professor Tsygankin D. V. (Saransk, October 25—27, 2005).* Saransk, 2006. P. 303—309.}
- Цыганкин 1980 — *Цыганкин Д. В.* (ред.) Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология. Саранск, 1980. {*Tsygankin D. V.* (ed.) *Grammar of the Mordovian languages. Phonetics. Graphics. Spelling. Morphology.* Saransk, 1980.}
- Чинаева 2012 — *Чинаева Н. В.* Способы выражения каузативных отношений в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках // Молодой ученый. 2012. № 1. Т. 2. С. 33—36. {*Chinaeva N. V.* Ways of expressing causative relations in the Mordovian (Moksha and Erzya) languages // *Young scientist.* 2012. № 1. Vol. 2. P. 33—36.}
- Щанкина, Кочеваткин, Мишина 2011 — *Щанкина В. И., Кочеваткин А. М., Мишина С. А.* Русско-мокшанско-эрзянский словарь. Самара, 2011. {*Sh'ankina V. I., Kochevatkin A. M., Mishina S. A.* Russian-Moksha-Erzya dictionary. Samara, 2011.}
- Alexiadou et al. 2007 — *Alexiadou A., Haegeman L., Stavrou M.* Semi-functional categories: The N-of-N construction and the Pseudo-Partitive construction // *Alexiadou A., Haegeman L., Stavrou M.* (eds.) *Noun Phrase in the Generative Perspective.* Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 395—472.
- Büring 2016 — *Büring D.* (Contrastive) Topic // *Caroline Féry and Shin Ishihara.* (eds.) *Handbook of Information Structure.* Oxford University Press. 2016. P. 64—85.
- Collinder 1957 — *Collinder B.* Survey of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1957.
- Corbett 2012 — *Corbett G.* Features. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Corver 2006 — *Corver N.* Comparative deletion and subdeletion // *M. Everaert and H. van Riemsdijk.* (eds.) *The Blackwell companion to syntax,* Malden: Blackwell, 2006. P. 553—621.
- Dayal 2004 — *Dayal V.* Number Marking and (in)Definiteness in Kind Terms // *Linguistics and Philosophy.* 2004, 27. P. 393—450.
- Dayal 2006 — *Dayal V.* Semantic Variation and Pleonastic Determiners: The Case of the Plural Definite Generic // *Proceedings of V Asian GLOW,* 2006.
- Fitzpatrick 2006 — *Fitzpatrick J.* The syntactic and semantic roots of floating quantification: doctoral thesis. Cambridge, MA: MIT Pres, 2006.
- Geuder 2000 — *Geuder W.* Oriented Adverbs: Issues in the Lexical Semantics of Event Adverbs: PhD thesis. Universität Konstanz, 2000.
- Gil 1982 — *Gil D.* Distributive numerals: PhD thesis. Los Angeles, CA: UCLA, 2000.
- Haspelmath 2001 — *Haspelmath M.* The European linguistic area: Standard Average European // *Language Typology and Language Universals (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Vol. 20.2).* Berlin: De Gruyter, 2001. P. 1492—1510.
- Hawkins 1978 — *Hawkins J.* Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, 1978.
- Himmelman, Schultze-Berndt 2005 — *Himmelman N. P., Schultze-Berndt E. F.* Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives. Oxford, 2005.
- Kholodilova 2016 — *Kholodilova M.* Moksha non-verbal predication // *K. Shagal and H. Arjava.* (eds.) *Mordvin Languages in the Field.* Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 229—260
- Kibrik 1996 — Godoberi (Lincom Studies in Caucasian Linguistics 02) / Ed. *A. E. Kibrik.* München—Newcastle, 1996.
- Koptjevskaja-Tamm 2001 — *Koptjevskaja-Tamm M.* “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic Languages // *Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M.* (eds.) *The Circum-*

Baltic Languages: Typology and Contact. Vol. 2: Grammar and Typology. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 523—568.

Kroeber 1909 — *Kroeber A.* Classificatory Systems Of Relationships // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1909, 39. P. 77—84.

Kulikov 1993 — *Kulikov L.* The “second causative”: A typological sketch. Causatives and transitivity / Ed. *Comrie B., Polinsky M.* Amsterdam: John Benjamins. P. 121—154.

Lechner 2004 — *Lechner W.* Ellipsis in comparatives. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.

Lee 2003 — *Lee C.* Contrastive Topic and/or Contrastive Focus // *Bill McClure.* (ed.) Japanese/Korean Linguistics. 2003, 12. P. 381—420.

Lewis 1979 — *Lewis David K.* Scorekeeping in a language game // Journal of Philosophical Logic. 1979, 8 (1). P. 339—359.

Lyons 1999 — *Lyons C.* Definiteness. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Madariaga 2007 — *Madariaga N.* Russian Patterns of Floating Quantification: (Non-)Agreeing Quantifiers. // *P. Kosta and L. Schürcks.* (eds.) Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages. Potsdam Linguistic Investigations. Frankfurt am Main, 2007. P. 267—281.

Neeleman et al. 2010 — *Neeleman A., Titov E., Van de Koot H., Vermeulen R. A.* Syntactic Typology of Topic, Focus and Contrast // Alternatives to Cartography. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 15—52.

Pereltsvaig 2013 — *Pereltsvaig A.* Noun Phrase Structure in Article-less Slavic Languages: DP or not DP? // Language and Linguistics Compass. 2013, 7 (3). P. 201—219.

Russell 1905 — *Russell B.* On Denoting // Mind. 1905, 14. P. 479—493.

Sinor (ed.) 1988 — *Sinor D.* (ed.) The Uralic languages. Description, history and foreign influences // Handbook of Uralic Studies. Leiden: Brill, 1988. P. 451—477.

Srivastav 1991 — *Srivastav V.* The syntax and semantics of correlatives // Natural Language and Linguistic Theory. 1991, 9. P. 637—686.

Turunen 2009 — *Turunen R.* A typology of non-verbal predication in Erzya // Acta Linguistica Hungarica. 2009, 56 (2—3). P. 251—313.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >